ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 8 (4450)

20 февраля 1974 г. СРЕДА

ПЯТИЛЕТКА. ГОД ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ

Растет добыча нефти в нашей стране. Справиться с ее переработкой под силу лишь гигантам индустрии, вооруженным самой передовой технологией. Собственным вычислительным центром обзавелся Нижнекамский нефтехимический комбинат в Татарии — крупнейшее предприятие отрасли. Сейчас ученые и специалисты комбината внедряют на предприятии автоматизированную систему управления производством.

На снимках: исполинская лаборатория в действии; сотрудники кафедры химической кибернетики Казанского химико-технологического института В. Борисов, В. Покровский и В. Желонкин «обучают» электронику управлять производством.

Фото Е. ЛОГВИНОВА (ТАСС)

Интервью товарища Фиделя КАСТРО корреспондентам АПН и «Литературной газеты»

стр. 2

УЗЫ БРАТСТВА

Дни литературы и искусства Российской Федерации в Каракалпакской АССР

БОЛЬШОЙ и радостный праздник пришел на берега многоводной Амударьи и голубого Арала. Каракалпакский народ отмечает знаменательное событие в своей многовековой истории — столетие добровольного присоединения к России.

И очень символичен факт, что торжества совпали с еще одним историческим событием — вручением Каракалпакской АССР ордена Дружбы народов.

Деятели литературы и искусства Российской Федерации, приехавшие на этот праздник братства, сделали его радостным вдвойне. Русские песни и музыка несколько дней звучали на древней каракалпакской земле. Гости побывали у строителей Нукуса, энергетиков Тахиаташа, рисоводов Чимбая, хлопкоробов Турткуля...

В вечере дружбы, посвященном открытию Дней литературы и искусства Российской Федерации в Каракалпакии, приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, члены Бюро ЦК Компартии Узбекистана А. Д. Бесчастнов, А. У. Салимов, первый секретарь Каракалпакского обкома партии К. Камалов, председатель Президиума Верховного Совета автономной республики Д. Ешимбетов, Председатель Совета Министров Каракалпакской АССР Е. Айтмуратов.

Наш корреспондент В. Тюрников обратился к М. Юсупову и О. Шестинскому с просьбой поделиться впечатлениями о прошедшем празднике.

Секретарь правления Союза писателей Каракалпакской АССР

Ибрагим ЮСУПОВ:

Пылает дружбы ленинский маяк
Для всех народов,
что подняли стяг
Свободы, братства...
Гордая страна
Огнем кремлевских
звезд озарена.
Отчизна наша!
Братьями нашли
Все — русский,
украинец и узбек,
Грузин, чуваш,
каракалпак, якут, —
Твою заботу чувствуя,
живут,
И четверть миллиарда
нас — детей
В единой и большой
семье твоей.

Это строки из «Слова о вековой дружбе с Россией» — поэтического послания каракалпакского народа русским братьям. Мы гордимся этой дружбой, которая в советское время приобрела новый глубокий смысл. Мы с гордостью называем ее ленинской дружбой народов.

Наши многолетние связи с русскими писателями приносят богатые плоды. Благодаря именно их усилиям произведения каракалпакских прозаиков и поэтов становятся достоянием миллионного читателя нашей страны.

Встречи, состоявшиеся в эти дни, столь радостные и волнующие для нас, безусловно, послужат дальнейшему укреплению нашей дружбы.

Секретарь правления Союза писателей СССР

О. ШЕСТИНСКИЙ:

— Сердечное общение (я имею в виду наши творческие связи) с литераторами Каракалпакии стало доброй традицией. Небольшая писательская делегация состояла из российских поэтов, чье творчество тесно связано с каракалпакской поэзией. Немало потрудился, например, ленинградец А. Чепуров, переводя на русский язык в разные годы многих своих собратьев по перу — поэтов Каракалпакии. Москвичка Р. Казакова с блеском перевела стихи И. Юсупова. В. Жуков из Иванова много лет назад впервые приехал сюда, чтобы написать об индустриальном преобразовании этой древней земли.

Для нас Дни литературы и искусства Российской Федерации в Каракалпакии стали днями творческими, незабываемыми. Сколько удивительных встреч, полезных бесед! Но полное удовлетворение, наверное, наступит у нас позже, когда все увиденное нами воплотится в поэтические строки.

НУКУС

В. КАРПОВ, Герой Советского Союза

ВСЕГДА НА ПОСТУ

ОГРОМНА и могуча наша Родина. Она простирается от голубых волн Балтики до скалистых берегов Камчатки, от ледяной кромки Ледовитого океана до солнечных вершин Кавказа. Вот уже более полувека на страже этих великих рубежей стоят Советские Вооруженные Силы, плоть от плоти нашего многонационального народа. День Советской Армии и Военно-Морского Флота — всенародный праздник.

За годы своего существования наша страна не раз подвергалась ожесточенным атакам врагов, стремившихся всеми силами уничтожить завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Но всегда они наталкивались на суровый отпор, который давал им советский народ, направляемый и воодушевляемый партией Ленина.

Многие страницы истории нашей страны — это страницы, рассказывающие о подвиге народа. Ратный труд армии и мирный труд рабочих, колхозников и народной интеллигенции всегда были рядом, и когда наступал час испытаний, вчерашний токарь и кузнец, садовод и учитель — все советские люди надевали солдатскую гимнастерку и становились воинами. Они насмерть стояли, защищая свою Родину, свое право строить самое гуманное в мире социалистическое общество. На протяжении всей истории СССР народ и армия едины, связаны тесными, кровными узами.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев на XXIV съезде КПСС глубоко и всесторонне определил суть отношений советского народа и его славных Вооруженных Сил: «Все, что создано народом, должно быть надежно защищено. Укреплять Советское государство — это значит укреплять и его Вооруженные Силы, всемерно повышать обороноспособность нашей Родины. И пока мы живем в неспокойном мире, эта задача остается одной из самых главных!»

Велики традиции и заслуги советской литературы в деле защиты социалистической Родины, в деле воспитания высокого патриотического духа у наших людей. Вспомним пламенные призывы Горького, Маяковского, Демьяна Бедного... Вспомним статьи и книги Шолохова, Фадеева, Алексея Толстого, Вишневского... Во время войны писатели становились не только военными корреспондентами. Они сражались не только пером. Надев солдатскую гимнастерку и взяв в руки автомат, они подтверждали силу своего пламенного слова военными подвигами.

Отгремели последние залпы, и солдаты, спасшие народы от коричневой чумы фашизма, вернулись к своим мирным делам. Кузнец взял в руки молот, токарь стал к станку, учитель вошел в класс, колхозник сел за штурвал комбайна. Вернулся к теме труда и писатель. И эта тема, тема героических свершений пятилеток, стала одной из главных в его творчестве. Но и военно-патриотическая тема не отошла на второй план. Во многих романах, повестях, поэмах, пьесах, очерках, рассказах, стихах развивается эта тема, литература воспитывает нашу молодежь в духе верности идеалам коммунизма, беззаветной преданности партии Ленина.

Ныне, в четвертом, определяющем году девятой пятилетки, советские писатели призваны решить новые задачи — не только отразить в своих произведениях трудовой энтузиазм людей, но и наметить дальнейшую перспективу в развитии характера советского труженика, воспеть его патриотизм, непоколебимую верность интернациональному долгу.

Уже близятся к нам горизонты пятилетки, а за ними открываются новые неоглядные дали, и мы смело смотрим в будущее, уверенные в исторической справедливости нашего дела.

Весь мир сегодня является свидетелем миролюбивой политики Советского государства, на всех континентах раздается призыв нашей партии к миру и сотрудничеству между народами. И все больше людей начинает понимать, что это единственный путь для человечества.

150 ТЫСЯЧ ВСТРЕЧ

В течение двух дней в конференц-зале Союза писателей СССР проходил пленум совета Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы СП СССР. На пленуме шел откровенный деловой разговор о современной литературе, о формах и методах работы Бюро пропаганды. Сегодня председатель совета поэт Лев ОШАНИН комментирует это событие.

— С тех самых пор, как в июле 1968 года был создан совет Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы, мы ежегодно проводим пленумы, на которых идет интенсивный обмен опытом, подводятся итоги нашей деятельности, обсуждаются дальнейшие планы. И вот, оглядываясь назад и мысленно оценивая сделанное, особенно ясно видишь, насколько повысился уровень работы, насколько она стала разнообразнее, глубже и интереснее. У нас установилась тесная творческая дружба с ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

На очередной пленум собрались представители всех союзных республик и 35 крупнейших писательских организаций России, где ныне созданы и работают бюро пропаганды.

Минувший год был богат литературными событиями — поэтическими праздниками, встречами с читателями (их состоялось 150 тысяч!), творческими вечерами... С большим успехом прошли Дни советской литературы в Брянской, Ворошиловградской, Мурманской, Оренбургской, Тюменской, Челябинской, Сахалинской и других областях, в Красноярском крае. Писатели были там, где идут решающие битвы за выполнение заданий пятилетки. Пропаганда решений партии по важнейшим вопросам экономики, культуры, пропаганда ленинских идей дружбы народов, достижений советской многонациональной литературы — вот главное, что составляло основу писательских выступлений.

На пленуме мы утвердили план мероприятий 1974 года. Бюро продолжит кампанию по широкой пропаганде лучших произведений, посвященных героям труда, рабочему классу, его ведущей роли в борьбе за коммунизм. В нынешнем году состоятся многочисленные Встречи писателей с теми, кому адресованы книги,— рабочими и колхозниками, трудовой интеллигенцией. Встречи эти пройдут во всех союзных республиках, во многих городах Российской Федерации. В частности, примечательный будет поездка в Казахстан, в которой примут участие около двухсот литераторов из разных краев и областей, а также писатели — представители социалистических стран и афро-азиатских государств.

Словом, дел предстоит великое множество...

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ПРОБЛЕМУ

ЧТО ТАКОЕ КОММЕНТАРИЙ К ЛИТЕРАТУРНОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ?

стр. 6

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ РАБОЧИЙ ДЕНЬ РУКОВОДИТЕЛЯ?

стр. 10

ОТ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ЛГ»

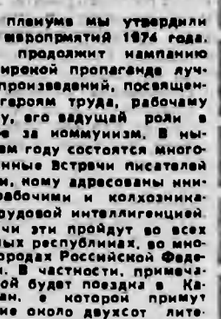
СТУДЕНЧЕСКИМИ МЕРИДИАНАМИ

«Мне доставляет большое удовольствие обратиться со словами сердечного привета к вам, наши юные друзья — студенты вузов, учащиеся техникумов, ко всем молодым читателям нового студенческого журнала... — пишет в своем обращении ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС тов. ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ в недавно вышедшем первом номера нового журнала «Студенческий меридиан». — Весомый вклад в великие дела и свершения нашего народа вносит и советское студенчество... Вам, дорогие друзья, предстоит огромная работа на всех участках коммунистической стройки — работа, которая требует глубоких и прочных знаний, беззаветной энергии и страстности, творчества и новаторства, революционного антузиазма. Вам предстоит пронести ленинскую эстафету борьбы и труда в будущее».

Главный редактор «Студенческого меридиана» Владимир Тонкань рассказывает:

— Овладение современными знаниями, научная и общественная подготовка студентов станет одной из главных тем нашего журнала. Образование, сочетаемое с широким нравственным воспитанием, знания и культура личности человека коммунистического завтра — вот о чем намерен беседовать с читателем «Студенческий меридиан».

Вопросы научно-технического творчества, организации учебного процесса также чрезвычайно важны. Мы хотели бы привить студенту культуру не только специалиста, но и организатора, общественного деятеля. Все это, безусловно, сыграет огромную роль в его будущей жизни.

Мы будем также активно бороться за утверждения законов братства и товарищества, взаимопомощи и поддержки высоких нравственных идеалов в среде учащейся молодежи.

Редакция нашего журнала обязана широко и целенаправленно информировать своего читателя о главных событиях дня. Важным мы считаем открытие на страницах «Студенческого меридиана» дискуссионного клуба, в обсуждениях которого примут участие студенты и преподаватели, ученые и рабочие, колхозники и школьники, будущие абитуриенты.

В январском номере журнала опубликованы документы и материалы о первых шагах советской высшей школы — «Слово о красном студенчестве». Здесь молодежь может познакомиться со стихами наших известных поэтов Степана Щипачева и Андрея Вознесенского. Мы надеемся, что интерес представят и диалог режиссеров Мавла Захарова и Анатолия Силина, и повесть Валерия Алексеева, очерки и статьи, спортивные обзоры.

Активно сотрудничать в нашем журнале обещали писатели Леонид Мартынов, Юрий Нагибин, Василий Шукшин, Фазиль Искандер, Валентин Сорокин, Валентин Сидоров, Игорь Шкляревский и другие.

ПИСАТЕЛИ И ПЯТИЛЕТКА

Как вы добились такой эффективности производства?

Какие психологические факторы играли здесь роль?

Как быстро вы отзываетесь на спрос рынка?

Вопрос следовал за вопросом. Молодые эстонские писатели заинтересованно расспрашивали о жизни швейного производственного объединения имени В. Клементи. Светлые, просторные помещения цехов, царящая в них атмосфера спокойного, уверенного, хорошо налаженного труда произвели большое впечатление на литераторов. Теперь, сидя в кабинете руководителя предприятия, они задавали вопросы, высказывали соображения... Директор объединения Ю. Крафт рассказал, как почти тридцать лет тому назад на основе небольших, разбросанных в разных концах города артелей и мастерских образовалось крупное швейное предприятие, изделия которого славятся далеко за пределами республики; как здесь решаются конкретные задачи, поставленные XXIV съездом партии перед легкой промышленностью; каковы пути повышения производительности труда. Затем выступили ученые-экономисты О. Лугус и Э. Витсур.

Эта встреча носила характер отнюдь не одноразовой экскурсии, она входила в программу специального семинара, проводимого Союзом писателей республики.

Подобное занятие проходило и в Тарту, в Сельскохозяйственной академии ЭССР. Побывавшие там писатели — среди них П. Кусберг, В. Гросс, Б. Кабур и другие — познакомились с важнейшими тенденциями развития сельского хозяйства республики. Причем беседы специалистов во главе с ректором академии А. Рюютелем дополнялись увиденным в опытном хозяйстве в совхозе Юлеэурме.

Интересными и необычными будут и последующие занятия писателей — слушателей семинара. Например, на очереди — ознакомление с одной из ведущих отраслей промышленности республики — сланцевой, посещение шахт и предприятий сланцевого бассейна.

Трудно предсказать сейчас, как отразится увиденное и познанное в творчестве писателей, но в пользе подобных экскурсий сомневаться не приходится...

Р. КАЭРА

ТАЛЛИН

ФАБРИКА КНИГИ

Хороший подарок получили писатели, журналисты и все труженики Казахстана — в Алма-Ате вступила в строй мощная фабрика книги. Фабрика будет выпускать книги на пяти языках.

Сейчас строится городок печати. В него войдут высотное здание Дома издательств, жилые дома, детский комплекс, торговый центр.

(Наш корр.)

АЛМА-АТА

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ФИДЕЛЕМ

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВИЗИТА НА КУБУ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС ТОВАРИЩА ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КОМПАРТИИ КУБЫ, ПРЕМЬЕР-МИНИСТР РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ТОВАРИЩ ФИДЕЛЬ КАСТРО ВСТРЕТИЛСЯ СО СПЕЦИАЛЬНЫМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ АПН И «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» Г. БОРОВИКОМ И Ю. ГОЛОВЯТЕНКО. МЫ ПУБЛИКУЕМ РАССКАЗ ОБ ЭТОЙ ВСТРЕЧЕ И ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ИНТЕРВЬЮ, КОТОРОЕ ДАЛ ИМ ТОВАРИЩ ФИДЕЛЬ КАСТРО.

— ЗАЧЕМ нам сидеть в кабинете? — сказал товарищ Фидель.— Вы мы договорились не вести официальную беседу. Правда? Так поедем куда-нибудь. Вам удобно будет разговаривать в «джипе»?

Ну какой журналист откажется от такого предложения!

Мы вышли из здания ЦК Компартии Кубы. Гавана стремительно погружалась в сумерки, которые наступают здесь быстро. Они начинаются с земли и постепенно двигаются вверх, вытесняя золотистые тона заката, к верхушкам пальм и верхним этажам домов.

— Пройдемся, пока там подготовят машину,— предложил Фидель.

Один из нас впервые увидел его ровно четырнадцать лет назад, когда первый раз прилетел на Кубу, чтобы рассказать о свершившейся революции. Но, честное слово, Фидель не изменился с тех пор нисколько. Говорят, с годами черты лица становятся жестче. У Фиделя — нет, остались прежними. И главное — прежней осталась улыбка. Если она появляется на его лице, он светится ею весь.

— На Кубе многое изменилось. Но вы, команданте, — нет.

Он смеется, теребит бороду:

— А седина?

Немного седины — на первый взгляд только это и отличает внешне нынешнего Фиделя (ему сейчас 46 лет) от Фиделя 1960 года. Мы медленно идем по проспекту Независимости. Идем уже в сумерках, а вершина величественного обелиска Хосе Марти еще золотится в лучах заходящего солнца. Идем вдоль высоких пальм, утолщенных в середине.

— Типичные кубинские пальмы,— говорит Фидель. — Мы их высадили здесь лет пять назад. Очень красивые, правда? Это, конечно, не гаванские. Скорее всего их привезли с Пинар дель Рио.

Он подходит к одному из деревьев и пальцами нежно теребит короткую щетинку, которой покрыта кора пальмы.

— Только порой нет времени полюбоваться ими.

— Мы слышали, что в Сьерра-Маэстра и потом, в первые годы революции, вы спали по три-четыре часа в сутки, не больше.

Смеется, закинув назад голову, у него отличное настроение.

— Нет, теперь я сплю все-таки побольше. А тогда действительно по три-четыре часа в сутки. Больше не получалось. Сейчас в среднем — часов шесть. Правда, когда отправляюсь в какую-нибудь поездку с насыщенной программой, тогда сон снова пропадает. Точнее, нет для него времени. Но когда возвращаюсь, беру свое: первые два-три дня отсыпаюсь.

Мы говорим, что нашим читателям, как и нам, хотелось бы узнать немного о том, как протекает типичный рабочий день Фиделя.

Он охотно соглашается рассказать в общих чертах.

— Бывают разные дни и разные недели. Бывают недели, целиком, до последней минуты занятые систематической работой — встречами, собраниями, делами, расписанными заранее, которые нужно неукоснительно выполнять. Но выпадают иногда дни, относительно более свободные. И тогда я еду на фабрики, в школы, на стройки. Стараюсь ездить по стране, по разным провинциям, чтобы своими глазами видеть, как идет работа. Стараюсь как можно больше быть с народом. Часть моего времени отвожу учебе. Много времени уходит на бумаги: отчеты. Без этого, к сожалению, тоже не обойтись. Но всегда выкраиваю время для чтения хорошей книги. Читаю я обычно по вечерам или смотрю какой-нибудь фильм. Иногда старые фильмы, потому что в годы тюрьмы, ссылки и подполья пропустил много хороших картин тех лет. Как говорится, по уважительным причинам.

Мы всё стоим у пальмы. Один из нас держит в руках магнитофон, другой же о чудесах думает: а вдруг в этой машинке что-нибудь заело, что-нибудь не так и она не работает и, значит, не запишет слов Фиделя.

А Фидель продолжает:

— Конечно, смотрю и новые. Видел советские, в том числе «Войну и мир». Прекрасная картина. Смотрел ее дважды. Видел «Освобождение» и другие фильмы. А первый советский фильм, который я видел, был, — и он почти с нежностью произносит название: — «Сэрыоша».

Мы переспрашиваем, он повторяет. И тогда мы догадываемся: «Сережа»! А Фидель улыбается и кивает:

— Да, «Сэрыоша». Чудесный фильм! Чудесный!

К тому месту, возле пальм, где идет наш разговор, подкатывают два зеленых «ГАЗ-69». И Фидель направляется к одному из них. Он занимает место впереди, справа от шофера, мы — сзади. Фидель как-то очень естественно выглядит именно в «газике» и чувствует себя здесь, видимо, очень привычно и удобно. Говорят, что часто он сам сидит за рулем, разъезжая по дорогам в своей привычной одежде, в которой он был в Сьерра-Маэстра, — военная зеленая фуражка, военная куртка (теперь с узкими погонами главнокомандующего), такого же цвета бриджи, стянутые на щиколотках резинкой, и черные крепкие башмаки, какие носят кубинские солдаты.

Фидель показывает шоферу рукой направление — прямо. Мы едем по той самой дороге, где всего девять дней назад вся Гавана встречала Леонида Ильича Брежнева. И всего два дня назад — в воскресенье, 3 февраля, — провожала домой. Неделя. Всего одну неделю длился этот замечательный визит, но его значение раздвинуло рамки семи дней, сделало их объемней, шире и вместительней.

И разговор наш, естественно, заходит о самом главном — об итогах визита Леонида Ильича Брежнева на Кубу, об этой только что закончившейся исторической неделе.

— Конечно, это была неделя напряженной работы, — говорит Фидель. — И дни подготовки к визиту товарища Брежнева — тоже. Но я хотел бы сказать, что работа эта была радостной и очень интересной. В ней принимали участие народные массы, весь наш народ.

Это была неделя радостей и побед. Она стала кульминационным пунктом всего пятнадцатилетнего периода наших отношений, наивысшей точкой дружбы, братства, сотрудничества, которые существуют между Кубой и Советским Союзом в течение этих 15 лет, прекрасной демонстрацией укрепления и консолидации отношений между Коммунистической партией Советского Союза и Коммунистической партией Кубы, между советским и кубинским народами.

Наши отношения и раньше развивались очень хорошо во всех аспектах, но, как нам кажется, благодаря этому визиту советские руководители получили непосредственное личное впечатление о нашей стране, о нашей революции.

Советский народ с помощью телевидения стал свидетелем проявлений дружбы, любви кубинского народа к советскому народу, нашедших свое выражение в массовых манифестациях, которыми сопровождался визит товарища Брежнева. С нашей точки зрения, это было в первую очередь выражением огромной благодарности нашего народа Советскому Союзу за решающую помощь, которую мы получили в эти годы, выражением чувств интернационализма кубинского народа и идеологической прочности кубинской революции, твердо стоящей на принципах марксизма-ленинизма.

В результате визита товарища Брежнева сотрудничество между коммунистическими партиями Советского Союза и Кубы еще более укрепится, еще более прочным станет наше единство. Дружба и братство между нашими народами получат максимальное развитие.

С каждым днем мы все полнее узнаем о великих свершениях советского народа, и советский народ с каждым днем все лучше ощущает революционный порыв Кубы.

Я хочу еще отметить, что товарищ Брежнев очень быстро завоевал симпатии всего нашего народа. Можно сказать, что с момента прибытия товарища Брежнева в аэропорт ваш народ сразу же оценил личные качества лидера советского народа: простоту, скромность, непосредственность, его приветливый, открытый характер. Все это почувствовалось с первой же минуты. Например, после осмотра войск почетного караула товарищ Брежнев вернулся, чтобы приветствовать солдат. Это не было предусмотрено протоколом, но товарищ Брежнев счел нужным это сделать, и все это немедленно оценили. Когда он здоровался с членами Политбюро, Центрального Комитета нашей партии, с членами правительства, он обратился к каждому из них с каким-нибудь добрым словом и с особым вниманием к тем, кого уже знал. А как тепло, дружески, просто он приветствовал народ в аэропорту! И вся Куба могла это наблюдать по телевидению.

Его умение установить контакт с народом во время массовых манифестаций, его слова, его спокойно выраженные смелые мысли — благодаря всему этому он завоевал симпатии кубинского народа.

Свойственные ему человеческие черты — простота, приветливость, внимательность. У него очень хорошая память. Он никого не забывает, и для всех знакомых ему людей у него есть доброе слово.

Могу сказать, что я никогда не знал человека, который так быстро, так ясно и естественно смог бы завоевать доверие нашего народа, как это сделал товарищ Брежнев.

Конечно, наш народ и раньше знал товарища Брежнева, питал к нему чувства уважения, любви, глубокой благодарности за его испытанную дружбу по отношению к Кубе. Но до этого визита народ не имел возможности так близко видеть его.

— Спросите у любого кубинца, и он повторит вам то же самое, что говорю я. Каждый кубинец скажет, что товарищ Брежнев расположил к себе наш народ своей естественностью, простотой, скромностью, личным обаянием. Тут неподалеку технологический институт, — говорит Фидель. — Заедем. Не говорите, что вы из Советского Союза, и вы сами убедитесь, сами услышите, что будут говорить ребята...

Мы подъезжаем к нескольким четырехэтажным соединенным между собой зданиям, опоясанным длинными сплошными балконами. На балконах и на площадке внизу кто беседует, кто читает, кто идет с полотенцем через плечо, кто «стучит» в баскетбол, кто перекидывается бейсбольным мячом. Одним словом — свободное время.

И вдруг несколько голосов радостно, почти разом:

— Фиде-ель! Фидель приеха-ал!

Вначале в веселом гомоне ничего не разберешь. Потом те, кто на балконе, требуют от тех, кто внизу:

— Тише, ребята, мы тоже хотим слушать Фиделя!

И тогда устанавливается тишина.

— Ты у нас давно не был, Фидель! — говорит кто-то.

— Но я был у вас уже раза два или три, — отвечает Фидель. — Как идут занятия? Как успеваемость?

Ему отвечают, и Фидель внимательно слушает, улыбается, довольный, — видимо, с успеваемостью у ребят дело обстоит неплохо.

— Вот мы тут с моими друзьями-журналистами решили заехать к вам выяснить ваше мнение насчет визита товарища Брежнева на Кубу. Вы были на площади?

— Си-и!

— Все?

— Все-е-е!

— Что вы думаете о товарище Брежневе как о человеке?

Несколько сот человек сразу же все хотят начать говорить, что они думают. Слов не слышно, но содержание ответов понятно по улыбкам.

— Нет-нет, — кричит Фидель и поднимает руку, сразу устанавливается тишина. — Так не получится. Давайте по одному.

— Брежнев — простой и искренний человек, — говорит девушка в платье, и сразу перед ней расступаются несколько человек, чтобы она могла видеть Фиделя.

— Мы чувствуем это. Это видно в каждом его шаге и в каждом его слове.

— Мне кажется, что он очень любит кубинский народ, — говорит парень, стоящий неподалеку от нас.

— А для меня это очень дорого. Мы еще раз увидели единство между Кубой и Советским Союзом.

— Фидель, мне очень понравилось, когда Брежнев вышел на трибуну, помнишь? — это говорит совсем мальчик, подросток, не старше 15 лет.— Он вначале стоял в центре, как и полагается, а потом решил пойти к одному краю трибуны и к другому

ПИСАТЕЛИ — ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

У Константина ФЕДИНА

«Литературная газета» продолжает публикации фотоочерков о писателях — Героях Социалистического Труда. Наш корреспондент В. Крохин побывал в гостях у Константина Александровича Федина.

НА СНИМКАХ: на пленуме правления СП СССР (вверху слева); *с правнуком Андреем* (слева).

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

На днях состоялось очередное заседание бюро секретариата правления СП СССР, проходившее под председательством секретаря правления В. Озерова.

Бюро секретариата обсудило итоги Всесоюзного совещания критиков, в котором наряду с видными писателями приняли участие работники издательств, газет и журналов, вузов страны.

На совещании состоялся творческий, содержательный разговор. Во вступительном слове В. Озерова, докладах Л. Новиченко и Б. Сучкова, в заключительном слове Г. Маркова была рассмотрена работа, проделанная за минувшие два года по выполнению постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Все выступавшие отмечали, что постановление ЦК КПСС оказало огромное воздействие на развитие советской литературы, укрепление ее связей с жизнью народа, содействовало повышению общественного авторитета критики. В выступлениях участников обсуждения подчеркивалось, что критика стала принципиальнее, оперативнее, объективнее анализировать литературные явления, точнее оценивать их идейно-эстетическое значение. Особое внимание на совещании было уделено нерешенным проблемам, дальнейшей перспективе развития литературно-критического жанра.

Бюро секретариата правления СП СССР одобрило итоги Всесоюзного совещания литературных критиков. В постановлении предусматривается обширная программа мероприятий, которые будут проводиться в свете выполнения задач, намеченных в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Так, в апреле в Тбилиси состоится творческое совещание о воплощении образа коммуниста в современной советской литературе. Осенью в Горьком пройдет встреча прозаиков, поэтов, критиков и представителей научно-технической интеллигенции, рабочих и партийного актива города. Тема встречи — «Научно-техническая революция и литература». Совету по критике СП СССР совместно с ИМЛИ имени А. М. Горького предстоит осуществить большую работу по подготовке и проведению международного совещания, на котором будут обсуждены проблемы социалистического реализма. Намечено также организовать при Литинституте имени А. М. Горького Всесоюзные месячные курсы литературных критиков. Секретариат заслушает творческие отчеты ряда литературных журналов.

На заседании было заслушано сообщение секретаря правления СП СССР Н. Федоренко о поездке делегации советских писателей в Италию для участия в двусторонней творческой встрече на тему «Кризис технократической идеологии и возможности литературы».

Бюро секретариата одобрило работу советской делегации в Италии. В принятом постановлении говорится о планируемом участии советских писательских делегаций в международной встрече в Венеции, посвященной творчеству Н. В. Гоголя (встреча состоится в начале 1975 г.), в праздновании юбилея Вазари, в международном конгрессе в Милане, который обсудит проблемы семиотики литературы (июнь 1974 г.).

С отчетом об итогах поездки советской делегации в Монголию для подписания плана сотрудничества между союзами писателей СССР и МНР на 1974—1975 гг. выступил секретарь правления СП СССР Заки Нури. Бюро секретариата дало положительную оценку деятельности советской писательской делегации в Монголии.

В обсуждении приняли участие С. Баруздин, Г. Брейтбурд, Ю. Верченко, А. Кешоков, П. Палиевский, А. Салынский, С. Сартаков, Б. Сучков.

Ярославу ИВАШКЕВИЧУ

ВАРШАВА

Союз польских писателей

Дорогой Ярослав Ивашкевич!

Советские писатели сердечно поздравляют Вас, крупнейшего писателя современной Польши, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», с днем Вашего славного восьмидесятилетия. Это торжественный день не только в Вашей жизни, но и в истории современной польской литературы, это большой праздник для всех Ваших многочисленных друзей и почитателей Вашего огромного таланта.

Ваше творчество широко известно в нашей стране и пользуется заслуженным признанием многомиллионной читательской аудитории. Мы высоко ценим Вас как замечательного поэта, прозаика, драматурга, как превосходного эссеиста, темпераментного публициста и тонкого переводчика русской литературы.

Ваши знаменитые романы «Красные щиты» и трилогия «Хвала и слава», близкие толстовским традициям, очень популярны в нашей стране. Это глубокие философские произведения, ставящие сложные морально-психологические проблемы, с удивительным мастерством раскрывающие внутренний мир героев, пронизанные атмосферой поэзии и музыки, всем тем, что обогащает и возвышает духовную жизнь человека.

Глубокое восхищение вызывает Ваша неутомимая общественная активность, и мы приветствуем в Вашем лице почти бессменного председателя Главного правления Союза польских писателей, виднейшего деятеля польской культуры, испытанного участника движения борцов за мир, одного из старейших депутатов сейма Польши, крупнейшего организатора литературной жизни, вот уже в течение двух десятилетий редактирующего литературно-художественный ежемесячник «Таурчость».

Желаем Вам, дорогой друг, доброго здоровья, радостей, новых сил в Вашем многогранном творческом труде и благородной деятельности писателя-интернационалиста, направленной на дальнейшее укрепление дружбы наших литератур и наших народов во имя мира, социализма и счастья всех людей на земле.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

СЛАВНАЯ, СВЕТЛАЯ ДРУЖБА

По приглашению Союза венгерских писателей 11 февраля в столицу Венгерской Народной Республики—Будапешт прибыла делегация Союза писателей СССР в составе первого секретаря правления Союза писателей СССР Г. Маркова и председателя Иностранной комиссии Союза писателей СССР А. Косорукова.

В редакцию «ЛГ» по телефону сообщили из Будапешта.

12—13 февраля в Будапеште состоялись переговоры делегаций Союза писателей СССР и Союза венгерских писателей об итогах советско-венгерского литературного сотрудничества в 1973 году и о планах его дальнейшего развития в 1974—1975 годах.

В откровенной, содержательной беседе о литературной жизни в Советском Союзе и Венгерской Народной Республике, о достижениях и проблемах дальнейшего развития советской и венгерской литератур приняли участие генеральный секретарь Союза венгерских писателей Имре Добози, секретари Союза венгерских писателей Габор Гараи и Золтан Фабиан, секретарь писательской парторганизации Лайош Иллеш и другие. Во время беседы были обсуждены задачи укрепления и углубления литературных связей обоих писательских союзов, широкий круг вопросов дальнейшего социалистического развития литератур братских стран. Наибольшее внимание было уделено тому, как советские и венгерские писатели в своем творчестве отображают сегодняшнюю социалистическую действительность каких успехов они добились в создании образов современных героев, какую работу союзы проводят по укреплению связей с жизнью народа. Характеризуя позицию Союза венгерских писателей, Имре Добози заметил:

— Сидя дома, нельзя придумать, что происходит в жизни. У писателя должны быть реальные источники переживаний, эмоций.

В непосредственной связи с этой генеральной темой были рассмотрены и другие актуальные вопросы: борьба литературы за социалистический образ жизни советского и венгерского народов, против мелкобуржуазной идеологии, проявлений мещанства и сугубо потребительского отношения к жизни; подготовка и воспитание молодых литераторов, переводчиков советской и венгерской литератур; содержание и направленность революционного пафоса в труде, в повседневной жизни; упрочение связей между литераторами, проживающими в столицах и на периферии.

Подытоживая двухдневное обсуждение, Имре Добози сказал:

— Мы получили не только хорошую информацию, но и плодотворные идеи для работы.

14 февраля в Союзе венгерских писателей Г. Марков и Имре Добози подписали план сотрудничества между Союзом писателей СССР и Союзом венгерских писателей на 1974—1975 годы, который Имре Добози и Г. Марков оценили как шаг вперед на пути совместного обсуждения наиболее важных идейно-творческих и эстетических проблем, взаимного познания литераторами жизни народов Советского Союза и Венгрии. Они подчеркнули большое значение мероприятий, предусмотренных планом сотрудничества в связи с приближающейся 30-й годовщиной освобождения Венгрии от гитлеровских захватчиков, и необходимость активного использования в этой связи широких возможностей литературных газет и журналов обеих стран.

В тот же день, 14 февраля, делегация Союза писателей СССР была приглашена в Министерство культуры и просвещения Венгрии, где состоялась содержательная беседа с членом ЦК ВСРП, государственным секретарем министерства Ласло Орбаном.

В ходе беседы, в которой принял участие Имре Добози, были затронуты вопросы, связанные с ролью литературы в социалистическом строительстве, в духовном формировании нашего современника.

15 февраля делегацию СП СССР принял член Политбюро, секретарь ЦК ВСРП Дьёрдь Ацель. В дружеской беседе участвовали генеральный секретарь Союза венгерских писателей Имре Добози и советник посольства СССР в Венгерской Народной Республике В. Мусатов.

В тот же день делегация СП СССР посетила кладбище Керепеши, где похоронены недавно скончавшиеся крупнейшие венгерские писатели Бела Иллеш и Пожеф Дарваш, и возложила цветы на их могилы.

Во время пребывания в Венгрии делегация СП СССР посетила одно из крупнейших венгерских издательств «Европа». Это издательство в 1973 году выпустило более 30 названий книг классической и современной литературы народов Советского Союза, в том числе первые три тома «Библиотеки советской литературы». Директор издательства Янош Домокош познакомил советских друзей с работой издательства и, в частности, рассказал об интересном замысле: выпустить к 30-летию освобождения Венгрии Советской Армией сборник произведений советских писателей, участвовавших в боях против фашистских оккупантов на венгерской земле.

Делегация СП СССР осмотрела недавно открытый в Будапеште Дом советской культуры и науки, с дирекцией которого она обсудила некоторые вопросы сотрудничества и договорилась, в частности, о регулярных выступлениях советских писателей перед посетителями дома.

По случаю пребывания делегации СП СССР в посольстве Советского Союза в Венгрии состоялась дружеская встреча, в которой участвовали виднейшие венгерские писатели, переводчики советской литературы, деятели культуры, работники издательств.

Пребывание делегации Союза писателей СССР в Венгрии широко освещалось венгерской печатью, телевидением и радио. 16 февраля по приглашению Союза писателей Социалистической Республики Румынии делегация Союза писателей СССР выехала в Бухарест.

БУДАПЕШТ. (По телефону)

РЕПОРТЕР «ЛГ»

НОВАЯ КНИГА

НЕИЗДАННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА Б. ЛАВРЕНЕВА

«Борис Андреевич Лавренев приехал в Ташкент в теплушке длинного красноармейского эшелона в январе 1920 года — молодой, веселый, энергичный и жизнерадостный. Он был еще на костылях после тяжелого ранения на фронте», — так писал о первой встрече с Лавреневым его друг Павел Лукницкий.

Через несколько дней будущего писателя назначили военным комендантом города. Несмотря на трудное, суровое время, на постоянные бои с басмачами, Лавренев на перестал писать — его оружием была не только винтовка, он воевал и пером, накапливал материалы для будущих произведений прозы, драматургии, публицистики...

В издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Бориса Лавренева «Бессменная вахта». В подзаголовке стоит: «Неизданная публицистика». В книге собраны статьи, выступления Бориса Лавренева разных лет, интервью, данные им корреспондентам радио и газет.

— Материалов было гораздо больше, чем смог вместить одни небольшой том, — сказала нам редактор сборника И. Гнездилова. — Поэтому шел довольно кропотливый и тщательный отбор. По принципу приближенности статей и сегодняшнему дню. Критерий один — актуальность. Ценность сборника, по-моему, несомненна — ведь в нем собраны материалы, еще не входившие ни в одну из лавреневских книг. Серия, в которой появилась «Бессменная вахта», — «Писатель, молодежь, жизнь». Периодичность этой серии — одна книга в год. На очереди — сборник Петруся Бровки.

А. МОСКАЛЕВ

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

СТИХИ, СТИХИ...

Вот уже двенадцать лет республиканская газета «Циня» отдает страницу одного из январских номеров лучшим стихам латышских поэтов, опубликованным в минувшем году. И каждый раз создается новое жюри... На этот раз в его состав, кроме литературного критика, вошли юрист, преподаватель литературы, актер, главный редактор киностудии, врач, историк, библиотекарь, автоинспектор, ученый. Шестнадцать стихотворений составили маленькую антологию лучшей поэзии прошлого года. За двенадцать лет чаще всего — одиннадцать раз! — добивались читательского признания стихи М. Кемпе, восемь — О. Вациетиса, Н. Аузиня и А. Эйсиня, семь — Н. Зиедониса и А. Григулиса.

И. ДИЖБИТ

РИГА

СПОРТ

МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ

Начавшийся в воскресенье Московский международный турнир собрал на кортах Дворца тенниса ведущих спортсменов семи стран. Среди них — первые ракетки ГДР Б. Гофман и Т. Эммрих, финалисты чемпионата Румынии Д. Харадау и В. Сотиреу, «экс-чемпионка Чехословакии М. Неуманова, сильнейшие мастера из Болгарии, Венгрии, Польши...

Для советского тенниса минувшее время показательно тремя достижениями. Впервые в истории отечественного тенниса его представитель А. Метревели стал серебряным призером Уимблдонского турнира, в О. Морозова и Т. Какулия — абсолютными чемпионами Всемирной универсиады-73. Приятно, что в нынешних встречах с лучшими зарубежными спортсменами играют на равных и советские лауреаты международных турниров, и юные спортсмены, недавно заявившие о себе в первых больших соревнованиях нового года. Мы имеем в виду москвичей В. Борисова и К. Пугаева, сумевших соответственно одолеть игроков первой десятки — В. Егорова и Е. Бобоедова. Отметим и А. Богомолова, победителя игроков первой пятерки — С. Лихачева и П. Лампа. Наступлением молодежи ознаменовалось и начало московского турнира. Пятнадцатилетняя Н. Чмырева победила чемпионку ГДР В. Гофман, Р. Ахмеров, Т. Кивистик и С. Корзун — братьев Памфиловых и Ю. Берберян.

***

Традиционный «Приз вдохновения» «ЛГ» будет вручен в финальный день турнира — 24 февраля.

Э. ФРАМ,
член президиума Федерации тенниса Москвы

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

ПРИСВОЕНО...

...звание лауреата премии имени Паало Тынчины поэту Ярославу Стапанюку. Премия была учреждена Советом Министров УССР а прошлом году — за лучшие произведения художественной литературы, способствующие воспитанию трудящихся а духе социалистического интернационализма, раскрывающие торжество ленинской национальной политики.

■

...звание лауреата премии Ленинского комсомола Литвы прозаику Р. Кашаускасу (за повесть «Мотоциклисты»), поэтессе Я. Дегутите (вместе с художницей С. Валюкене — за книгу стихов для детей «Солнечные песенки»), критику Н. Настопке (за книгу «Сайлан литовской и латышской литературе»).

Премии удостоен также молодой поэт В. Вараускас — за тексты молодежных песен.

ПОДПИСАНО В УЛАН-БАТОРЕ

На днях в Улан-Баторе состоялось подписание плана сотрудничества между писательскими организациями Советского Союза и Монголии на 1974—1975 годы. Его подписали председатель Союза монгольских писателей Сономын Удвал и глава советской делегации, секретарь правления Союза писателей СССР Заки Нури.

Разнообразна и обширна программа сотрудничества писателей на предстоящие два года. Она предусматривает обмен делегациями, регулярные консультации и совместные мероприятия по актуальным литературно-художественным проблемам, а также дальнейшее развитие непосредственных контактов между литературно-художественными изданиями.

Монгольские писатели, в частности, примут участие в Днях советской литературы в Казахстане и Тюменской области, во Всесоюзном Пушкинском празднике поэзии, а также в многосторонних творческих встречах писателей социалистических стран, которые состоятся в Советском Союзе.

Интересна и содержательна программа мероприятий, проводимых монгольскими писателями с участием их советских коллег. Это традиционные Дни изящных слов, творческие семинары переводчиков художественной литературы, критиков, драматургов и театроведов.

— Для меня заключение соглашения между двумя нашими союзами, — заявил Сономын Удвал, — всегда событие волнующее и радостное, потому что оно служит благородной цели: дальнейшему углублению монголо-советских литературных связей. Всестороннее сотрудничество с многонациональной советской литературой, одной из самых передовых в мире, для нас, монгольских писателей, является незаменимой творческой учебой, которая обогащает нас и всемерно содействует совершенствованию организационно-творческой деятельности нашей организации.

Год 1974-й знаменателен. Наша республика будет отмечать свой полувековой юбилей. В стране развернулось всенародное социалистическое соревнование за достойную встречу этой исторической даты. Начали подготовку и работники литературного цеха. Союз писателей объявил конкурс на лучший очерк и публицистическое произведение о нашем современнике.

К юбилею родной республики наши литераторы готовят коллективный сборник стихов и прозы. Уже сейчас мы думаем над тем, какими новыми сочинениями встретить наш большой общий праздник — 30-ю годовщину победы Советского Союза над фашистской Германией.

— В Монголии я был первый раз, хотя знаю и интересуюсь ею давно, — сказал Заки Нури. — С произведениями монгольских писателей я непосредственно познакомился, когда у себя в Казани принимал участие в подготовке шеститомной Ленинианы, куда вошли и сочинения поэтов и прозаиков МНР. Переводить на родной язык стихи своих друзей было настоящим счастьем. И вот теперь выдалась возможность увидеться с ними «лицом к лицу», о многом поговорить, вновь убедиться в том, что у нас, говоря словами Маяковского, «по линии сердца разрыва нет». Дружба и сотрудничество наших народов и наших литератур — это вечнозеленое древо жизни, богатое ветвями и уходящее корнями вглубь.

Ким БОЛДОХОНОВ,
корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»

Гиви Ражденович ГАЧЕЧИЛАДЗЕ

После тяжелой и продолжительной болезни скончался известный грузинский писатель и переводчик, видный критик и теоретик литературы, доктор филологических наук, профессор Гиви Ражденович Гачечиладзе. Он родился 3 августа 1914 года. Окончил Тбилисский университет в 1936 году. Начал активную литературную и научную деятельность.

Перу Г. Р. Гачечиладзе принадлежат высокохудожественные переводы на грузинский язык наиболее значительных произведений русской, английской, французской, немецкой литератур. Читатели и критики высоко оценили переведенные им драмы и сонеты Шекспира, английские народные баллады, произведения Байрона, Гёте, Гюго, Шелли, Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Тютчева, Блока, Маяковского, Бажана, Багрицкого и др.

Г. Р. Гачечиладзе — автор многих капитальных исследований по вопросам теории и истории художественного перевода. Его книги «Вопросы теории художественного перевода», «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» и другие были изданы на языках многих народов СССР и зарубежных стран. Г. Р. Гачечиладзе был признан одним из ведущих теоретиков и практиков советской школы перевода. Не раз выступал он на всесоюзных и международных конгрессах и конференциях, посвященных этим проблемам. Он активно участвовал а работе Совета по художественному переводу Союза писателей СССР и Союза писателей Грузии, где на протяжении десятков лет возглавлял секцию переводчиков.

Наряду с литературной деятельностью Г. Р. Гачечиладзе вел плодотворную научную работу. До последних дней жизни являлся заведующим кафедрой английской филологии Тбилисского государственного университета, старшим научным сотрудником Института истории грузинской литературы имени Руставели Академии наук ГССР. Под его руководством в Грузии выросла большая группа специалистов теории и истории перевода.

Г. Р. Гачечиладзе ушел из жизни полный творческой энергии, неосуществленных литературных и научных планов. Память о замечательном человеке, писателе, ученом, посвятившем свой талант и знания народу, долго будет храниться всеми, кто знал его.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите выразить через вашу газету глубокую благодарность всем организациям, коллективам и отдельным товарищам, поздравившим меня с 60-летием и награждением орденом Дружбы народов.

Юрий ЗБАНАЦКИЙ

КИЕВ

«ПЯРГАЛЕ»: ОТ РОМАНТИЧЕСКОЙ СХЕМЫ К РЕАЛЬНОСТИ

НА ВСЕСОЮЗНОЙ арене литовскую литературу обычно награждают аплодисментами.

Высокую идейность и художественные достоинства литовской литературы засвидетельствовали и на недавнем заседании секретариата правления Союза писателей СССР известные мастера слова — представители писательских организаций Москвы и братских республик. Не думаю, что такая оценка была незаслуженной. Литовская литература давно снискала добрую славу своими плодотворными художественными поисками, что привлекло к ней внимание и читателей, и квалифицированных критиков. «Романное мышление» литовских прозаиков, о котором говорилось на секретариате, — также радостное приобретение нашей литературы последних лет.

Сегодня мы хотим поговорить о произведениях, опубликованных в минувшем году на страницах республиканского журнала «Пяргале». Попытаемся определить, куда ведут неизвестные всесоюзному читателю литературные трассы.

Окинув взглядом широкий рейд литовской прозы, мы прежде всего убеждаемся, что круиз в воды внутреннего монолога, начавшийся романами А. Беляускаса и М. Слуцкиса, уже не в силах набрать караваны судов. Длинные или короткие ленты такого монолога, правда, вмонтированы в ткань многих произведений, однако авторам приходится выходить за «кадр», чтобы яснее очертить внешние обстоятельства.

В романе братьев Диргела «Шалфейная гора» рассказ ведется от третьего лица, но повествователь невольно уступает место смятенному самоощущению главного героя. Сюжет растворяется в потоке рассуждений, ассоциаций, эмоциональных вспышек; исчезают четкие грани ситуаций. Убывающую пластику персонажей, тускнеющую яркость образа, развитие интриги авторы пытаются заменить взбудораженной до драматизма активностью переживания, повтяцией каждого ощущения, ритмическими повторами фраз. Надрывность повествования раздражает читателя подчеркнутым напряжением, риторикой, излишней красивостью. «Как прохладен был камень в жатву у избы Дауйотса, как звонко звенели косы, прикасаясь к нему, как осторожно клали на него головы косари, зажмурясь от доброй прохлады, разлившейся в теле и мыслях». Холодный камень родины, цветущее клеверное поле, медонос должны воскресить из творческого застоя и душевной неразберихи архитектора Кунаса Дауйотаса, которому не удался проект, наскучила любимая, и сам он, сбежав в деревню, решил стать пасечником. Авторы не могут предложить своему мятущемуся герою более оптимальный выход, чем руссоистские иллюзии. Лишенное проблемного костяка, произведение приковано к романтической схеме (интеллигент бежит в деревню), и поэтому оно только декоративно, не более.

Такого рода произведения для некоторых наших торопливых критиков послужили предлогом, чтобы поставить крест на всем жанре психологического романа. Но столь решительный приговор, на мой взгляд, преждевременен: внутренний монолог продолжает поиски серьезного этического содержания.

Отдельные случаи манерности и многословия еще не означают конца психологического направления литовской прозы. Роман П. Микелинскаса «Дятел пестрый» (№№ 10, 11, 1973) свидетельствует о важном сдвиге психологического анализа в моральной проблематике. В послевоенной классовой борьбе человек сбился с пути, совершил преступление, а потом до конца жизни переживает свою вину. Это новый подход к традиционной тематике литовской прозы, предопределенный опытом психологического романа. В центр произведения И. Микелинскаса ставится моральная ситуация: осознание вины, поиски искупления. Но реальные события вписываются в сюжет самым условным образом и поэтому, конечно, не имеют панорамной широты и яркого колорита времени.

При этом я не думаю, что следует избегать тонкого лиризм: поэтической трансформации, мелодичной фразы в «исповедальной прозе». Есть же какие-то сокровенные частицы человеческого существования, которые подвластны лишь негромким словам. В рассказе Э. Микуленайте «День-ночь-день» девушка на полдня приезжает в деревню к матери. Они беседуют, поутру девушка возвращается в город. Ничего не произошло, ничто не изменилось. Но отчий дом захлестывает героиню такой ясностью, таким ощущением полноты бытия, доброты, что этот приезд перерастает в яркую кульминацию ее жизни. Небольшое пространство рассказа с едва намеченным сюжетом таким образом приобретает глубинную перспективу.

И все-таки поэтический разговор — емкий и лаконичный в своем подтексте, а также пышный и несобранный в своих словесных тирлиндах — заметно увял в прозе последних лет. Возникла даже «оппозиция» к приподнятой тональности повествования, к возвышенному спокойствию и пафосу чувств, которые довольно долго определяли стилистику литовской прозы. Появилось ироническое отношение рассказчика к объекту, разрушающее психологическую торжественность автора и персонажей, «убивающее» героев — носителей апробированных ценностей. Разве можно приложить к противоречивому современному миру одно решение, одно настроение, одну тональность?

В повестях «Ореховый хлеб» и «Воспоминания о литовских сермягах» молодой прозаик С. Шальтянис одновременно и наивный лирик, и яростный насмешник. Его юные герои до конца сохраняют детскую чистоту, они доверчиво глядят на мир, жаждут любви, хотят делать добро. Волна пробужденного чувства словно поднимает их, счастливых, над землей. Лишь изредка, столкнувшись в своем «полете» с бытовой неустроенностью или чьей-либо подлостью, они прибегают к иронической гримасе, которая, впрочем, распространяется далеко не на все, ничуть не разрушая их светлого мироощущения. Эта ирония и по-детски эмоциональная непосредственность порождают контрасты, вызывают диалоги-перестрелки, характеристики-шаржи, сюжет делает крутые, внезапные повороты, а повествование приобретает весьма конкретную фактуру, правда, в последней из повестей чрезмерно стилизованную.

Многоголосое повествование с двойным и тройным измерением действительности разрушает структуру, и нужна крепкая авторская рука, чтобы совладать и не позволять распасться этому сооружению. Возникает такое обилие плоскостей и направлений, что уже неизвестно, куда что движется. Так случилось в повести другого молодого прозаика — Л. Яцинявичюса «Меняю образ жизни», который автор назвал гротеском. Повесть «слеплена» из пышных фантастических видений: средневековые кабаки, король воров, фокусник, деревенские мужики с кольями, веселые потасовки, любовь на старинном гумне, современный футбольный матч, начатый ударом ноги знаменитого писателя, отчаянные усилия художника реконструировать свою личность, дабы изменить творчество, — все это объединяет причудливый монтаж. Видения чуть цементированы авторской прозой. Перед нами многоэтажная композиция, построенная на сочетании нескольких психологических игр, происходящих одна в другой, на философском диалоге, на головокружительной смене мест действия и бессвязной стыковке событий. Все это разрушает целостность сюжета, естественное течение времени. Произведение кажется вереницей изысканных кадров, тешащих зрение, но не оставляющих рубца в памяти. Основа конструкции повести Л. Яцинявичюса — в той же схеме мечущегося интеллигента, которая переходит из рассказа в рассказ, из повести в повесть. Эта схема признает смутные психологические колебания, ей чужды категорические отрицание и утверждение. Но без этой категоричности нельзя создать гротескное произведение, в котором узловую мысль не выразишь отдельными парадоксами, — она должна единой системой пройти через все образы.

Изменилась литовская деревня. Здесь сейчас работает много специалистов с высшим образованием, да и духовный склад рядового колхозника стал совершенно иным. Изменившаяся деревня потребовала и изменения средств ее изображения. Автор отказывается от традиционной пластики бытовых деталей и сочного колорита крестьянской речи. От внешнего описательства он переходит к области моральных коллизий, от красочного диалога — к интонациям раздумья. Стилистика повестей становится более интеллектуальной. Это новое качество литовской деревенской прозы.

Эпические формы повествования возвращают прозе социальную панорамность и, главное, психологическую глубину в раскрытии актуальной проблематики. Они дают возможность яснее и конкретнее рассказать читателю о том, как в современный мир, что в нем происходит, какие социальные и нравственные проблемы занимают нашего современника.

«Три дня в августе» («Под летним небом») Витаутаса Бубниса — самый что ни на есть традиционный роман: всеведущий наблюдатель возвышается над событиями; действие последовательно переходит из одного плана в другой... Однако взаправдашняя жизнь так и брызжет из хронологически расположенных эпизодов. Если измерить художественное произведение единицами жизненной информации, то роман В. Бубниса собрал бы больше битов, чем вся остальная проза журнала, посвященная нашим дням. Это социальный роман в самом точном смысле этого слова: в нем действуют новые социальные группы, обнажаются различные пласты жизни. Автор анализирует объективную диалектику событий, а не поучает, не навязывает свое решение. «Три дня в августе», без всякого сомнения, — наиболее серьезное произведение Витаутаса Бубниса. В нем менее всего ощущается дидактическая заданность, интонации человека современной деревни не искажены стилизацией, автору удалось добиться необычайно острой для современной литовской прозы психологической достоверности.

Перелистав журнал «Пяргале», мы видим, что ежедневная дань литовской прозы своему читателю была разнообразной и довольно-таки щедрой. Не все трассы, конечно, вывели к сверкающим вершинам. Но они останутся на карте нашей литературы, и по ним, конечно же, еще пройдут отважные, талантливые исследователи жизни.

Витаутас КУБИЛЮС
вильнюс

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

- ОБОЗРЕНИЕ: ПРОЗА ОДНОГО ЖУРНАЛА
- РЕЦЕНЗИРУЕМ КНИГИ С. ОСТРОВОГО, Ю. СТРЕХНИНА, В. МИХАНОВСКОГО

ДОБРАЯ СИЛА, СИЛЬНАЯ ДОБРОТА

ЧЕЛОВЕК многое может. Гораздо больше, чем иной раз предполагает. Если, конечно, он идейно и нравственно закален, если ему есть что завещать молодым, идущим сменить старшее поколение, славно послужившее своей стране. Такое лейтмотив двух новых произведений, которые Юрий Стрехнин почти одновременно предложил читателю: повесть «Вечный пропуск» и роман «Завещаю тебе». Их нерасторжимо объединяет образ главного героя — Андрея Сургина, от чьего имени идет повествование в том и другом случаях, наблюдения, раздумья, суждения, судя по всему, созвучны мировоззрению автора.

В повести «Вечный пропуск» Сургин — само воплощение сугубо мирной профессии, [illegible]-путешественника, «ограниченно-годного» — необученный». От армии он по состоянию здоровья освобожден и работает в специальных экспедициях. А в романе тот же Сургин — полковник в отставке. Он хочет в экспедиционному событию в жизни самые передать ему свою полевую сумку. В ней — треугольные письма со штемпелями «просмотрено военной цензурой», коробки блокадных карточек, боевые карты... И как знать, стоит ли не взять, не равнодушные, а сильные и трепетные руки приняли бесценную реликвию!..

Самая серьезная творческая удача Ю. Стрехнина — образ Сургина-старшего. Такие сильные духом люди без колебаний шли в [illegible] дивизии, сплачивали вокруг себя бойцов в атаках, писали корреспонденции в свои «дивизионки», становились ротными и комбатами... Отдавали себя Советской Родине безраздельно и ничего не требовали от нее взамен. «Была б она счастливой, а мы-то будем счастливы...» Сургин — из таких.

Сургина отличают большая душевность, нравственная надежность. И спокойная, твердая, очень [illegible] бы сказал, [illegible] поколения. С [illegible] и не начальством. С [illegible] и с [illegible]. В [illegible] отношениях с женщиной, которую любил, и в принципиальном споре с карьеристом Кобецем.

Тема нравственной эстафеты поколений, тема [illegible] готовности сыновей продолжать дело отцов, тема гражданского мужества — вот главное, что интересует Ю. Стрехнина и что стремится он исследовать средствами художественного [illegible].

Радовало удивление, на мой взгляд, ставшее традиционным приемом всех [illegible] времени, когда в сюжетной ткани органически чередуются главы и разделы о «днях нынешних и днях минувших», когда в единый ряд с военной страдой огневых лет становятся гражданского мужества мирных дней. Ибо и в мирное [illegible] продолжается бой — с чуждой идеологией и бесприципностью, с косностью и душевной слепотой...

В трудном писательском поиске рядом с обретениями, находками встречаются и некоторые издержки. Можно, например, посетовать на чрезмерное обилие «любовных» сентенций, которые неоправданно замедляют развитие сюжета. Особенно в романе. Частые диалоги не всегда достаточно «мускулисты» и напряжены.

Ю. Стрехнин не выбирает легких тем. Он пишет о мере нравственных ценностей в наше стремительное время, о том запасе духовной, моральной прочности, которая непрестанно накапливается в душах поколения, призванного сменить «отцов». О силе, которая должна быть доброй, и о доброте, которая непременно должна быть сильной.

Георгий МИФОНОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

А. А. МОСАКУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Александра Александровича Мосаку Новое собрание сочинений СССР направило юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Ваша литературная творческая деятельность широко известна у нас в стране, пользуется заслуженным авторитетом среди широкого круга читателей. Ваши книги и статьи, публицистика направлены на воспитание у советских людей высокого чувства патриотизма, интернационализма, дружбы. Заслуженно пользуется успехом и ваш исследовательский труд ученого, литературоведа, автора ряда ценных работ о современной советской и зарубежной литературе. Широкому кругу читателей известны ваши выступления в печати, ваши [illegible] представителями широкой русской, [illegible], Д. Драгомощенко, Ю. Друниной, [illegible] и [illegible] культуры, [illegible] и таланта Вы отдаете большие силы и время работе [illegible] Литературного института имени А. М. Горького.

Президиум избранного [illegible] литературных произведений Союза писателей РСФСР.

Один из первых сборников Александра Исбаха назывался «С винтовкой и книгой». Да, с оружием и пером он никогда не расставался. Участвовал в освободительных походах Западного Белоруссии, в боях с белофиннами, в Великой Отечественной. Помню, как и нам на Волховский фронт приходила газета соседнего Северо-Западного фронта «За Родину» со статьями, очерками, зарисовками Исбаха. Его корреспонденции публиковала «Правда». Орденом Красного Знамени были отмечены фронтовые заслуги писателя.

Верная человеческая и творческая дружба связывала Исбаха с Дмитрием Фурмановым еще со студенческой скамьи. На экземпляре одного из первых изданий «Чапаева» его автор написал Исбаху: «Содругу, сотоварищу по трудной борьбе в пролетписательских окопах». Об этой борьбе за революционную советскую литературу Александр Исбах правдиво, впечатляюще рассказал в книгах «Лицом к огню» и «На литературных баррикадах». Перу А. Исбаха принадлежат выразительные литературные портреты А. Серафимовича, В. Маяковского, Вс. Иняшвили, М. Горького, Я. Ильина, Е. Петрова, Вс. Багрицкого, В. Ягодзинского.

Много лет назад редактировал Александр Исбах газету «Коломенский рабочий». С тех пор на протяжении почти пятидесятилетия связывает его тесная дружба с коллективом Коломенского тепловозостроительного завода имени В. В. Куйбышева.

...Перед мной — только что вышедшая новым изданием книга Исбаха «Юность моя, комсомол мой». Таким остается он и в день семидесятилетия — певцом комсомольской юности, сохранившим ее идеалы и пафос!

Григорий ВЕОВМАН

Г. Д. ВАРДОСАНИДЗЕ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по грузинской литературе и Совет по критике и литературоведению направили Гиви Дмитриевичу Вардосанидзе приветствие:

«Поздравляем Вас со славным юбилеем — пятидесятилетием со дня рождения.

Ваша книга литературно-критических статей «Слово и жизнь», статьи «Мое магнитное поле», «Критика бывает, вдохновляющая, утверждающая», «Критика — о критике», очерки «Зе оммом Америке» и другие хорошо известны в республике и по достоинству оценены читателями и литературной общественностью.

Мы знаем и ценим Вас как писателя-коммуниста, общественного деятеля, принципиального критика и воспитателя литературной молодежи.

Желаем Вам здоровья, счастья и новых творческих свершений».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу передать мою сердечную признательность лицам и организациям, поздравившим меня с семидесятилетием и награждением орденом Дружбы народов.

Л. ТИМОФЕЕВ

Разрешите через вашу газету принести глубокую благодарность учреждениям и организациям, товарищам и друзьям, поздравившим меня с семидесятилетием со дня рождения и правительственной наградой.

Вера ЖЕНТИ

ЗАМЕТКИ НА [illegible]

ФЕДОР ИКАРОВ В КОСМОСЕ

СУЩЕСТВУЕТ фантастика, так сказать, первичная, то есть такая, которую ее авторы создают, пользуясь собственным воображением, собственным жизненным опытом... А наряду с ней возникла «фантастика» другого рода, которая, спекулируя на популярности жанра, маскируется под первую. Эта фантастика порождена не самостоятельными раздумьями над жизнью, над путями прогресса, над судьбами человеческого общества, а навеяна чтением научно-фантастических же книг, из которых заимствуются сюжеты, темы, гипотезы, терминология... Для «вторичной фантастики» характерно и то, что в ней берется лишь внешняя сторона явлений и совершенно утрачиваются их глубинное, философское осмысление, которое присутствовало в книгах-«первоисточниках».

Как ни прискорбно, «вторичная фантастика» получила довольно широкое распространение. Книга В. Михановского «Шаги в бесконечности» — один из весьма «ярких» тому примеров.

В книге присутствует необходимый набор научно-фантастических компонентов. Главные из них, конечно, — человекообразные мыслящие роботы. Какой уважающий себя научный фантаст может нынче обойтись без них?! В. Михановский, взяв эту острую приправу, вероятно, даже не подозревает, что здесь скрывается множество сложнейших этических проблем. У него из камер синтеза выходят шеренги шестипалых людских двойников. Для автора нет сомнений: это послушные слуги своих господ, сильные и незлобивые, которых можно бросать на всякие грязные и трудные работы, посылать на верную смерть и т. д. Но ведь там, как описал их В. Михановский, — перед нами ничем не отличающиеся по образу мыслей, по уровню разумности от человека существа, подлинные сапиенсы. По какому же праву люди обратили их в рабов, в тягловый скот? По праву создателей? Но, если вдуматься, какая, собственно, разница, как создать разумное существо — «натуральным» или искусственным способом? Если это действительно мыслящее существо, то, однажды созданное, оно приобретет независимость от своего создателя и может, например, взбунтоваться.

Все это только малая часть вопросов, которые возникают, когда затрагивается такая гигантская проблема, как искусственный разум. Ответы могут быть самые разные, но пусть будут хоть какие-нибудь. Когда же нет никаких и робот начинает гулять по страницам книги, как киплинговская кошка, сам по себе, не неся никакой нравственной, человековедческой нагрузки, то он сразу же превращается в пустопорожний атрибут, декорацию из чужого спектакля.

Перейдем от роботов к людям. Впрочем, разница незначима: люди, пожалуй, еще более безлики и неразличимы, чем роботы. Они лишены минимального психологического наполнения, индивидуальных черточек... Так, девушка Лин не имеет никаких примет, кроме носы. Но из-за одних лишь нос нельзя волноваться, нельзя переживать, поэтому оставляет равнодушным трагическое, а сущности, расставание Лин с главным героем повествования Федором Икаровым, улетающим навсегда в космос. Федор тоже лишен особых признаков, в наличии разве что самые общие — решителен, смел, самоотвержен и, конечно, очень талантлив (при этом настолько ненаблюдателен, что не сумел отличить пришедшего к нему робота от человека). Итак, о самом Федоре много не скажешь, поговорим о ситуации, в которую он поставлен.

Федор летит в одиночку, сопровождаемый только роботами, и Черной звезде, звезде, которая обладает таким чудовищным притяжением, что не отпускает от себя даже лучи света. Летит, чтобы разгадать тайну гравитации. Но какая там обстановка, может ли вообще человек или корабль находиться в поле тяготения этой звезды, сколько лет или тысячелетий в отсутствие Федора пройдет на Земле и как он собирается возвращаться — всего этого отважный малый не питал на амват. Сказали ему: надо, Федя, — он и полетел. Не почему же он все-таки летит один? По какому нравственному закону человека, пусть добровольца, обрекают на десятки лет одиночества? На я усовершенствованную ли тюрьму превратился для Федора его звездолет? (Если роботы могут полностью заменить товарищей по полету, то почему бы, скажем, не отправить роботов без людей?) Естественно ли, что тонкие мысли даже не приходят никому из героев в голову, в том числе и девушке, любящей Федора? Зато как эффектно — один в космосе!

Автор, несомненно, пытался изобразить некое гармоническое и высокогуманное общество. Но, вопреки его воле, гуманизм общества, которое эксплуатирует себе подобных и бросает своего представителя на произвол судьбы, начинает вызывать сильные сомнения. Так мстит за себя легкомыслие.

Научный уровень книги вполне соответствует ее художественным достоинствам. Скажем, речь идет о драке двух роботов: «...Упав на пол, кому-то каким-то чудом умудрился удержать равновесие, но от удара сдвинулся люк, который прикрывал воронку, ведущую в аннигилятору. И тут случилось ужасное: Энмен сильным и ловким ударом столкнул манипулятор в воронку. Жалобный всхрип, испущенный в последний момент защитной системой охваченного пламенем манипулятора, резнул слух Икарова...» Здесь все поистине великолепно: и откручивающаяся от случайного удара заслонка ядерного реактора, и представление о нем, как о паровозной топке с открытым огнем, куда, видимо, горючее приходится подбрасывать лопатой.

Обратим внимание на заключительную часть. Герой наконец залетел в окрестности Черной звезды. Здесь еще не бывал никто из людей, и даже, кажется, из научно-фантастических героев. Что же увидел Федор? А ничего не увидал — помешала полная темнота вокруг, разве что прямые линии стали ему мазаться искривленными.

Но в конце концов: каковы же результаты экспедиции, удалось ли раскрыть загадки гравитации? Автор огорчился сухим замечанием: факты, добытые Федором, требуют длительного анализа на Земле. И все. Право же, хоть какие-нибудь предположения можно было выдвинуть. К сожалению, от начала повести до ее конца довольно гладко исписанные страницы полностью бессодержательны, — стоило ли издавать их 65-тысячным тиражом?

Всеволод ВЕВИЧ

НЕУТОЛИМАЯ ЖАЖДА ДОРОГИ

«Я ИДУ по земле». Так назвал новую книгу стихов Сергей Островой. Несколько ранее у него вышла тоже итоговая книга «Стихотворения и поэмы. 1935—1970». Обе они наиболее полно и цельно представляют избранное поэта. А всякое избранное предполагает в разговоре о нем не только разбор стихотворений, но и выход к творчеству поэта вообще.

Сергея Острового «неисправимо» зачисляют в разряд поэтов-песенников. И, видимо, в этом есть доля справедливости. Во всяком случае песня — исток его творческой биографии. С нею он вошел в поэзию в 1934 году, когда ему и композитору Н. Я. Мясковскому за песню «Напивались тополи» была присуждена премия на конкурсе военно-комсомольской песни. С песней не расстается С. Островой и сегодня. На его стихи написано много известных, полюбившихся народу песен («Прощальная», «Зима», «Песня остается с человеком», «Избранники» и др.).

И тем не менее в суждение о том, что С. Острового зачисляют в разряд поэтов-песенников, я стремился вложить элемент полемичности. Прежде всего потому, что произошло некое смещение понятий. Один из трудных поэтических жанров — песня — при широком распространении эстрадно-прикладного вирши-писания на задиную музыку превратился в некий эталон второразрядности.

Песня, по словам Н. Г. Чернышевского, «должна прилагаться к чувствам решительно каждого человека; иначе она не нужна целому народу, а годится только для нескольких отдельных лиц...» Справедливость этих слов доказана такими мастерами, как М. Исаковский, А. Фатьянов, творчество которых связано с песней. Многие их стихотворения стали подлинно народными песнями. Такими же стали и некоторые стихи С. Острового, в которых выявляется изначальная связь поэта с фольклором. В чем она видна? В сказочности, в напевности, в разговорной интонации, в складе образного мышления. Может быть, потому и привлекают композиторов стихи поэта, определяя сам лад их будущих песен?

Поэзия С. Острового представляет собой сплав реальности и сказочности, правды жизни и романтически приподнятой мечты. Сплавляют эти диаметральные понятия воедино пенсякаемые в поэте чувства новизны и удивления, жажда поиска, устремленности в будущее.

Завершая стихотворение «Характер», поэт сказал:

И если очень в жизнь
влюбленный —
То в этом суть моя и есть!

Это и самохарактеристика. Влюбленность в жизнь составляет и доминанту характера героя стихов — поэта, человека-гражданина, осознающего свою высокую ответственность за все на родной земле. И не просто осознающего, а доказывающего, что он имеет право на такую ответственность. Это очень важно. Ведь не обеспеченная этим правом, такая ответственность сама по себе никогда не сможет обрести поэтическую убедительность в стихах широкого общественного звучания, — не перешагнуть ей барьера декларационности и долунговости. В тех случаях, когда Сергей Островой пишет по праву пережитого и выстраданного, он непременно убедителен и значим:

Перед родной землей
благоговея,
Всегда достоин
будь ее любви.
Она-то без тебя
прожить сумеет,
Ты без нее попробуй
проживи!

И тогда перед нами предстает человек труда «как хозяин всевластный», который может накинуть на реку «бетонное седло» плотины и построить ГЭС, овладеть самой сложной техникой, вырваться в космос. Предстает лирический герой, повторивший дорогу поэта на фронт, куда, несмотря на освобождение по плохого зрения, он ушел добровольно, «всей сутью жизни к подвигу готов». И стихи «Нет, не однажды на полях войны...», «Колокол», «Военное шоссе», «Костыль», «Стихи о жизни и смерти» вырастают в своеобразный нравственный кодекс. Сквозным лучом сердечного опыта пронизывают стихотворение «Слово о равнодушных» строки:

...Когда нам запрещали
доктора —
Мы уходили в роты
добровольно.

Сергей Островой — поэт темпераментный, импульсивный, быстро реагирующий на все, что взволновало, задело, зацепило его. Поэтому излишняя полемическая заостренность порой оборачивается неким заклинательством. Так выглядят в общем-то верные публицистические выступления его, такие, как «Критику Эн Эн», «Юнцы», «Клевета», и некоторые другие.

Но стоит только «включиться» в разговор вечному, вынесенному из жизни, как, казалось бы, незначительный факт вроде «Сейчас все больше пишут о Париже...» вновь предопределяет встречу с человеком, чувствующим и умеющим наполнить этим чувством поэтическое слово:

Судьба тянула меня
пеструю дорогу.
И может, возраст
этому виной —
Все больше тянет
к отчему порогу.
И простому слову.
И истине простой.

Эта влюбленность в жизнь и неутоленная жажда дороги по широким просторам Родины обеспечивают остроту зрения и слуха поэта, позволяют в реальном видеть сказочное, слышать тишину, подмечать в неприметном непоторимое. Неослабевающее умение удивляться и удивлять раскрывается в самой сказочности его мира. В стихах 30-х годов мы встречаем осень всю в золоте тепла, которая «воды озерной шла напиться...», и месяц в небе, который «гадал всю ночь по звездам до утра», и высокое облако, летящее «пухом фазаньим...». Эта же жизнерадостная и действенная яркость природы, оживающей под взглядом доброго волшебника поэта, остается и в стихах последних лет.

Как легко заметить, у поэта, не ведавшего «часа праздного», не ведает его и природа. Она — труженица. И потому в его стихах речушка вяжет рукавицы, зима снежки солит, гроза дерется с горою... И непременно в любых стихах, пусть даже сугубо пейзажных, пусть интимно лирических, всегда проявится характер поэта-жизнелюба. Тем реальнее высота сверхзадачи, которую ставит перед собой Сергей Островой и решает в своей поэзии.

Вер. ЛЮМОВ

Сергей Островой. «Стихотворения и поэмы. 1935—1970». Издательство «Художественная литература», 1972.

Сергей Островой. «Я иду по земле». Издательство «Современник», 1973.

Дмитрий Гулиа

Портрет работы заслуженного деятеля искусств РСФСР Ияьи ГЛАЗУНОВА

«ВСЕГДА ВПЕРЕД, ВСЕГДА ВПЕРЕД, В ГРЯДУЩЕЕ!»

100 лет со дня рождения народного поэта Абхазии Дмитрия ГУЛИА

Дмитрий ГУЛИА

■

Всю жизнь свою в труде,
Как горная вода,
Он знать не знает, где
Плоды его труда.

Ему бы отдохнуть,
Не тратя столько сил,
Он не окончил путь
И рук не опустил.

Он верен навсегда
Призванью своему.
Пасть духом — никогда
Нет времени ему.

1906

■

Счастлив тот, кто может все сказать,
что за годы на душе скопилось,
кто умеет в жизни увязать
мудрость, осуждение и милость.

Кто за правду ратует всегда,
невзирая на чины и званья,
чья к несправедливости вражда
высекает из сердец признанья.

Счастлив почитаемый людьми,
приобретший добрую известность
не за силу, а за свет любви,
за отвагу и за человечность.

Счастлив тот, кто молодости дар
не растратил кое-как, впустую,
кто в других будил чудесный жар,
говоря: я истину взыскую!

Кто достойным в молодости был,
но еще достойней стал под старость,
кто не только близких возлюбил —
но любовь для мира в ком осталась.

Счастлив, чтивший и отца, и мать,
к мудрецам ходивший за советом,
истину умевший указать
всем заблудшим, кто нуждался в этом!

1910

Наш Кавказ

Ты, покрытый снегами, как символом славы,
мы гордимся тобою — твои сыновья.
Словно воины в шлемах, вздымаются главы
белоснежных вершин над чертой бытия.

Ты, вскормивший столь сильных и телом, и духом,
Абраскила-героя и братьев его,
передал их могущество детям и внукам
и продолжил в праправнуках их естество.

Сколько всяких врагов на тебя посягали,
сколько раз закипали в ущельях бои!
Но у врат твоих воины насмерть стояли,
вражья кровь омывала вершины твои.

А на их ли потомки клянутся Отчизне
в эти грозные ночи и черные дни?
Состязаясь с прапрадедами в героизме,
сторожат твои снежные пики они.

Так сомкнемся рядами, питомцы Кавказа,
поклянемся стране, что врага разобьем,
пусть он чует пришествие смертного часа,
чтобы в мире развеялась память о нем!

1943

Перевел с абхазского
С. КУНЯЕВ

Константин СИМОНОВ

ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

КОГДА я думаю о Дмитрии Иосифовиче Гулиа, в глазах моих стоит далекая маленькая и величественная Абхазия.

Я вижу абхазские тополя у белых пыльных дорог за низкими живыми изгородями из трофолеты — зеленой колючки...

Я вижу абхазские и мингрельские деревенские дома, чем-то похожие на свайные постройки.

Я вижу справа моря, чаще зеленое, но в бурю действительно черное...

Я вижу грохочущие по горным дорогам грузовики... и бело-зеленый Сухуми под теплым зимним дождем.

Я люблю этот край, люблю вблизи и люблю издали.

С первых дней знакомства, а потом и душевной близости этот край был связан для меня с именем и личностью Дмитрия Гулиа. Его дом стал для меня дверью в эту страну. Да только ли для меня? Есть много людей, которые вместе со мной могут повторить эти слова.

Достаточно просто подумать, чем была Абхазия в 1917 году и чем она стала, чтобы представить себе, из каких беспрестанных трудов, забот и борьбы состояла жизнь человека, составившего первый абхазский букварь, напечатавшего первые абхазские стихи, написавшего на своем языке первую пьесу и первый роман, открывшего первый театр и создавшего первые академические труды по истории своего народа.

Эта удивительная жизнь мальчика из абхазской деревни, молодого сельского учителя девяностых годов прошлого века, ставшего сначала великим просветителем своего маленького народа, а потом писателем и поэтом, известным в громадной двухсотмиллионной стране,— такая жизнь, конечно, граничит с подвигом, а быть может, и является им.

Тем, кто не знал Дмитрия Гулиа, я не хочу рисовать образ стареющего богатыря. Он вовсе не был богатырем, не был никогда, и в молодости тоже...

Его сила была силой духа, выдержавшего в жизни многие испытания и не согнувшегося и перед последним испытанием — старостью.

В последние годы жить стоило ему больших усилий, но, зная его, я думаю, что он считал бы эти усилия бессмысленными, если бы их результатом было только продление собственной жизни, а не продление своего общения с людьми.

ВЫДАЮЩЕМУСЯ МАСТЕРУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В истории каждой нации есть люди, которые оставили неизгладимый след в народных сердцах. Для абхазского народа таким был Дмитрий Гулиа. Подобно мифологическому Атланту, по велению долга и собственного сердца, он вздымал ввысь небосвод своей родины, чтобы оттуда лилось больше света и тепла.

О Дмитрии Гулиа немало написано: книги и статьи абхазских, русских, грузинских авторов... Его имя известно и за пределами нашей страны. Сейчас к литература о нем добавилось еще одно фундаментальное исследование, принадлежащее Георгию Гублиа. Это самый полный из трудов, посвященных выдающемуся мастеру. Книга вышла в 1973 году в Сухуми (издательство «Алашара»), переведена к юбилею Д. И. Гулиа на грузинский язык.

Деятельность Д. И. Гулиа, можно сказать, была безгранична. Он был просветителем, педагогом, журналистом, поэтом, прозаиком, драматургом, переводчиком, историком, этнографом, фольклористом, театральным деятелем... Уже одного этого перечисления достаточно, чтобы понять и осознать его значение для родного народа. К его титаническому труду добавляется еще то, что Д. Гулиа был не только творцом и исследователем абхазской культуры, но и, если можно так сказать, ее «чернорабочим». Он обучал грамоте земляков, сплачивал вокруг себя начинающих писателей, издавал их рукописный журнал, редактировал абхазскую газету «Апсны» и выполнял еще десятки различных дел. Он один мог сделать то, что потребовало бы самоотверженного труда десятка энтузиастов.

Дмитрий Гулиа восторженно приветствовал Октябрьскую революцию и установление Советской власти в Абхазии, ознаменовавшей начало новой эры в жизни его народа. Культурная жизнь Абхазии стала полнокровной и насыщенной, ее успехи сегодня общеизвестны. Но никто не может забывать того, что начало сегодняшней богатой и многообразной абхазской литературы и искусства восходит к одному корню — к Дмитрию Гулиа. Обо всем этом интересно и убедительно повествуется в книге Г. Гублиа.

И все же из всей многосторонней деятельности Д. Гулиа должно быть выделено главное и определяющее: именно ему принадлежит заслуга создания национальной письменности. Одного этого было бы достаточно, чтобы обессмертить его имя в памяти народа. В 1912 году в Тифлисе был впервые на абхазском языке издан сборник его стихов — первооценить этот факт в истории национальной культуры невозможно.

Нам дорого все наследие Д. Гулиа, но особенно близко и ценно его художественное творчество, которое опиралось на традиции абхазского фольклора и в свою очередь само стало основой всей последующей абхазской литературы. Автор монографии подробно и основательно рассматривает проникнутую гражданским пафосом поэзию, первые рассказы и ставший классическим роман «Каманиче», драматургию Д. И. Гулиа. Еще до победы Советской власти в Абхазии пламенный патриот Михаил Чалмаз писал: «У нас, абхазцев, появился человек, который под силу написать нашу историю и сберечь ее... Этот единственный человек — Дмитрий Гулиа... Что ему делать в первую очередь? За что браться? Обучать наших детей азбуке, писать статьи и стихи или абхазскую историю? Этот человек столько успевает, что нельзя не поразиться... Когда же сумеем мы оценить и поддержать его?»

К сожалению, М. Чалмаз не дожил до времени, когда имя Дмитрия Гулиа окружено всенародной любовью, оценено и признано по достоинству. Одним из конкретных проявлений этой любви и признательности стала книга Георгия Гублиа о выдающемся писателе и гражданине.

Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ
ТБИЛИСИ

Георгий Гублиа. «Дмитрий Иосифович Гулиа». На грузинском языке. Издательство «Мерани». Тбилиси. 1974.

Баграт ШИНКУБА,

председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, народный поэт Абхазии

ПАМЯТЬ ХРАНИТ...

СЕГОДНЯ наше советская многонациональная литература торжественно и радостно отмечает 100-летие со дня рождения Дмитрия Гулиа, пламенного патриота Советской Родины, которую он любил больше всех сокровищ мира.

Можно сказать, не боясь впасть в преувеличение, что, пожалуй, ни в ком другом так ярко не проявлялись способности абхазского народа, как в творчестве Дмитрия Гулиа, который по справедливости занял выдающееся место в жизни богатой многонациональной советской литературы.

На формирование яркого, многогранного дарования Дмитрия Гулиа большое, благотворное влияние оказали великая русская литература, культура братского грузинского народа и особенно творчество таких выдающихся мастеров грузинской литературы, как Важа Пшавела, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели... Д. И. Гулиа был связан прочными узами дружбы с многими крупнейшими советскими писателями.

Выходец из крестьянской семьи, он проложил первые борозды на поле нашей абхазской литературы. Надо было испытать негасимую любовь к родному народу, обладать высоким гражданским мужеством и ярким поэтическим даром, чтобы, преодолев множество преград и испытаний, положить начало новому периоду в истории культуры своего народа.

Мне посчастливилось знать этого замечательного человека почти тридцать лет, и, конечно же, в моей памяти хранятся многие наши встречи.

Впервые я увидел Дмитрия Гулиа в моем родном селении Члоу, куда он приезжал для сбора абхазских народных сказаний. Наш сосед пригласил его к себе в гости, и здесь до позднего вечера он беседовал с крестьянами. Меня поразили глубокая заинтересованность, почтительная душевная внимательность, с которыми Дмитрий Иосифович слушал рассказы крестьян...

1932 год. Сухуми. Я учился в Абхазском педагогическом техникуме, а клубе которого с чувством трепета показал Дмитрию Иосифовичу тетрадь с моими стихами. Он прочитал их и спросил:

— У тебя есть еще стихи?

— Целая тетрадка! — ответил я.

В это время прозвенел звонок, который приглашал Д. И. Гулиа, преподавателя абхазского языка и литературы, в класс, на занятия.

— Перепиши все свои стихи начисто, мы с тобой поговорим о них, — сказал он.

И действительно, спустя несколько дней мне передали, чтобы я пришел в Абхазский научно-исследовательский институт, где мои стихи будут читать Д. И. Гулиа и С. Я. Чанба. Я пришел. С. Я. Чанба взял мои стихи и начал читать их. Потом неторопливо, внимательно читал Дмитрий Иосифович. В моих первых стихах нетрудно было заметить сильное влияние устной поэзии, но Дмитрий Иосифович не видел в этом опасности. Наоборот, он считал это для поэте важным, исходным рубежом и вспоминал, как сам в начале поэтического пути пользовался фольклорной традицией.

— Учиться у народе его умению выражать свои мысли всегда полезно и важно,— говорил он мне. — Но только этого для поэта, который хочет сказать свое, новое слово, недостаточно. Есть другая книга. Это жизнь, которая требует от поэте своих, новых мыслей, ощущений, слов... Тот, кто не поймет этого, не может рассчитывать создать что-либо ценное.

...Последний раз, ранней весной 1959 года, Дмитрий Иосифович пригласил меня домой, и я читал ему отдельные главы из «Песни о скале». Он хотел послушать и остальную часть поэмы, но я закончил ее только после его кончины... Каким внимательным и заботливым был он, наш поэтический наставник и учитель! Сколько сил он отдавал воспитанию будущих писателей...

Многогранен образ замечательного певца абхазского народа. Обо всем коротко не расскажешь, но одно нельзя не подчеркнуть. Дмитрий Гулиа гордился нашей могучей ленинской Коммунистической партией и с большой любовью и проникновенностью написал цикл стихов, в которых запечатлел образ великого Ленина.

Дмитрий Иосифович Гулиа, поэт и гражданин, принадлежит не только минувшим и нынешним поколениям наших людей. Убежден, что как настоящий большой советский художник он принадлежит и коммунистическому будущему, которому он посвятил свою яркую, как факел, жизнь.

Конст. СЕРЕБРЯКОВ

«Я — ЧЕЛОВЕК. Я ВСЕ МОГУ»

ВРУССКУЮ литературу река с орлиным именем Кодо́р вошла с рассказом Максима Горького. Рассказ этот о том, как в один из осенних дней голодного и мрачного 1892 года его автор стал восприемником нового жителя «земли русской» — человека «неизвестной судьбы». Кто знает, что стало с тем крохотным человечком, который громким криком на берегу горной кавказской реки возвестил о своем появлении на свет божий и которому Горький от всего сердца пожелал:

— Шуми, орловский! Кричи во весь дух...

Может, так и вышло, что имя и голос этого орловца прошумели в новой жизни, на обновленной русской земле. Только этого мы, к сожалению, не знаем. Но зато хорошо известно, как сложилась судьба целого народа, который живет по обоим берегам Кодора, Бзыби и в горах, возвышающихся над этими реками и морем. А ведь в те далекие годы и его судьба была неизвестной. Небольшой народ этот, абхазцы, издревле населял землю, похожую на рай. Но жизнь абхазцев была подобна жизни в преисподней, и впереди — ни лучинка, ни просвета. Вот тогда и вошло в обиход тоскливое, как плач над покойником, слово «махаджиры».

Что же такое махаджиры? Для многих это было загадкой. И в самом деле, как могло случиться, что люди, живущие в райском уголке земли, стали покидать родимые гнезда и кинулись неизвестно куда — за море, на чужбину? Ну что ж, сейчас ответ прост и ясен. И его даст каждый абхазский школьник: замучили князья и они же задурили народу головы.

Среди махаджиров — переселенцев — была и большая семья крестьянина Урыса Гулиа из села Уа́рча, что стоит на правом берегу реки Кодор. На утлой фелюге переправилась эта семья через Черное море и пристала к чужому турецкому берегу. Но, хлебнув здесь горюшка горького, пустилась в обратный путь — помочь взялся простой турецкий рыбак. Плавание было опасным — шла война с турками. Но судьба уберегла махаджиров от турецкого свинца, они вернулись в свою Абхазию и поселились уже на левом берегу Кодора, в селе Адзюбжа — как раз напротив того места, где прежде стоял их дом, сожженный аскерами.

Старшему сыну Дмитрию (в детстве его называли Гач) было тогда четыре года. Когда семья Урыса плыла домой и в безветренные часы на мачте увядали паруса, Гач тоже брался за весло — малыш, он жаждал поскорей услышать плеск кодорской волны, по которому стосковался на чужбине.

Нет! Мы запомнили
жгучие слезы
у махаджиров
в кровавых очах,
и на заставят нас войны,
и беды, и грозы
бросить родимый очаг!

— напишет он позже.

ВТОТ ГОД, когда на берегах Кодора родился крикливый орловец, Дмитрию было восемнадцать лет. Он уже учительствовал. Бывал и в Сухуме, и в Очамчирах, разъезжал по селам. А Горький работал на постройке шоссе Сухум—Новороссийск и однажды, увидев одинокую женщину, у которой начались роды, принял у нее ребенка. Не смею утверждать, что Дмитрий Гулиа встречал на абхазских тропах высокого, худого, скуластого лицом двадцатичетырехлетнего Горького. Но мог и встретить — ведь оба они ходили по берегам одной и той же реки, пили одну и ту же светлую воду быстрого Кодора — глаза человека видят в жизни великое множество людей, но люди проходят чередой и исчезают из памяти...

Новую судьбу абхазского народа определил Октябрь. И судьба эта воплотилась в человеке с берегов Кодора — известном теперь всем поэте, романисте, драматурге, ученом, просветителе Дмитрии Гулиа.

В семнадцать лет он создал алфавит и абхазскую азбуку. Написав эту фразу, я поймал себя на том, что, наверное, грешно о таком огромном просветительском и научном подвиге говорить так просто: «создал алфавит...». Какими же обширными знаниями вообще и родного языка в особенности нужно было обладать, чтобы в семнадцать лет придумать алфавит и азбуку! А ведь он проучился в горийской учительской семинарии всего четыре месяца, заболел тифом и был отчислен по той причине, что «местный климат не подходит для слушателя Дмитрия Гулиа». Он учился сам — читал философов, историков, географов и этнографов, изучал латынь и греческий, библию, коран и талмуд, классическую литературу России и Грузии, Запада и Востока...

Азбука — книжечка в сорок пять страниц — пришла в самые глухие абхазские села. А Гулиа — автор ее — принялся обучать читать и писать на родном языке детей и взрослых. То были годы удивительного подвижничества. Гулиа — и преподаватель начальных школ, и учитель старых горцев, и главный советчик своих земляков, и сочинитель прошений, защитник обездоленных. Он просветитель и борец. Бескорыстный и бескомпромиссный. Он заряжен неиссякаемой энергией. Он настойчиво и умело преодолевает преграды, которые ставят на его пути царские чинуши-администраторы, а затем и меньшевики.

Его духовные, творческие силы поразительны. В 1912 году впервые на абхазском языке выходит книга стихов. Автор ее — Дмитрий Гулиа. Это дата рождения абхазской художественной литературы.

В 1919 году начала издаваться первая абхазская газета «Апсны». Редактор ее — Гулиа.

В 1921 году открылся первый абхазский театр, тогда еще передвижной. Его руководитель и режиссер — Гулиа. Он же перевел с русского и грузинского первые пьесы для этого театра.

В 1925 году выходит в свет первый том «Истории Абхазии» — плод многолетнего труда Дмитрия Гулиа. Потом год за годом — новые стихи, рассказы, пьесы, роман, переводы, статьи, абхазские пословицы и загадки, словари... Поистине Человек-Энергия. И вся эта энергия, все усилия — родному народу.

Как-то Гулиа записал: «Когда мне слишком «левые» абхазские товарищи рисовали картину «мировой революции», в которой Абхазия всего-навсего маленькая капля, у меня — не скрою — невольно выпадало перо из рук. Стоит ли трудиться ради капли, которая все равно испарится? Но жизнь показала, что стоит, что можно и должно работать во имя даже капли. Если хорошо потрудиться — она не испарится. Она устоит. Тем более, если тебе помогают более многочисленные народы».

В другой раз он пишет, что если бы мы «попытались рассматривать горе человека «с мировой точки зрения» и, не дай бог, принялись бы подсчитывать при этом проценты, то горе Анны Карениной оказалось бы горем одной двухмиллиардной частицы человечества и, может быть, с точки зрения статистики, малосущественным делом. При таком подходе и смерть героя «Овода» была бы смертью всего-навсего одной двухмиллиардной человеческой особи с соответствующим ничтожно малым процентным числом...». Эту мысль мог высказать лишь тот, у кого сердце открыто для всего человечества и для каждого человека в отдельности.

Я вновь перечитываю это рассуждение, и мне кажется, оно не только о судьбах людей — о судьбах народов.

Гулиа написал немало стихов о любви человека к человеку. Он был проникновенным лириком. Опыт собственного сердца — а он был чист и прекрасен, этот опыт,— Гулиа выразил так: «Что выше человеческой любви есть на земле? Попробуй назови!»

И в автобиографии он сказал об этом замечательно: «В работе мне помогала моя жена. К слову хотелось бы заметить, как важно для писателя иметь хорошую жену-друга. Я бы не сделал и десятой доли того, что сделал, если бы не Елена Андреевна — женщина, готовая на самопожертвование, когда дело касается литературы, искусства». Дорогая Елена Андреевна, несколько нарушая газетные традиции, я позволю себе обратиться к Вам с этой печатной страницы: Вы должны жить еще долго. Вы — одна из самых счастливых женщин на свете!

ДОЛГИЕ годы Дмитрий Гулиа был один-одинешенек в абхазской литературе — и ее основанием, и ее вершиной одновременно. И как он обрадовался, когда наконец рядом с ним встал собрат по перу. Это был Самсон Чанба, в будущем — председатель ЦИК Абхазии. Он оказался не только незаурядным поэтом и прозаиком, но и сподвижником Гулиа на ниве культурного возрождения народа. Потом, в первые советские годы, в абхазскую литературу пришел одаренный поэт Иуа Когония. А в народе уже зрели новые духовные силы и поднималась молодая литературная поросль. И вместе со своим народом, со своей литературой развивался талант Дмитрия Гулиа, чье творчество покоряло высоким благородством и общественным темпераментом. Сын Абхазии, основоположник родной литературы, он стал мастером всей советской социалистической культуры, общесоюзным творческим авторитетом, нравственным примером.

В 1954 году он написал:

Как ручейком
рожденная рана,
поэзия народа глубока.

Невидайно быстрый скачок от фольклора, от устного творчества к литературе письменной, многожанровой — одно из чудесных знамений нашего времени, нашего общества.

***

Кодо́р, Кодо́р,
шумливая река —
горячий конь, скакун
с боками в мыле...

Течет река, неся с высоких гор чистые воды, и незамутненными дарит их морю. Как и прежде, по осени «в белой пене Кодора» кружатся, мелькают «желтые листья лавровишни», которые показались тогда Горькому похожими на маленьких, проворных лососей.

Как и прежде... Да, как и прежде, несет Кодор свои воды в Черное море. Но все изменилось на его берегах с той давней поры, когда молодой Горький задумчиво прислушивался к неумолчному шуму реки. Все изменилось. К лучшему. И с каждым мгновением меняется, чтобы опять-таки стать лучше. Жизнь, как и река, без устали движется. И поистине — нельзя ступить дважды в одну и ту же реку.

Течет Кодор. По берегам его живут земляки первого поэта Абхазии. Выращивают цитрусы и чай. Справляют свадьбы, мечтают. И колхоз свой нарекли именем Дмитрия Гулиа. В селе оберегают место, где чернеют камни фамильного гулиевского очага. Стоит неподалеку и могучее красное дерево, посаженное предками поэта. Растут, зеленеют деревья и у школ села Киндг и села Тамш — их сажал Дмитрий Гулиа. Неизгладимый след оставил он на родной земле и в душе народа.

«Я — человек. Я все могу». Это написал восьмидесятидвухлетний Гулиа. «Превосходная должность — быть на земле человеком...» А это знаменитые слова Горького из рассказа «Рождение человека», навеянного случаем, происшедшим на берегу реки Кодор.

Все, что положено человеку, смог сделать в жизни Дмитрий Гулиа. И превосходно исполнил свою должность человека на земле.

К ЮБИЛЕЮ

«Думаю, что в моих стихах и проза можно найти все то, что отсутствует здесь. В конце концов литератор — это его творчество». Так заканчивает свою автобиографию, написанную в июле 1958 года, Дмитрий Гулиа. Этой автобиографией открывается книга избранного классика абхазской литературы, выпущенная недавно в издательстве «Алашара» и его столетнему юбилею. В томе избранного творчество Дмитрия Гулиа представлено очень широко. Здесь стихи, созданные им в самые разные годы и для детей, и для взрослых, поэмы, ромви «Камачич», драма «Призраки», рассказы, избранные статьи. Книга вышла на трех языках: абхазском, грузинском и русском.

Готовится и еще одна книга стихов Д. Гулиа. Выпустит ее в «Библиотеке поэта» (Большая серия) Ленинградское отделение издательства «Советский писатель». Предисловие с обзором творчества родоначальника абхазской литературы сделано профессором Ш. Инал-Ипа.

И еще одно своеобразное издание, приуроченное к юбилею. Если к девяностолетию Дмитрия Гулиа Министерство связи СССР выпустило специальную марку, то теперь увидел свет юбилейный конверт с портретом выдающегося абхазского писателя.

ЗАМЕЧАНИЯ К ПРИМЕЧАНИЯМ

Я. БИЛИНКИС,
доктор филологических наук

НЕТ, РЕЧЬ у нас пойдет не о курьезах комментария к какому-нибудь изданию, хотя ляпсусы, и даже анекдотические, тут все еще встречаются. Все же требования издательств, культура редактирования, уровень работы самих литературоведов неизменно повышаются. Да и рецензенты ведут себя все требовательнее, все строже. Так что как будто тревожиться нет оснований.

Нервничать, в самом деле, ни к чему, звать к каким-нибудь немедленным организационным мерам — тоже. Но как раз потому, что многое действительно наладилось, можно и нужно сейчас подумать всерьез, насколько совершенны сложившиеся почти повсеместно принципы комментирования того, что принято нынче называть «художественным текстом».

КОГДА революция сделала богатства мировой культуры достоянием многомиллионных народных масс и классики стали выходить огромными тиражами, задача комментирования была совершенно очевидна, предельно ясна. Необходимо было помочь новому читателю понять совсем для него непривычное. Понять в самом обычном, самом элементарном, можно сказать, смысле. Вспомним, каков был в ту пору уровень образования да и просто грамотности в стране.

Тогда и определилась практика комментирования, при которой едва ли не в любом серьезно подготовленном издании читателю разъяснялись мифологические имена, давались более или менее обстоятельные справки об исторических лицах (даже о Наполеоне, например, или о Линкольне) и т. д., и т. п. Так выражал себя в те годы демократический характер нашей науки, опиравшейся на потребности народа и к ним обращенной.

Продолжая и поныне в примечаниях лишь раскрывать реалии, истолковывать то и другое, мы, хотим того или не хотим, вступаем с читателем в иные, нежели прежде, отношения. Читатель наших дней многое знает и без специальных разъяснений, а не известные еще ему сведения способен без труда отыскать в справочниках. К комментариям он обращается сейчас за чем-то большим, чем когда-то. И большее примечания нередко и дают, хоть и не ставя себе такой цели. Теперь комментарий, ограничивающий себя справками реально-исторического характера да простым толкованием слов, утверждает читателя в представлении о том, что факты и события действительности литературы, собственно, только воспроизводит, что никакой новой жизни людей и слов в художественном создании вовсе и не возникает. Узость старого комментария неожиданно вырастает в своеобразную «философию искусства»...

Но ведь, как ни странно это может прозвучать, от того, что в пьесах Шекспира мы сейчас уже не воспринимаем непосредственно многих исторических конкретностей, пьесы эти не только что-то для нас потеряли (есть, несомненно, и такое), но тут же и перешли, так сказать, в иное измерение: всемирно-исторические обобщения вышли на первый план, они предстают подчас прямей, решительней и свободней, без каких бы то ни было средостений.

Если мы вычитаем в примечаниях только о том, что и при Тютчеве еще слово «праздная» употреблялось в значении «пустая», «незаполненная», и не увидим, как высвобождались здесь поэтом в слове его иные смыслы, то тютчевский образ «праздной борозды» потеряется едва ли не совершенно.

Так как же быть комментатору? Прежде чем отвечать, попробуем взглянуть на дело и с несколько иной стороны.

«ДЛЯ ПОНИМАНИЯ «Губернских очерков» читателем наших дней нет необходимости предлагать ему подробный реально - исторический и толковый комментарий. В пору писания «Губернских очерков» Салтыков еще не создал своего «эзопова языка», с его сложными иносказаниями, глубоко погруженными в политический быт эпохи. Сатира в «Очерках» — открытая, и ее восприятие за немногими исключениями не представляет трудностей», — говорится во вступлении очень обстоятельного и хорошо проработанного комментария к «Губернским очеркам» в т. 2 выпускаемого сейчас издательством «Художественная литература» нового двадцатитомного Собрания сочинений Щедрина. Здесь верно отмечено, что большая художественная сложность произведений писателя, последовавших за «Губернскими очерками», требует комментария более «подробного». Но мыслится он и в этой своей «подробности» исключительно как «реально-исторический и толковый».

Можно подумать, что все здесь просто и вполне точно сказано и мы напрасно придираемся. Однако вот в т. 12 того же издания в связи с фигурой Молчалина в щедринском цикле «В среде умеренности и аккуратности» читаем: «...ясно, как велики были художественные трудности Салтыкова, поставившего себе целью написать специально об этом безликом, ординарном, исторически и художественно непродуктивном типе большое произведение. Поэтому заслуга сатирика не уменьшается от того, что для своего обобщения он воспользовался персонажем грибоедовской комедии». И тут уже никуда не деться от того, что прямое воспроизведение действительности как таковой предполагается высшей задачей художественного творчества. Все же, что «сверх того», считается уже как бы от лукавого и может быть только прощено в силу каких-нибудь чрезвычайных смягчающих обстоятельств.

Заглянем еще и в отдельные справки того же комментария к очеркам «В среде умеренности и аккуратности».

Разъясняется выражение Щедрина: **«...вступает в права жизнь призраков, миражей и трепетов...».** И говорится: «Салтыков имеет в виду исторически изжившие себя, но реально существующие и тормозящие прогресс общественные идеи и социально-политические институты». Вроде бы все и верно. Но не сводится ли так грозный щедринский образ, поражающий и потрясающий тем, что вся подлинная, живая жизнь словно бы должна уже отступить и сгинуть, к чему-то более конкретному и узкому, в сущности — к одной только злобе дня?

В другом случае слова сатирика «...не могу и не умею самоотвергаться...» истолковываются следующим образом: «Под «самоотвержением» Салтыков понимал непосредственное участие в революционном движении». И опять очевидно, что действительный смысл и внутренний драматизм этики Салтыкова, его требований к самому себе не только не приближены к читателю, но сразу же отведены в русло гораздо более узкое, чем им надлежало бы.

Приведенные примеры позволяют, думается, утверждать, что сегодняшние противоречия в жанре комментария — едва ли не самом массовом, самом читаемом из всех литературоведческих жанров — имеют причины разного характера. По-видимому, помимо того, что не вполне учитывается новый облик читателя и потому новое его отношение к книге, тут играют свою немалую роль и сложности в развитии нашей науки о литературе на нынешнем этапе. Пожалуй, как раз в комментировании эти сложности дают о себе знать особенно явственно.

НЫНЕ, как правило, комментарий состоит из общей характеристики произведения и кратких справок к отдельным местам в тексте. Одно с другим тоже, как правило, почти не связывается. При этом общая характеристика грешит нередко абстрактностью и отвлеченностью от живой ткани, от внутренней жизни произведения. Справки же, оставаясь только справками, пребывают от последней в свою очередь не менее далеко. Открыть читателю художественное создание как неповторимый целостный организм с единой, всеохватывающей и всякий раз именно и только ему принадлежащей системой «сцеплений» не удается. Не то же ли самое встречается еще и в обширных литературоведческих трудах, когда анализ ведется в не сочленяемых друг с другом планах или, пуще того, предполагается, что вообще можно обойтись либо одним, либо другим планом, что возможна и такого рода «специализация»?

В то же время как раз в комментировании есть и иной опыт. Вполне счастливый и уже довольно давний.

Недавно на страницах журнала «Детская литература» (№ 10, 1973) Е. Полякова спустя три с половиной десятилетия напомнила о детиздатовском однотомнике Чехова 30-х годов, адресованном школьнику и подготовленном А. Роскиным. Вступительная статья и примечания составляли там единое целое.

Примерно так же это было и в вышедшем позднем, тоже в Детгизе, и уже неоднократно повторявшемся «Евгении Онегине» с «предисловием, примечаниями и пояснительными статьями» С. Бонди.

Не стоит ли попытаться учесть этот опыт и в изданиях любого типа, отнюдь не игнорируя их особых целей?

Том за томом выходит в наши дни академический Достоевский. В самое ближайшее время мы, очевидно, получим «Подростка», затем — «Дневник писателя», наконец, письма.

В комментариях к «Подростку» будет, несомненно, принята во внимание существенная находка покойного исследователя К. Семенова, установившего, что Достоевский в этом романе, решая многие задачи, полемизировал, между прочим, с реакционером Р. Фадеевым, в 70-х годах писавшим об особой роли, якобы предстоящей русскому дворянству как сословию. Будет принята во внимание... Но не станет ли Р. Фадеев лишь еще одной отдельной строкой в примечаниях? Хотелось бы другого.

Сообщение Е. Семенова об обнаруженных им связях «Подростка» со статьями генерала Р. Фадеева называется «У истоков «Подростка» («Русская литература», № 3, 1973). И уже в заглавии этом есть некоторая неточность.

Это у Тургенева или у Толстого какой-нибудь толчок к формированию замысла действительно остался бы «у истоков». У Достоевского же, хотя никакой Р. Фадеев и не назван, полемика, диалогические отношения с его «идеями» проникают в самое внутреннюю жизнь «Подростка», дают себя знать, звучат в самом его тексте. И в комментарии хотелось бы получить не упоминание о Р. Фадееве, но в связи с Р. Фадеевым выход к своеобразию романа Достоевского как великого и единственного явления искусства.

В знаменитом письме Достоевского из Петропавловской крепости к брату от 22 декабря 1849 года, где он делится своими переживаниями на Семеновском плацу и уверяет, что не упал духом, есть возглас: «On voit le soleil!» («Вижу солнце!» или «Видно солнце!»). Тут же Достоевский описывает брату предсмертный туалет, который был произведен на плацу над ним и другими приговоренными к смерти.

Однако установлено, что и приведенный возглас, и слова «предсмертный туалет» — это цитаты из «Последнего дня приговоренного к смерти» Виктора Гюго. Сообщая об этом, комментатору, думается, необходимо будет «добавить от себя», что, очевидно, и при пережитом жутком потрясении воображение и память писателя, ни на мгновение не останавливаясь, продолжали свою работу. Ссылка на Гюго должна войти в примечания и не должна в то же время остаться как-то особняком в той картине жизни писателя 40-х годов, какую призван, на наш взгляд, представить собою в целом весь комментарий к письмам этой поры.

Уже идет подготовка томов академического издания Чехова.

Не может быть никакого сомнения, что будут тщательнейше обследованы все чеховские упоминания об общественной и политической жизни его времени. Но если в примечаниях предложены будут подобного рода списки сами по себе, то чем обстоятельней и развернутей они окажутся, тем искаженней предстанет действительный облик творца «Счастья», «Дома с мезонином», «Моей жизни». Именно так. Ибо все известные ему общественные движения в глазах Чехова не очень отличались друг от друга и едва ли не в равной мере лишь заслоняли и отодвигали в жизни ее действительное существо, ее собственный смысл.

ВЫВОД как будто напрашивается. Комментировать всякий раз надо, по всей видимости, не отдельное слово или фразу, но иметь в виду все произведение, даже все творчество писателя в целом. Комментарий должен стремиться к возможно большей «сопряженности» с комментируемым созданием и к возможно большей собственной цельности. Тогда он будет принадлежать сегодняшнему и завтрашнему дню нашей науки о литературе, сможет активно участвовать в ее движении, действенно приобщать читателей к ее завоеваниям.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ПРОБЛЕМУ

КАКИМ БЫТЬ КОММЕНТАРИЮ?

Комментарии к художественным произведениям — едва ли не самый массовый жанр нашей филологической науки. Не только популярные, но и научные издания классиков выходят сейчас огромными тиражами. Какое же должен быть НАУЧНЫЙ комментарий к МАССОВОМУ изданию! Сегодня мы знакомим наших читателей с двумя точками зрения на эту проблему.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Л. Г. КАЛАНДАДЗЕ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по критике и литературоведению и Совет по грузинской литературе направили Лаврентию Гигиловичу Каландадзе приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас с семидесятилетием со дня

рождения. Ветеран грузинской советской литературы, старый большевик, общественный деятель и один из авторитетнейших критиков — таким Вас знают и ценят в Грузии.

На Ваших книгах «Константин Лордкипанидзе», «Грузинские повести XIX века», многих статьях и эссе воспитывается не одно поколение грузинских литераторов.

Ваш бескорыстный труд по заслугам оценен партией и правительством.

Желаем Вам доброго здоровья и долгих лет жизни».

В. П. ЗАЙЦЕВУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по азербайджанской литературе направили Вячеславу Петровичу Зайцеву приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Тема героического воинского подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны является основной в Вашем творчестве.

Долгие годы Ваша жизнь и творческая судьба связаны с Азербайджаном. В Ваших переводах впервые зазвучали на русском языке многие произведения азербайджанских литераторов.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих свершений».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ХУДОЖНИК И КНИГА

НЕ ДОМЫСЛЫ — ТОЛЬКО ФАКТЫ

Г. БЯЛЫЙ,
доктор филологических наук

Иллюстрации художника Е. Дорона к книге Вольдемара Бааля «Бахровские повести». Издательство «Советский писатель». М. 1974.

Я. БИЛИНКИС совершенно справедливо указывает: читатель сейчас уже не тот, что в первые годы революции. У него совсем иные, чем прежде, возможности и «готовности». Современного читателя не следует обижать всяческой элементарщиной, он многое знает, а чего не знает, то может разыскать в энциклопедиях и других справочниках. Это, конечно, так, это бесспорно. Возникает, однако, вопрос: следует ли заставлять читателя, прерывая чтение, бежать к книжной полке, искать нужный справочник, а если его нет дома, спешить в библиотеку и там читать справочную статью, быть может, довольно обширную, отыскивая в ней то немногое, что ему, читателю, нужно знать в данном случае? Не превратится ли здесь наше уважение к читателю в ненужную жестокость? Конечно, не следует разъяснять в академическом издании, кто такие Аполлон, Зевс или Венера, но какого-нибудь Вриарея уже, видимо, надо включить в комментарий, хотя его и можно найти в мифологическом словаре. Точные рецепты здесь вряд ли возможны, да они и не нужны. Надо отдать должное нашим комментаторам: у них есть и необходимый такт, и уважение к читателю, которое выражается, между прочим, и в отсутствии ненужного академического аристократизма.

ВПРОЧЕМ, вто вопрос простой, и не он больше всего волнует Я. Билинкиса. Ему кажется, что читатель наших дней ждет от комментариев не только справок и разъяснений, но и чего-то большего. Комментатора, считает Я. Билинкис, не всегда удается «открыть читателю художественное создание как неповторимый целостный организм». Это тоже верно. Можно бы сказать больше: комментаторам почти никогда это не удается, да и не стоит об этом жалеть, потому что это не входит в их задачу. Изучение произведения как художественного целого — другая отрасль литературоведческих исследований. Работа комментатора требует подчас тщательных разысканий, обширных знаний, мастерства, но она имеет свою собственную задачу, не совпадающую с задачей истолкования художественного произведения в целом. Комментатор добывает материалы и точные данные, поясняющие отдельные места текста. Без таких разысканий невозможно ни научное изучение, ни даже простое читательское понимание текста. Но дальше комментатор идти не должен. Создание концепций — не его дело. Концепции, охватывающие произведение в целом, «с единой... и только ему принадлежащей системой «сцеплений», могут быть очень глубоки, оригинальны, но по природе своей они менее общеобязательны, чем скромные, но зато бесспорные разыскания комментаторов. Одно и то же произведение исследователи часто понимают по-разному, и между ними возникают плодотворные дискуссии, обогащающие науку. Комментарий же споров не предполагает. Спорный комментарий — это плохой комментарий. Он может быть более подробным или менее подробным, более творческим или менее творческим, но он не может быть дискуссионным.

Это относится не только к объяснениям отдельных мест, но и к вступительным разделам, предваряющим комментарий. Здесь даются сведения об истории создания произведения, о его связи с эпохой, с предшествующим творчеством писателя, о литературно-критической борьбе, вызванной произведением, об идейной позиции участников этой борьбы и т. д. В этих историко-литературных «преамбулах», разумеется, находят свое законное место и некоторые общие соображения. Но и тут опытный комментатор, чуткий к природе своего жанра, сохранит демаркационную линию, отделяющую комментарий от литературоведческой статьи, и постарается избежать спорных положений. Возьмем, например, «Бесов» Достоевского или «Отцов и детей» Тургенева, породивших в свое время и порождающих сейчас самые противоречивые толкования. Комментатор в этом случае даст историческую оценку старых споров, итоги которых давно подвела жизнь, но он вряд ли присоединится к одной из дискуссионных точек зрения, бытующих в нашей советской науке сегодня: спор продолжается, итоги подводить рано, даже позиции спорящих еще не определились с полной ясностью. Комментатор — не сторона в таком споре. Его дело — дать читателю достоверный материал, который поможет ему в этой полемике разобраться.

Я. Билинкис опасается, что если комментатор произведений Тютчева и стиху «...Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде» сделает примечания, что в языке поэта и его современников слово «праздная» значило «пустая», «незаполненная», то читатель не увидит, «как высвобождались здесь поэтом в слове его иные смыслы».

Но так ли это? Скорее, напротив. Только зная первый, основной смысл слова, можно увидеть его «иные смыслы». Указывать же читателю эти «иные смыслы», отыскивать их по своему усмотрению комментатор не должен. Это значило бы деспотически сужать свободу читательского восприятия.

Рассмотрим другой пример толкования слов, не удовлетворяющий Я. Билинкиса. Речь идет о слова «самоотвергаться» у Салтыкова-Щедрина. Слова «самоотвергаться», «самоотвержение» при всей их значительности и глубине имеют смысл ясный, определенный и как будто вовсе не нуждаются в разъяснении. Однако, если в данном случае в языке Щедрина и в восприятии его современников эти слова обозначали прежде всего участие в революционной борьбе, то комментатор, не посягая на их многозначность и многозначительность, должен этот конкретный смысл указать.

Важное место в комментариях занимают указания на литературные источники произведения, на скрытые и явные цитаты и парафразы, на полемические и иные отклики и т. п. Как подавать в комментариях такой материал? Думается, как и всякий иной, то есть оставаясь в пределах фактов, точно и кратко обосновывая свое наблюдение, если оно принадлежит комментатору, или отсылая к работам других специалистов. В таких случаях глухой справкой комментатор обычно не ограничивается. Он стремится показать эти отклики в самом тексте произведения. На необходимость такого конкретного раскрытия литературных связей Я. Билинкис справедливо указывает в связи с полемическими откликами в «Подростке» Достоевского на статьи реакционного публициста Р. Фадеева.

В «Подростке», как известно, содержатся отклики на идеи многих писателей, в том числе очень крупных. Соблюдая меру, комментатор, без сомнения, учтет и Р. Фадеева. Сумма таких фактов, как и многих иных, приведенных в комментарии, конечно, поможет найти тот «выход к своеобразию романа Достоевского», который хочет видеть в комментариях к нему Я. Билинкис. Согласен: именно «выход к своеобразию», но не определение этого своеобразия. Здесь, как мне кажется, и проходит та черта, на которой комментатор должен остановиться. Если он пойдет дальше и начнет развертывать свое понимание своеобразия «Подростка», развивать концепцию романа, он превысит свои полномочия.

Такова же функция комментариев и в случае с цитатой из Гюго в письме Достоевского из Петропавловской крепости. Указать источник, привести контекст, сказать о длительном интересе Достоевского и «Последнему дню приговоренного...» — вто и должен сделать комментатор, но «добавлять от себя», что происходило в воображении и памяти писателя, когда он стоял на эшафоте, и высказывать иные соображения, предлагаемые Я. Билинкисом, значило бы вступить в область предположений и догадок, которые могут быть интересны в специальной работе, но которым не должно быть места в комментариях. Здесь они стали бы проявлением комментаторского субъективизма.

«Комментарий — сателлит текста», — справедливо говорит С. Рейсер в известной работе «Палеография и текстология нового времени». Именно текста, а не точки зрения того или иного литературоведа. Прикрепленность к тексту, живущему века, определяет большую долговечность комментариев по сравнению с нашими часто очень приблизительными соображениями и гипотезами. Это драгоценное свойство комментариев — их устойчивость, их прочность, их надежность — надо ценить и беречь.

НЕСКОЛЬКО слов о разъяснении фактов журнальной, газетной, общественно-политической жизни. Иногда для понимания литературного произведения эти факты важны более, иногда менее. Заранее можно сказать, что для понимания Щедрина они важнее, чем, например, для понимания Чехова. В самом деле, и современники Чехова, и последующие критики не раз отмечали глубокую неудовлетворенность Чехова журнальными партиями и литературными кружками его времени. Я. Билинкис высказывает в связи с этим опасение, что если в примечаниях к академическому Чехову будут даны списки фактов литературно-общественной жизни, упоминаемых в произведениях писателя, то это исказит творческий облик Чехова. Когда же, однако, такие факты приводились в виде списков, да еще сами по себе? Они всегда даются в примечаниях к конкретным рассказам и, значит, тем самым воспринимаются читателем уже не сами по себе, а непременно в связи с духом и смыслом произведения.

Я. Билинкис напоминает комментаторам подготовляемого академического издания Чехова, что в глазах автора «Счастья» и «Дома с мезонином» все общественные течения, ему известные, «не очень отличались друг от друга и едва ли не в равной мере» заслоняли существо жизни. Однако «не очень отличались» — значит, все-таки отличались, и «едва ли не в равной мере» — значит, все-таки не в равной мере. Именно комментарии, обстоятельные и дельные комментарии, быть может, и дадут материал для более точного понимания вопроса.

Но допустим, что все общественные направления и журнальные группировки в самом деле были для Чехова в одной цене, без всяких оговорок. Для комментариев это тоже дела не изменит, потому что читателю важно знать, какую из этих группировок Чехов имеет в виду в данном рассказе и что она представляла собою в общественно-литературной борьбе его времени. К тому же дело не только в авторе, но и в его героях. Среди героев Чехова есть либералы, консерваторы, народники и т. д., у всех у них свои взгляды, они их высказывают, иногда довольно подробно, спорят о них. Что в этих случаях делать комментатору? Комментировать! Честно и точно комментировать, исходя не из общих соображений о Чехове, а из текста данного произведения.

Вопрос о комментариях к детским изданиям, затронутый Я. Билинкисом, — это вопрос особый, о котором можно бы поговорить отдельно, но заранее можно сказать, что вряд ли целесообразно переносить методику комментариев для детей, даже если она разработана прекрасными писателями, на академические издания классиков, на многотомные издания научного типа или на серию «Литературные памятники».

В «ЗАМЕЧАНИЯХ К ПРИМЕЧАНИЯМ» Я. Билинкис высказал несколько опасений. Я ограничусь одним. Если бы мы встали на путь смешения комментариев с литературной критикой, научных примечаний с литературоведческими концепциями, то это неизбежно привело бы к вторжению в научный аппарат наших массовых изданий произвольных суждений и субъективных построений, что было бы очень печально.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

М. Ф. ЛОРИЕ — 70 лет

Исполнилось 70 лет Марии Федоровне Лориа. Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по художественному переводу направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного русского переводчика, с днем рождения. Мы высоко ценим Ваш вклад в искусство художественного

перевода. Всесоюзный читатель в Ваших талантливых переводах познакомился с многими выдающимися произведениями классической и современной литературы Англии и США.

В день юбилея желаем Вам доброго здоровья, долгих лет жизни, неутомимой творческой деятельности».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Э. Ю. КАСУМОВУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по азербайджанской литературе направили Энверу Юсиф оглы Касумову приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, талантливого азербайджанского прозаика, со славным юбилеем — шестидесятилетием со дня рождения.

Придя в литературу в конце тридцатых годов, Вы своими очерками, рассказами и повестями способствовали созданию в советской литературе героического образа нашего современника — творца новой жизни на земле.

Особенно тепло встречен читателями созданный Вами в последние годы роман «Хирургия», посвященный благородному труду советских врачей, и роман «Враг моего врага, проникнутый заботой о сохранении богатств родной земли.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих удач».

Ш. А. ПАЧАЛИА — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по грузинской литературе и Совет по драматургии направили Шараху Абзаговичу Пачалиа приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Мы знаем Вас как одного из создателей абхазского театра. Режиссер, актер, народный артист Грузинской

ССР, автор пьес «Моя любовь», «Большая свадьба», «Отец и сын» и других — таковы вехи Вашей театрально-литературной деятельности.

Значителен Ваш вклад в области перевода и осуществления постановок на сцене абхазского театра классических пьес советской драматургии: «Гибель эскадры» А. Корнейчука и «За тех, кто в море» В. Лавренева.

Желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Передавая корреспонденту «Литературной газеты» отрывок из своего нового романа, писатель Я. Цветов сказал:

— Роман посвящен трудной и героической судьбе солдат и офицеров одной роты, участников Великой Отечественной войны. В этом отрывке читатель встретится с героями произведения, осенью 1943 года форсировавшими Днепр. Они действуют в момент, когда враг то и дело переходил в контратаки, решив сбросить в реку защитников небольшого — вначале — плацдарма на правом берегу. На узком участке противник стягивает значительно превосходящие силы, и рота получает приказание временно отходит. Вскоре рота вместе с другими подразделениями возвращается на правый берег. Впереди бои, бои — фронтовая [illegible] логово фашистского зверя. В публикуемом отрывке мне хотелось [illegible] и героизм бойцов, оказавшихся в сложной, драматической обстановке.

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ НОЧИ

Яков ЦВЕТОВ

Рис. В. КРАСНОВСКОГО

АНДРЕЙ полон смятения и беспокойства. «Противник прорвется, это ясно, и тут ничего не поделать. Только бы до срока задержать его, чтоб не захватил мост!» Не вдумываясь, что минуты эти, если выживет, [illegible] далекими, казалось, они будут [illegible] страшные, чудовищные, и никого [illegible]

Он трудно вдохнул воздух. [illegible]

Он вглядывался в грохочущую темноту.

Слух уловил, что стрельба приближается к ближайшему пункту роты. Пули с воющим свистом уже рвали бруствер, и в глаза сыпался песок. Что-то обожгло чиркнуло в плечо. Андрей коротко и сдержанно матюгнулся. Он схватился за плечо и ощутил, что [illegible] выбилась наружу. Боль усиливалась. [illegible] губы. Ни звука больше не издал он.

«Ничего... ничего...— подумал он. — [illegible] шесть минут осталось». Он выдержит эти двадцать шесть минут, если и несколько пуль вопьются в его тело. Он выдержит. Конечно, выдержит. Ни на секунду меньше, он просто не вправе умереть на секунду раньше, чем взорвет мост, и он сделает все, чтоб не умереть раньше этого. И он не умрет раньше этого, и был в том уверен. И уверенность эта ободрила его, придала силы, чтоб не умереть раньше, чем сделает свое дело.

Андрей вздрогнул: слева от моста накатывался на него глухой рокот, все слышней, все слышней. «Ясно. Танки противника обогнули минное поле и с другой стороны двигаются к переправе. Ясно...» Он почувствовал, что даже шевельнуться не может, словно окостенел. Голос связиста Кирдюшкина, растерянный, почти плачущий, вывел его из этого состояния:

— Товарищ лейтенант!.. Взводный...

Андрей схватил телефонную трубку:

— Я! Володя, я! — Пауза, полсекунды. — Да, понимаю, танки. Да.

Боли в плече он уже не испытывал. Он слишком взволнован, слишком напряжен, чтоб чувствовать боль. Он быстро взглянул на часы: два часа девять минут. «Еще двадцать одну минуту...»

— Продержись, а? Не сможешь, нет?..

«Как быть, как быть?» Приказание комбата — взорвать в два тридцать. Но что сейчас переправа, если ее блокировали танки? А может, в этом «два тридцать» есть и другой смысл, ему, ротному, неизвестный? «Как быть, как быть?» Теперь, когда комбат уже на левом берегу, этого ему никто не скажет. Теперь решение принимать самому. Он по-настоящему понял, насколько увереннее чувствовал себя с комбатом. «Даже эта обстановка была бы с ним, с комбатом, менее опасной. Противник важат, еще немного, и конец. Но перед концом он пойдет на все. Ясно. Ясно».

— Минут хоть десять... хоть пять удержи переправу, а? — жалобно просил он и понимал, что это невозможно.— Пять минут хоть, а?..

В несколько секунд должен он принять решение. Больше времени не оставалось. Трудно противостоять страху на войне, еще труднее, оказывается, противостоять нерешительности. И будто снова услышал предостережение комбата: «Учти, танки и близко не должны подойти к переправе». А танки уже у моста. Дыхание — быстрее-быстрое — остановилось, и Андрей стал ловить широко раскрытым ртом воздух. «Всё! Всё! Рвать переправу!» — пересилил он свои сомнения.

— Володька! Рви!!

По лбу, вниз, по шее, вниз, по груди, вниз, вдоль позвоночника, вниз, колкими струями стекал холодный пот. Андрей тяжело прислонился к стенке блиндажа и обессиленно опустился на корточки.

ВОЛОДЯ ЯКОВЛЕВ кинулся вдоль берега к ивовым зарослям, где к кольям были привязаны лодки.

Все в нем неистово билось, словно рвалось наружу и не могло вырваться. Дрожь сделала ноги непослушными, и он лихорадочно переступал ими. Бухающий бег бойцов, с которыми отражал пробивавшиеся к мосту танки, слышался впереди, позади.

Он отбежал, ему казалось, достаточно далеко. Вот-вот раздастся взрыв. И он бросился на землю.

Оглушительный взрыв.

Володя Яковлев лежал, упираясь лбом в приклад винтовки, ожидал второго, третьего взрыва. Взрывов не было. Может быть, они следовали один за другим и слились в сплошной удар? Он подождал еще немного и приподнял голову: в черноте, там, где только что был мост, металось пламя, и темнота в том месте приняла багровый цвет. Возле горевшего моста вода была красной, будто тоже горела, и видны были быстрые завитки течения. Минуту назад ровная, спокойная, вода теперь громко набегала на песок, ударялась в болтавшиеся борта лодок. Клубы дыма с оранжевыми искрами наползали на оба берега — этот и тот, казавшийся непреодолимо далеким. Дело сделано.

Были слышны, как [illegible] горящего моста обваливались в воду, и в полыхавшем свете, похожем на дальнюю зарю, все еще держался крутой откос берега, и на нем выделялся резко-черный [illegible] Пахло мокрым прибрежным песком и жарким дымом, дымом даже сильнее.

Дело сделано. То, что минуту назад многое значило, значило все — взрыв моста,— теперь отошло, самым главным была теперь переправа на тот берег, только это [illegible] значение, все другое, даже взорванный мост, не [illegible] сознания.

Куда делись танки? Володя Яковлев хотел по каким-нибудь признакам установить это. Во всяком случае, танки недалеко.

Володя Яковлев машинально провел руками по лицу, обросшему, колючему. Он ощутил резкое жжение в ладонях. Вспомнил, что содрал кожу на руках, когда тащил по мосту натянутый стальной трос, плетеный и рваный. На кровоточащие ссадины налип песок, и они источали боль. Он поспешно поднялся. Дрожь унялась, ноги твердо стояли на земле.

— Ребята, отвязывайте лодки и шпарьте! Без промедления! Держитесь выше по течению, подальше от моста. Ну! Никита, останешься здесь, со мной — ждать политрука.

В блеклом воздухе метнулись четыре тени и сгинули в ивняке, Володя Яковлев услышал удалявшееся поскрипывание уключин, быстрый плеск воды под веслами — это длилось недолго, и все стихло, ушло в ночь.

Теперь затаиться в ивняке и ждать. Ждать Семена, ждать бойцов, оборонявших на шоссе подступы к переправе, тех, кто уцелел.

Стрельба по обе стороны шоссе, которую Володя Яковлев слышал, когда танки еще не подходили к мосту, прекратилась. Только сейчас заметил он это. Значит, Семен отходит. Сюда. К берегу, к лодкам.

Он спохватился, что располагает события так, как ему хотелось чтобы произошло. А если некого ждать?.. Оглушенный этой догадкой, он перестал дышать. Он взволнованно сжал кулаки и снова ощутил мучительное жжение. Хоть бы один выстрел — знак, что кто-то на шоссе отстреливается, что есть кому отстреливаться!..

Там, у переправы, не было ни секунды передышки для переживания, для ощущения боли, даже для страха: на оставшееся с ним отделение двигались танки — их нельзя подпустить к мосту! Ничего другого он не знал, ничего другого не было, не могло быть, никогда не будет. Только это — танки шли на мост... Гранаты кончались, зажигательные бутылки тоже. Пять бойцов с ним, остальные лежали шагах в пятидесяти от моста, поперек шоссе, будто и мертвые преграждали они танкам путь. Вот как было там, у переправы. А сейчас он не представлял, что делать, что предпринять.

Уткнув локти в песок, он растянулся в ивовых зарослях. Уже не пять — один боец с ним, Никита. Володя Яковлев лежал у его плеча и чувствовал, какое оно сильное и теплое. Его вдруг охватила безмерная усталость, он почувствовал ломоту в руках, ногах, в спине; тело, измученное, совсем обессиленное, не в состоянии было сопротивляться подступавшему оцепенению; и даже грозившая опасность не будоражила нервы, не прибавляла сил, он не смог бы подняться, даже если б снаряды рвались возле. Его одолевало что-то похожее на дрему. «Ну да, ну да...» — объяснял он себе. Оказывается, он не спал двое суток—так складывалось —и еще одну ночь в придачу, третью, вот эту. Какие-то клетки мозга еще бодрствовали и воспринимали происходящее, как в тумане. Постепенно все куда-то отодвигалось, и думы о Семене тоже, он ничего не мог удержать, ничего как бы и не было. Он еще сознавал это и сказал себе: две-три секунды, не больше, и открыть глаза... Он слабо шевельнулся, и то, о чем только что думал, оборвалось, сон наглухо сковал его.

И тотчас улыбнулся Семену: они пьют пиво в ресторане на Казанском вокзале — как-никак выходной день, и он собирается ехать на дачу в Малаховку. «Постой, постой, но в Москве мы и не знали друг друга... Какое же пиво?.. Чудно как-то. Я жил у Земляного вала, а он где-то в Сокольниках, и работал он секретарем райкома комсомола, а я — репортером городской газеты. Мы и не виделись ни разу...» — вмешалось то, что еще бодрствовало в нем. И все-таки они пьют пиво. Пьют пиво на Казанском вокзале. А потом подходит Нинка, студентка, третьекурсница, между прочим, самая красивая девушка в медицинском. Семен тоже говорит: красавица. И отставляет свою недопитую кружку с пивом, и во все глаза смотрит на нее. Нинка всегда смущается, и оттого, что смущается, смеется громко, громче, чем ей хочется. Она и сейчас так смеется. А он, Володя, пьет пиво, пьет жадно, так жадно, как никогда еще не пил. Вышибает до дна и еще хочет... «Постой, постой, я же определил—две-три секунды, и открыть глаза...» — помнил он это все время.

Предчувствие опасности, не покидавшее его, враз заставило открыть глаза. Несколько мгновений не мог он решить, какой из миров реальный — тот, с Нинкой, с выходным днем, с кружкой пива на Казанском вокзале, который еще не ушел из сознания, или этот, открывшийся ему: мрак, ивняковые заросли, он и Никита на холодном прибрежном песке...

— И долго так будем, сержант?

Голос Никиты окончательно вернул его сюда.

Он лизнул губы. Он хотел пить, жажда одолевала его — горло, язык, губы пересохли. Недопитая кружка Семена магнитно стояла перед глазами. Он осторожно выполз из кустов, добрался до воды. От воды несло холодом, она пахла осенью. Подходившая к берегу приливная волна шевелила гальку на дне, и это было похоже на раскатистую трель. Он рухнул плашмя, широко раздвинул локти, наклонил голову и, трубкой вытянув рот, пил, пил...

Он опять лег возле Никиты. Минутный сон, вода вернули ему силы, он почувствовал себя бодрее.

— Долго ли еще, спрашиваешь?..

— Ага... — Голос Никиты выдавал его нетерпение.

— Как только пробьется сюда политрук с бойцами.

Беспокойство снова охватило Володю Яковлева. «А если не пробьется? Если не пробьется?..» Танки могли повернуть и зажать Семена с бойцами на шоссе. «Где же, в самом деле, вражеские танки? Танкам,— подумал, — пора действовать». Но здесь давно уже тихо, минут восемь. Если б не Никита, он крепко уснул бы, так тихо здесь. Он вслушивался: слух его улавливал шорохи, вызванные ветром, шевелившимся в кустах, в песке,— ни рокота моторов, ни грохота гусениц. Как сквозь землю провалились танки. Но танки не проваливаются сквозь землю, где они?..

Володя Яковлев и Никита вздрогнули одновременно и подняли головы: за откосом, левее, должно быть, у шоссе, хрястнули гранаты. «Свои действуют еще!..» Ударили танки. Никакого сомнения, это ударили танки: сначала — один, потом — еще два.

— Не время, сержант? Самое время, — настойчиво произнес Никита. — Никого же...

Володя Яковлев как бы и не слышал. Он не решался уходить. Подождет еще несколько минут.

По откосу вниз быстрый, взволнованный топот. Двое, трое, четверо? Володя Яковлев и Никита вскинули винтовки. Володя Яковлев был почти уверен: свои. Да! Свои! Трое...

Ни секунды больше! Володя Яковлев и Никита изготовились к броску к реке и резко взяли с места. Вслед им ломились сквозь ивовые заросли Семен, Дунаев, Шишарев.

Еще немного вниз и влево, влево... Там лодки. Вниз и влево!

Ракета—свет—пулемет—автоматы.

Все растянулись на песке. Пули слышно врезались в песок, совсем близко, у головы, у прижатых к бедрам рук.

Ракета погасла. Стрельба стихла. Наверное, на минуту. Сейчас опять начнется. Они вскочили на ноги.

Они уже у воды.

Семен, Дунаев и Шишарев прыгнули в лодку.

Загремела цепь.

Володя кинул цепь в лодку. Крикнул:

— Никита, тони лодки! Те, что остались.

— Сейчас, сержант. — Потом: — Всё, сержант.

Дрожащими руками Володя Яковлев вместе с Шишаревым ухватился в ожидании за левое весло.

Через минуту у правой уключины возле Дунаева плюхнулся Никита.

— Пошли! — нетерпеливо бросил Семен.

Весла легли на воду.

СЕМЕН оглянулся, во тьме смутно проступали ивняковые заросли, напоминая черную гору. Казалось, они нисколько не отступили назад. Семен повернул голову и снова стал смотреть перед собой: вода была совсем черной, еще черней ночи, и потому, как ни силился, не мог разглядеть ни ее начала, ни конца. Он нервничал, нельзя было определить, далеко ли до берега. Холодная стена мрака стояла мертво, и только хлюпавшая под веслами вода напоминала о движении. Стремительные огоньки трассирующих пуль вонзались в эту стену и пропадали.

Семен, сжавшись, сидел на корме, над самой головой проносился тонкий короткий свист, заставлявший держаться то в одну, то в другую сторону. Воздуха вокруг не было, ветер гнал прогорклый дым по реке, бил в нос, скреб в горле. Дым напоминал о рухнувшем мосте. Раздался глухой разрыв, почти в то же мгновенье — второй, уже недалеко от носа лодки, как бы загораживая ей путь. Кверху вскинулась вода и тяжелым ливнем обдала Семена, всех. «Бьет минометами», — переживал Семен.

— Ребята, жмите! Жмите!.. — во весь дух крикнул он, хоть и знал: гребцы что было силы налегали на весла. — От мин одно спасенье — быстрее вперед! Жмите!..

Семен отчетливо слышал, точно видел, как, трудно переводя дыхание, гребцы всем телом откидывались назад, грузно наклонялись вперед, снова назад... Под сильными взмахами весел лодка двигалась дальше, но казалось, так медленно, что хотелось прыгнуть в воду и плыть, плыть...

Вся одежда на Семене насквозь промокла, прилипла к спине, груди, рукам, коленям, но он не ощущал холода. Он поводил глазами, как бы искал чего-то, что успокоило бы его, внушило уверенность. Над кромешным мраком тянулся темный простор неба, испещренного звездами. Звезды лежали и на воде, сверкающее, холодные. Вода шла по звездам, не накрывая их.

Семен настороженно вслушивался: поблизости раздавались чужие всплески воды.

— Кто? — трубкой прислонив ладони ко рту, крикнул Семен. — Ты, Кудренко-ов? Или Пото-о-мин?

— Каплюшкин! — помедлив, ответила соседняя лодка.

Торопливое хлюпанье сбегавшей с весел воды. Гребок. Гребок. Сильный гребок.

Лодки шли рядом.

Вспорхнула ракета. Семен согнулся весь, бросил взгляд назад и ужаснулся: неужели они почти не отдалились от берега? Откос по-прежнему стоял перед глазами — недалеко, словно не к левому берегу двигалась лодка, а возвращалась к правому. Над кручей висел ракетный свет, и видно было, как широкая тень откоса разбежалась по реке и неслась лодке вдогонку.

Свет оборвался, и ночь опять легла на воду, гремящую, несущуюся, страшную. Немцы снова ударили.

Все в лодке напряженно сжались. В темноте им не видно было, как их расстреливают, и потому могло показаться, что автоматы, бившие справа, бившие слева, осколки мин, с резким всплеском ударявшиеся в воду, — вхолостую, и это немного успокаивало.

— Взяли!.. Взяли!.. Взя-а-а... — Голос Никиты как бы увяз в темноте, оборвался на полуслове. И в то же мгновенье нос лодки круто повернул вправо, будто она в самом деле собиралась обратно, к правому берегу.

— Что там? Черт бы вас побрал! — обозлился Володя Яковлев. — Не суши весло! Крепче налегай!—Он и Шишарев рванули левое весло на себя.

Лодка шарахнулась вбок.

Семен дотянулся до поперечины. У правой уключины, свесившись над бортом, чуть не вываливался раненый Дунаев. На спине его лежала недвижная голова Никиты. Ноги Никиты вытянулись, беспомощные, твердые, прямые.

— Дунаев! Никита! — Семен растерянно потряс за плечи одного, другого. Они не откликнулись. Ладони Семена покрылись теплой жижей, и в первую секунду, ошеломленный, он не сразу осознал, что это кровь.

— Никита! — уже тормошил его Семен. — Никита!..— Голова Никиты сползла со спины Дунаева, и он бездыханно свалился на дно лодки. — Дунаев!..

Семен пересел к правому борту и обеими руками сжимал весло.

Гулко ударил разрыв снаряда, и тотчас в воздух врезался свистящий шорох осколков. Семен словно не слышал разрыва.

— Володя! Володя! Постой, выровняю нос! Ну, все. Взяли!

Семен налег на весло. Лодка дернулась, но теперь нос подался влево.

— Взяли! — требовательно пронзнес. — Что еще случилось?..

— Случилось, товарищ политрук! — испуганно прокричал Шишарев. — Сержанта ранило. Сейчас вот...

«Что?.. — задыхался Семен. — Да-да, — вспомнил, — минуту назад перед самой лодкой разорвался снаряд».

— Володя, — быстро проговорил Семен, — переберись к корме. Володя! Володя! Сможешь? Шишарев, весло!

Лодка тяжело двинулась.

Володя, опираясь на ладони, пробовал взлезть на корму и не смог. Его охватила слабость. Должно быть, потерял много крови. Грудь разрывала нестерпимая боль, он кусал губы, грыз кулак — боль не унималась. Он лежал перед [illegible] лицом ночи. Вода на дне лодки студила лицо, [illegible] С трудом втянул в себя глоток воды. Повернулся набок, прижал рукой грудь — ничего не помогало, боль охватила все тело. Уже и дышать стало невозможно. И он понял: еще немного, и все. И все...

«Почему я?.. — вспыхнула терзающая обида, переселив боль. — Именно... а? Почему? Почему?.. — металось в его возбужденном сознании. — Ради них это... Ради тех, кто появится потом, после меня...» Боль в груди усиливалась.

Вода, пространство, которое не превозмочь, осколок, ворвавшийся в грудь возле сердца,— все требовало его смерти. Он должен был умереть... Даже в самых трудных обстоятельствах думал он, как вернется домой, к друзьям в редакцию, и будет писать книгу о войне, и женится, наверное, на студентке Нине. Теперь он знал — возвращения не будет.

Предчувствие совсем скорого конца смягчило его, сделало уступчивей. «Пусть. Пусть я, — примирялся он с неизбежным. — Ничего не поделаешь... На войне вслепую же, не на выбор. Не я, значит, другой. Жизнь всем дорога... у всех она одна... И ничего не поделаешь. Ничего не поделаешь... — Его ничто уже не обременяло: ни воспоминания, ни привязанности, ни желание жить. — Ничего не поделаешь... Ничего... На земле всегда есть человеку место — живому, мертвому тоже. То, что пришло в мир, никогда не уходит. Смерть — это чтоб пугать живых. Да, да, в самом деле. В них... которые придут потом... войдет что-то и от меня... от моих бед и страданий... от моих коротких радостей... от моих желаний и надежд... от веры моей... — Он задыхался. — Не делай я того, что делаю сейчас, им... тем... другим... и вовсе, быть может, не быть... Мама, мама, Ниночка...» Он обмяк весь. «А мост! Мост... — вдруг пришло в голову. — Мост... Мост—это я... Я!..» Он хотел улыбнуться и, может быть, улыбнулся, показалось ему. В последнюю минуту, видно, необходимо утешение, большое утешение, чтоб легче принять конец. Он слышал свой слабевший голос: «Мост... мост... мост... мост...—И как под тихий шум дождя засыпал. — Мост... мост...»

— Шишарев, жми! Шишарев... — выдохнул Семен.

Шишарев тяжело дышал, с силой, в лад движениям Семена натужно натягивал на себя весло. Ноги Семена упирались в чье-то тело, Дунаева или Никиты.

Лодка, шедшая рядом, пропала. Возможно, вырвалась вперед. Семен услышал: что-то захлюпало сбоку. Не она, лодка?

— Ты? Каплюшкин?

Никакого отклика.

— Ты? Отвечай!

Молчание.

Никого, значит. Показалось.

— Жми, Шишарев!

Опять захлюпало по правому борту. Не показалось, нет.

— Кто? Кто? — почти с неприязнью крикнул Семен.

— Подбери, друг... — донесся рваный голос. — Подбери...

Семен узнал: отделённый.

— Подгребай! Не вижу тебя! Ты на чем?

— На бедре... — простонал отделённый. — Пуля в руку [illegible] не удержусь... Подбери, друг...

Семен круто взял в сторону — на голос. Минуты через три лодка ткнулась во что-то твердое.

Семен выпустил весло, протянул руку:

— Цепляйся, отделённый!

Отделённый ввалился в лодку, хотел положить на корму [illegible] руку, но мешало скорченное тело Володи Яковлева.

— Чуток повернись, друг... — попросил отделённый.

Мертвый не ответил. И раненая рука отделённого бессильно упала на его плечо.

АВТОМАТЧИКИ теснили Вано к берегу. Скрытый темнотой, он оторвался от автоматчиков, залегших метрах в полутораста от него, и метнулся к реке. Вано понимал: у него несколько мгновений, немцы сообразят, в чем дело,— и автоматными очередями вдогонку. Надо удачно воспользоваться этими мгновеньями. Может быть, повезет... Баллоны где-то здесь, знал он. Так и есть, он споткнулся о них, упал.

В секунду накинул он на грудь баллон, ступил в воду, побежал. Ноги увязали в донном песке, и бежать было трудно. Два-три скачка, и стало глубже. Сапоги наполнились водой, отяжелели. Еще немного, и почва совсем ушла из-под ног.

Он загребал саженками.

Течение тянуло его назад, к правому берегу, и он чувствовал это. Он ложился набок, выбрасывал вперед руку, со всей силой врезал ее в глубь воды, загребая под себя. Холодные и длинные языки волн, еще не успокоившихся после взрыва моста, накатывались на Вано, поднимали под ним баллон.

Только сейчас услышал он свист, леденящий сердце свист пуль, и увидел их светящийся след. «Накроют... накроют... — Вано был почти уверен в этом. — Шпарит трассирующими...»

С яростным шипеньем вырвалась осветительная ракета. Стрельба продолжалась.

Пуля шлепнулась у самой груди Вано. Как раз в ту секунду, когда он снова лег набок и выбросил руку вперед. Пуля, должно быть, пробила баллон. Баллон стал опускаться в воду. Вано вынырнул из него и пошел вплавь. Черт возьми, свет ракеты стоял широко и долго.

Вано вобрал в себя воздух. Правая рука вперед... левая рука вперед... правая рука вперед... Под ним текла холодная и черная вода. Он, видно, вконец устал, вода показалась очень плотной, и телу трудно было пробиваться сквозь нее. Вода сдавливала грудь, спину, живот. Правая рука вперед, левая рука вперед...

Он захлебнулся, потянуло ко дну. «Кажется, попал в воронку». Водоворот тянул вниз, тянул вниз. Проклятые сапоги, и не скинешь их... Вано почувствовал, что силы покидают его.

«Вано, не сдавайся. Не сдавайся, — безмолвно просил он себя. — Дотяни до берега, Вано, да?.. Нельзя же так, слушай, Вано. Ушел от немцев, и глупо погибнуть. Вано, Вано, не сдавайся! Поднажми, да?..»

Проклятые сапоги! Проклятые сапоги!.. Из-за них погибнуть. Надо было скинуть их на берегу. Надо было скинуть... Не скинул... Они не дают плыть. «Вот и принимай смерть, Вано...»

С усилием выбросил правую руку, она чуть задержалась и, тяжело подгребая под себя воду, пошла назад. Тело чуть продвинулось вперед. Он выбросил левую руку. «Вано, Вано... — подбадривал он себя. — Вано...»

Чудесная это штука, надежда. Во всех случаях, даже в самых погибельных, как тень, тянется надежда за человеком. В чем она сейчас, надежда эта, Вано? Во всем! В нем самом.

Правая рука вперед. Левая рука вперед...

АНДРЕЙ рывком вскочил на плот. Нога застряла между связанными бревнами, и он упал. Он ушиб раненое плечо—режущая боль ударила в сердце, и он до крови прикусил губу.

Андрей прижал к себе автомат, словно боялся выронить, посмотрел вокруг, ничего не увидел.

Плот отошел от берега.

Слышно было, как гремуче всплескивалась под лопастными шестами вода.

— Раз! — выдохнул Петрусь Бульба, толкая шест назад.

— Раз! — откликнулся Валерик, делая то же.

— Раз!..

— Раз...

Возле Андрея лежали раненые Ляхов и Ершов. Ершов тихо постанывал. Под ними медленно шла утомленная вода, шла, как и вчера, и неделю назад, и до войны, и тысячу лет назад. Вода шлепалась о бревна, и холодные брызги падали Андрею на лицо. Плот пахнул свежим сосновым духом, и дух этот был крепче запаха наплывавшей воды.

Андрей приподнял голову, повел глазами вправо-влево и в слабеющем свете гаснувшей ракеты видел: прямо и вновь двигались к левому берегу плоты, лодки, темные пятна, должно быть, бревна и на них бойцы... «Вон на том плоту идут бронебойщики. Они...» — был Андрей уверен. Позади плота торчала на воде какая-то кочка. «Баллон», — понял Андрей. «Вано? Один?..» А со стороны моста в полосах багрового дыма показались лодки. «Одна... две...» Андрей усиленно всматривался: «Точно, две...»

Ракета стала притухать, плоты, лодки, баллоны, бревна ушли во мрак, словно под воду.

— Раз!..

— Раз!..

Лежать было неудобно, и Андрей, упираясь дрожащими коленями, дрожащими ладонями о бревно, хотел встать. Не удержался и опять шлепнулся на плот. Растопыренными пальцами ухватился за скользкое бревно, чтоб не свалиться в реку. Теперь ощутил он жутковатый запах черной воды.

— Раз!.. — Петрусь Бульба.

— Раз!.. — Валерик.

Впереди шлепнулись мины, и в том месте судорога схватила воду, вода вскинулась вверх и тугим напором наплывала на плот, хлестала в лицо, заливала глаза, затекала за воротник гимнастерки, перекатывалась через спину. Осколки мин падали густо и шумно, словно шел сильный дождь с градом.

Потом все ненадолго смолкло.

Было трудно лежать на раздвигавшихся и сдвигавшихся бревнах, и Ершов напрягся, сел, согнув перебитую пулей руку; Ляхов тоже кое-как уселся, вытянув раненую ногу.

Резкий треск пулеметов рассыпался по реке.

— Ложись! — Андрей весь подобрался. — Ложись! Ложись! — Сейчас он мог приказывать лишь этим, четверым. Но все уже лежали, он тоже лежал, цепко обхватив качавшееся бревно у самого края плота, и волосы с непокрытой головы спадали вниз. Грудью ощутил он дрожь реки. Петрусь Бульба и Валерик продолжали стоять на плоту и бешено гребли шестами.

Снова ракета, слишком яркая, затяжная. Он взглянул перед собой. Мины попали в плот, на котором были бронебойщики. Плота не стало, он ушел в воду. Где-то крикнуло бревно и стихло. Лодка, одна из двух, шедшая со стороны горевшего моста, разлетелась вдребезги. «Мало кто спасется. — Андрей слышал гулкое биение своего сердца. — А может, и никто». Что делать? Что делать? Это, наверное, и есть высшая степень страдания, когда в минуту смертельной опасности не можешь помочь тем, кому обязан помочь.

Вокруг билась ночная дикая вода.

Страх ушел. В ушах стоял тяжелый гром рухнувших железных ферм и перекрытий моста. Сознание выполненного долга вытеснило все остальное. Он впервые понял, вернее, ощутил, как страшно и несправедливо, когда человек не в состоянии себя защитить. Совсем страшно, когда к нему приближается гибель, и ничего, ничего не может он сделать, чтоб ее отвести. Именно это чувствовал сейчас Андрей и уже видел себя разорванным миной на куски. Непостижимо: в эти короткие минуты, может быть, даже секунды, остается так много времени, чтобы подумать, чтобы почувствовать. Вот и сейчас еще шлепнулись на воду мины, и слышно, как разлетаются в стороны убивающие осколки, но он жив, и это вызывает в нем дрожь и стон. Оттого, наверное, что смерть нагоняла его, нагоняла. «Играет, как кошка с мышью...» Холодный пот покрыл его тело, смешался с водой. «Как кошка с мышью...» — подумал Андрей снова. Он смотрел на воду и не представлял себе, что на свету она такая черная, пугающая.

«Пережить бы это, пережить бы, и тогда уже ничего не страшно, ничего худшего уже не будет, никогда, все пойдет хорошо, честное слово», — внушал себе Андрей, словно от него самого зависело, останется ли жить. Потом, когда-нибудь, он усомнится, было ли все это на самом деле.

Андрей повернул голову, в неестественном свете он увидел белый, высокий, только что покинутый бойцами берег, и за ним, метрах в трехстах, тянулись окопы, в которых, наверное, еще не выветрилось их дыхание.

Ракеты погасли.

И все перестало существовать, только мрак и слышная во мраке бурлившая под шестами вода.

Толчок. В первое мгновенье Андрей не мог сообразить, что произошло. Он почувствовал: плот тупо ткнулся в невидимый берег. И Петрусь Бульба, Валерик и он, Андрей, повалились друг на друга. Рядом причалила лодка. Кто-то выходил из воды, кто-то, слышно было, подплывал к берегу. Кто-то упал, поднялся и ступил на песок. Даже не верилось Андрею, что не лежит на плоту, что под ногами земля, мокрая, бугристая, неспокойная,— а земля.

Андрей уже думал о дороге к высоте сто восемьдесят три, до которой надо добраться, о комбате. Все, что несколько минут назад одолевало его, почти одолело, сгинуло, словно и не было вовсе.

— Быстрее! — крикнул Андрей во весь голос. Еще раз крикнул: — Быстрее выбираться! И—на лес! На лес! — Он по-прежнему командовал: — Прямо и вправо!

К нему вернулись воля и решимость продолжать вести роту по дороге войны, какой бы трудной она ни была.

Нина ВЕАЕХОВА

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО

МХАТ: три премьеры

МХАТ оказал большое влияние на развитие художественной мысли. Влияние его стиля (я беру это понятие в широком значении) выходило за рамки собственно сценического искусства. Стиль МХАТа выразил способность человека к глубокой духовной жизни, мудрому размышлению о действительности, ее нравственных ценностях. Мы берем высокий уровень искусства МХАТа, который всегда поражал тонкостью психологической жизни, неподдельностью чувств, особыми ритмами, музыкой образов. Нет сомнения, что от метода творчества, от открытых К. С. Станиславским законов сценического искусства стиль неотрываем. Однако заметим — метод творчества МХАТа давно применяется режиссерами иных художественных направлений. Стиль же, о котором мы говорим, не дается как простое следствие овладения этим методом.

Он остается особенностью Художественного театра, его неповторимостью, выражением только его лица. Три последние работы театра напоминают об этом: «Сон разума» Антонио Буэро Вальехо в постановке Олега Ефремова (режиссер В. Захаров), «Долги наши» Э. Володарского в постановке Виктора Монюкова и «Соло для часов с боем» Освальда Заградника в постановке Олега Ефремова и А. Васильева.

После «Сна разума» мне захотелось обратить внимание тех, кто только сейчас входит в искусство, на работу М. Болдумана, играющего Гойю, великого арагонца, славу испанской живописи. Может быть — подсказать, что самое старательное изучение элементов «системы» окажется бессильным, если они не увидят, как берется роль во всей ее огромной, многообразной целостности. В век, когда мысль художника зачастую останавливается на стадии логического анализа роли, когда порой актер на сцене кажется чем-то вроде комментатора, указующего на своего героя и его поступки, такие работы, как болдумановский Гойя, необходимо изучать.

Я не хочу преувеличений, но не хочу и недооценки того, что делает М. Болдуман. Играющий целостно, мощно, всем существом, всем оркестром душевных инструментов, этот актер показался мне новатором. Его самоуглубленность, сосредоточенность на внутренней жизни соразмерна тому, как свободно и легко выявляется образ во внешнем рисунке: в простоте и естественности речи, интонации, жесте, жизни лица, здесь особенно важной, так как Гойя — глухой.

Без суеты и указки, истинно перевоплощаясь в образ Гойи, принимая его взгляд на жизнь, его чувства и мысли, Болдуман открывает нам все противоречия психологии своего героя — и человека, и художника. Его Гойя — не статически монолитная, не симметричная фигура. Гойя—Болдуман в глубоком разладе с монархическим государством, которое поглотило страну, народ, общество, идеи, самое жизнь. Он страдает и мечется, желая — и мыслях хотя бы — найти исход для страдающей Испании. Болдуман одновременно обнаруживает и великие сомнения, охватывающие мозг художника, и вселившуюся в него тревогу за человека. И, наконец, третий план его жизни — его собственная человеческая судьба: страдания, обусловленные глухотой и старостью, его сомнения, его недостатки, путаница, терзающая мозг, простодушие, иногда уступки условностям, острое ослепление ревностью.

Образ дан в едином ритмическом цикле, но это единство состоит из сотни разных тревожных подводных течений, перемен, сдвигов, столкновений, приводящих наконец к катастрофе. Да, Болдуман поставил Гойю в тесную связь с трагическим конфликтом его эпохи. Да, это художник, это Гойя из католической Испании, ее сын, ее народ, ее оппозиционер и ее победитель.

Если подытожить впечатления, или, точнее, наше восприятие исполнения Болдумана, то окажется, что это искусство, которое ведет нас к познанию через эмоции, сопереживание и воображение. Идею и тенденцию мы воспринимаем в целом, одновременно с живым поэтическим образом, его миром и атмосферой. Режиссерские решения тоже входят в «Сон разума» в форме, мы сказали бы, психологически мотивированной. Состоянием актера оправдан прием звучания голосов в его сознании, оправдано и возникновение фресок — видений на серых стенах дома художника. Если можно так выразиться, это зримые и фонетические образы внутренних диалогов, которые совершаются в мозгу художника. Так Гойя говорит в самим собой и близкими ему людьми. Главная его тревога — боязнь разрушения человеческого в человеке, растления высоких чувств в губительной атмосфере реакции.

Противостояние цельности духа темным силам реакции в Испании как сверхзадача проходит через все действие. Последовательность ее проведения обнаруживает новые и интересные черты в режиссерском мастерстве Олега Ефремова. Режиссура строгая, точная, сдержанная, она развивается в спектакле согласно, созвучно с решением художника — талантливого чехословацкого мастера Иозефа Свободы. В спектакле, особенно в его финале, есть и слабые стороны, есть и те нейтральные решения, в которых можно найти только иллюстрации к тексту. Но в главном театр ищет тонкие психологические связи со зрителем, а такие возникают в процессе нашего сопереживания происходящему на сцене.

Нельзя охватить все роли, но на образе Леокадии — А. Андреевой, образе женщины трагической эпохи Испании, мы остановимся. В образе Леокадии — А. Андреевой главный мотив — растоптанная красота в жизни художника. А. Андреева играет трагеднйно, экспрессивно и очень органично. В стремительных, порывистых движениях, а тревожных взлетах рук и парусящих под ветром тканях (прекрасно одел актрису художник), даже в кольцах завивающихся медно-рыжих волос Леокадии есть крик, отчаяние рисунка Гойи. Но есть в этом образе и жизненная сила, есть красота жизни до того, как ее коснулся ужас разрушения.

«Сон разума». Гойя — М. Болдуман.

«Соло для часов с боем». В ролях А. Грибов, М. Яншин, М. Прудкин, О. Андровская.

Цельность образа не то же, что статичность, и совсем не то же, что внутренняя монотонность; это сложное, диалектически противоречивое единство разного, это многосложность. Такая цельность необходима театру. Нахожу, что большинство актерских работ в спектакле «Долги наши» говорят о стремлении режиссера В. Монюкова выработать у актера навыки к такого рода цельности. Особый интерес вызывают два образа — Катерина, ее играет К. Головко, и Егор — Н. Пеньков.

При величайшей актерской скромности, не позволяющей художнику «выпирать» и навязывать свое «я» зрителю, Катерина — Головко неизбежно останавливает на себе внимание тем мягким, кротким выражением, которое подметил еще русский портретист Венецианов в лицах женщин деревенского труда. Но чувствуется в этом лице и скрытое переживание, душевная тайна, печальный отблеск «зари вечерней». Любящая с преданностью, которой никогда не оценит любимый ею человек, несущая душевный дар, который ему не нужен, Катерина — Головко бережет свое чувство: она и счастлива, и несчастлива им одновременно. Встреча Катерины с Иваном — центр конфликта, открытие мысли о том, что такое «долги наши».

Как богат и глубок ее монолог — воспоминания о днях молодости, которыми она делится с Егором, своим мужем. Она говорит о прошлом с невероятной деликатностью и нежеланием обидеть своего собеседника. Трудно передать, сколько здесь планов и нюансов подтекста — и у Головко, и у Пенькова. Слушая этот сугубо личный диалог, мы угадываем за ним более широкий фон — жизнь деревни предвоенной и военной поры. Интонационная актерская партитура, не усиленная внешними приемами, но продирижированная режиссером точно, переводит нас в прошлое и углубляет смысл всего, что переживается героями пьесы.

Неразрешимость их взаимоотношений с Крутовым, которого очень верно играет В. Расцветаев, какая-то постоянная опасность «взрыва» объясняются не просто в спектакле. Крутов, который считает себя намного выше этих людей, на деле всем обязан им: и заботой о его матери, и воспитанием его дочери. Наконец — возделыванием земли, на которой он стоит. Но они ему прощают его долги. Не только прощают: они снова хотят помочь ему в его внутреннем банкротстве. И именно это обнаружение его нищеты, ясное самому Крутову, он и не хочет признать. Он не может себя оценить критически и потому мучается бессилием ярости, не принимая протянутую ему руку. Впрямую это не сказано. Но сыграно.

Дорожа конкретностью картины современной жизни, В. Монюков ставит тонко и точно пережитые актерами образы в большие временные изменения. Он подчеркивает общее, непреходящее значение понятия «долг» по отношению к своей матери, к своей земле, к своей любви. Поэтому мне кажется отнюдь не напрасным вопрос о том, какой путь выбирают молодые мастера МХАТа в очень сложном, подчас хаотическом современном стилевом разноголосье. Речь идет о самом глубоком — о мироощущении художника и о том, как соответствует язык его искусства основам художественного мировоззрения.

«Долги наши». Егор—Н. Пеньков, Катерина—К. Головко

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА

Метод Станиславского — если брать только главное — подразумевает глубокое гармоническое единство человека и с миром естественным, и с миром, созданным самим человеком, то есть общественным. Актеру МХАТа несвойственно нести идеи умозрительные, которые не отвечали бы тому, что дает человеческий опыт и глубокое материалистическое знание законов бытия. Поэтому актер МХАТа никогда не будет интересен в любом стилизованном приеме, в избыточно «игровом» спектакле, хотя он может все это недурно выполнить. Самая неповторимая прелесть этого актера та, что в его сценическом рисунке, в самом стиле рисунка уже есть содержание. Голос, интонация, жест актера содержательны, а не только выразительны. Такой стиль подчиняет себе, завораживает, пробуждает мысль и формирует эстетическое чувство.

Так, когда открывается занавес спектакля «Соло для часов с боем» и мы видим пока только фигуру М. Яншина, сидящего в кресле, на сцене уже возникает атмосфера движения жизни. Послушайте диалоги, вглядитесь в эту просторную, как в древней притче, избу, ее длинный стол и рядом с ним обогревающую людей печную трубу — мысль спектакля приобретает поэтическое значение. Долги человека — не свод обязательных правил. Правила выполняет и Иван Крутов: он выполняет норму и выплачивает матери пенсион, он почти полезный член общества, если бы общество нуждалось только в практической пользе. Но обществу нужны и незримые, невзвешенные душевные ценности.

Тему что М. Яншин, как О. Андровская, М. Прудкин, А. Грибов, В. Станицын, владеет даром содержательного бытия на сцене, труднейшим даром, добытым великим трудом. Мы лица, черты лиц, жест, каждое движение, которым мы видим, как в лупу. Только эта лупа не у глаз, у внутреннего эстетического зрения. Таких актеров мы воспринимаем без напряжения, он чувствует и думает с нами в унисон, и потому все, что совершается на сцене, приобретает характер и необычайного, и простого. Актеры играют легко, чуть-чуть управляя нами, как дирижер управляет оркестром. Не думайте, что все эти мастера играют самих себя. Истинный художник никогда не довольствуется своим «я», он очень многим обогащает это «я», когда находится в творческом процессе. То, как это творчество обогащает пьесу, доказывает трактовка «Соло для часов с боем».

В обоих спектаклях есть эпизодические роли, отданные молодым актерам. И здесь есть точные попадания в общий тон (В. Фокин, М. Лобанов, Б. Гусаков в «Долгах наших»).

Однако путь к овладению духом и стилем МХАТа чреват отклонениями и к натурализму, и к формальной верности признакам стиля. Поэтому мне кажется отнюдь не напрасным вопрос о том, какой путь выбирают молодые мастера МХАТа в очень сложном, подчас хаотическом современном стилевом разноголосье. Речь идет о самом глубоком — о мироощущении художника и о том, как соответствует язык его искусства основам художественного мировоззрения.

Спектакль прозрачно-ясен и в то же время полон образных обобщений, а в финале простота уходит и выступает глубина философских размышлений.

Итак, в каждую пятницу в доме Франтишека Абеля собираются гости — пани Конти, пан Райнер. Что их здесь встретит? Обыкновенный чай за обыкновенным столом. Но все дело в том, что в этот вечер они становятся людьми общества, оставляя за пределами этого вечера... богадельню. Символ признания их ненужности. Доказательство их отсталости, отработанности и бесполезности.

Но только послушайте одну другую сценическую минуту их наивные беседы, сыгранные в духе и стиле мхатовского общения и взаимодействия. Послушайте — и вы не захотите, чтобы эти беседы кончались. И не только потому, что искусство этих мастеров создает тонкие узоры. Здесь стиль сценического творчества заставляет нас глубоко, скажу даже — глубже, чем мы привыкли, воспринимать сценические образы. Благодаря тонкости исполнения мы читаем скрытое в пьесе содержание, глубоко скрытое. В истории встреч старых пенсионеров открывается такая важная проблема, как утверждение духовной продуктивности человеческой личности, не пресекающейся и тогда, когда предел физических сил человека наступил. Да, здесь в спектакле рассмотрен человек в его непреходящей ценности. Именно так поворачивается к нам история нескольких жителей богадельни. И мы всюду находим подтверждение этой мысли. Поэтому пав Райнер, этот старый чудак, на деле — умный и талантливый, многогранно одаренный человек. А. Грибов дает это понять в какой-то один момент. В тот, когда он опускает в букет цветов свою визитную карточку и перечитывает ее. В какой-то миг в его глазах отражается прежний, настоящий Райнер. Это кратко, как блеск молнии, но этого оказывается достаточно. Уже иначе выглядят его чудачества. Понимаешь, что Райнер многое смог бы сделать для общества, ибо личной пользы он ни в чем не ищет. Он продолжает жить в сфере деятельности, как пани Конти и Франтишек Абель продолжают жить в насыщенном духовном мире. Жизнь их духа имеет продолжение и согревает окружающих. Даже инспектор Мич — В. Станицын потому так назойлив со своим никому не обязательным выполнением служебных обязанностей, что и он тоже не может отказаться от необходимости жить и действовать в обществе.

Если мы будем их описывать, образы ускользнут, исчезнут, ибо они все в движении. И нежная фарфоровость лица пани Конти, и ломкость ее хрупкого жеста — все переходит из одного состояния в другое, и на бледном усталом лице Хмелика — М. Прудкина сменяются свет и тени внутренней жизни, и круглое лицо Абеля невозможно застигнуть в статике.

В спектакле есть скрытая грусть, но вместе с этим не исчезает комедийное начало: оно оспаривает драму, смягчая близящуюся развязку. Режиссура хорошо, точно угадывает оттенок символики — и в празднике, и в танце Конти, который не столько танцуется, сколько замечательно сыгран Андровской и остальными, сыгран, как воспоминание о счастье. И только когда эта компания чудаков исчезает, вдруг все пустеет кругом и становится ясно, что хорошо было только с ними, что без них — бедно. Вся эта необычная тонкость выступает без видимых режиссерских приемов, это — разработанность душевных состояний. И вполне законно вспомнить классический МХАТ, когда актеры, занятые в «Соло для часов с боем», были молоды и играли роли молодых героев. И тогда они играли с этим же мягким туше, легко касаясь своего душевного инструмента, а звучание поражало богатством чувств и мыслей.

Менее сложны здесь образы Павла и Даши. В. Абдулов и И. Мирошниченко играют отнюдь не плохо. Портреты и четки, и живы, но они, к сожалению, локальны. Второй план создает только режиссерская мизансцена финала: и, возможно, потому не ясен финал спектакля.

Искусству живописи, литературе и поэзии дано сохраниться в истории; к пройденному, но ценному в нем есть возможность обратиться впоследствии, питаться от его источников. Стиль театрального искусства сохраняется лишь умозрительно, и поэтому особенно важно остановить внимание на нем теперь. Ибо не всегда вместе с эпохой исчезает стиль, ею порожденный. Есть стили, способные обогащать искусство и развиваться в последующие эпохи.

Вс. МЕЙЕРХОЛЬД:

«ВОВЛЕЧЕМСЯ В СТИХИЮ СТИХА...»

К 100-летию со дня рождения

*Из стенограммы беседы В. Э. Мейерхольда с исполнителями о спектакле «Горе уму»**

10 ноября 1927 г.

Мне хотелось бы остановиться сегодня на той роли, над которой мы мало работали, в силу того... что для этой роли у нас не было исполнителя. И очень буду просить тов. Ильинского обратить внимание на это обстоятельство, что роль Фамусова будет построена именно применительно к его данным...

До сих пор, сколько мне ни приходилось видеть исполнителей роли Фамусова (а я видал очень хороших исполнителей Фамусова), эта роль не была раскрыта так, как это нужно, потому что на эту роль смотрели как на какую-то такую, в конце концов, «пьесе подобную». Как бы великолепно ни играл Фамусова, скажем, Ленский, (всегда) казалось: с кем же это борется Чацкий?..

Все дело в том, что Фамусов не показывал себя активным началом, антитезой Чацкому, он всегда был началом пассивным. Он бросая реплики, поскольку нужно ему было что-нибудь сказать Чацкому на его выступления. Мне кажется, что это не так. Мне кажется, что у Фамусова должна быть наступательная энергия...

У Фамусова была своя платформа. Эту свою платформу он говорит не как лицо добродушное, не в добродушии, а, как это в старину говорили, «с сердцем». Мало иначе верили бы, что это без пяти минут какой-то министр. Это просто Фамусов на какого-то дома в Москве или в Петербурге на Фонтанке. Нужно, чтобы это был человек, который способен проявлять большую энергию там, где ему нужно доказывать, что такие-то идеи и такие-то поступки он одобряет, а вот этих людей и поступки он не одобряет.

В исполнении Фамусова должно быть волевое напряжение. Когда он делает выговор Софье и критикует ее действия, он не должен говорить это с добродушной мягкостью, а должен говорить током выговаривающим. Таким образом, самая крепкая и активная нота в пьесе должна быть в руках Фамусова. Недаром и наступательное его движение на Лизу в первом выходе не должно быть (в духе) ловеласа, а духе какого-нибудь такого рамоли, сладострастного старичка... Тут нужно, чтобы в нем просыпалась воля насильника. Эта сцена должна быть развита очень сильно, потому что нужно показать все элементы своеобразного здоровья и своеобразного насилья, взгляд на женщину как на начало крепостное — подчиненное. Это — введение в роль. И нужно сильно его развить, чтобы сразу показать, с кем мы имеем дело. Мне представляется, что здесь должна быть очень сильно развита пантомима. Тут должна быть сцена ловли с препятствиями: он бежит, где-то там ирония какие-то, убегания, выбегания и т. д... Так что мы затем будем в Фамусова видеть человека, способного на всяческого рода насилия над волей другого человека. Отсюда это вышвыривание Чацкого в четвертом акте, затем его очень активное отношение к сцене, когда объявили Чацкого безумным, затем его ловкачество как человека, не имеющего возраста. Мы должны поверить, что ему тридцать лет. Его молодая энергия должна сказаться в спортсменских способностях, о его способностях изумительно играть на бильярде. Он должен показать себя в этой области человеком вне конкуренции. К нему ездят сражаться на бильярде, потому что знают, что победить его в этой области нельзя.

Эта сцена маленькая, но требующая необычайной ловкости и изощренности. Это сейчас же сказывается и на произнесении текста. Текст Фамусов должен произносить страшно ярко, без купания в красивости. Та настойчивость, с какой он отстаивает свои идеи в больших монологах, где он говорит в присутствии Скалозуба с Чацким, все это требует на эту роль исполнителя, способного на своеобразные выкрики, чтобы чувствовалось, что этот человек может голосом своим и убедительностью речи покорить своего противника. Ни в каком случае не надо прибегать к способу гротеска, как это делают в Театре сатиры. Революции и имени МГСПС; раз это отрицательный образ — надо показать это в отвратительных чертах. Нет, пускай он будет обаятельным, симпатичным, изысканным и красивым, а внутри в этом красивом сосуде напиток противный, горький, неприятный, который начнет ся выплевывать.

Он должен перед нами щеголять умением носить костюмы. Он умеет пофрантиться, он умеет быть изысканным. Он своеобразный какой-то денди.

Обыкновенно [его изображают] обрюзгшим старичком с пузом, который щипнул Лизаньку, читает нотации Молчалину и произносит какой-то монолог, вынимая табакерку и понюхивая табак. Это было особенно четко подано Дикским. У нас это должно быть исключено. По типу он должен напоминать Тьера. Тьер всегда поражал изысканностью: как он носил очки, причесывался, как он смазывал вкусно губки. И в то же время он расстреливал по тысяче человек в день. Полное несоответствие.

...Очень важно овладеть стихией стиха. Можно овладеть этим, если вы прочитаете пьесу сто — сто пятьдесят — двести раз. Если двести раз читали, то на двести первый раз можно понять, что значит купаться в стихии стиха, окунуться в атмосферу стиха. Почему монглор так долго монглирует? У него чудовищная тренировка. Он сидит за столом, подбрасывает спички, садится в ванну — мыло подбрасывает. Он постоянно что-нибудь подбрасывает. Без этого он на может. Поэтому у него выработалась такая необычайная техника. А тут нужно все время читать, читать и читать. Мы и будем заниматься там, что будем читать.

Почему-то все, кто читает стихи, страшно боятся курсивов. Они думают, что только в прозе можно позволить себе делать выкрики каких-нибудь отдельных слов и фраз. Заметьте, что все лица, читающие свои собственные стихи, как, например, Блок, никогда не позволяли себе делать курсивов. Блок отмечал только внутреннюю сущность данного размера или стихотворной формы. Только один поэт знает это интереснейшее свойство курсивов — это Андрей Белый, который позволяет себе не только выкрикнуть отдельные слова, но может просто обратить свое стихотворение в романс...

Что касается «Горя от ума», то, пожалуй, исключение составляет Ленский. Он умел сделать так, что вдруг какое-то слово выявлялось на яровости. Я думаю, что курсивам в особенности должна быть насыщена роль Фамусова. Фамусов должен быть соткан из курсивов, отдельные куски он просто выкрикивает. Таких мест будут и у Чацкого, но у Фамусова в особенности. У Чацкого этого будет больше в действии, а тем, как он стучит об стол или уронит стул. Но у него будет скорее склонность и тихим тонам. Фамусов, когда он выходит на сцену, он должен заполнять за собой на все сто процентов. Он доминирует все время, он должен быть назойлив.

Эти курсивы возможны только тогда, когда мы сильно владеем стихами... Мы займемся в стихию стиха Грибоедова, если будем там же хорошо знать его, как знал сам Грибоедов...

* Премьера состоялась 19 марта 1928 года. Стенограмма хранится в ЦГАЛИ СССР.

Публикацию подготовили
В. КОРШУНОВА
и М. СИТКОВЕЦКАЯ

Игорь ИЛЬИНСКИЙ, народный артист СССР

УРОК ИСКУССТВА

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТЕНОГРАММЕ

Игорь Ильинский в роли Фамусова. 1928 г.

Я получил большое удовольствие, прочитав «замечания» Всеволода Эмильевича о роли Фамусова. Интерес этот двоякого рода: во-первых, я прекрасно помню, как мы работали над спектаклем «Горе уму». А с другой стороны, некоторые слова Мейерхольда явились для меня сейчас неожиданностью, во всяком случае в памяти не все осталось, что Всеволод Эмильевич тогда говорил. Видите ли, у меня в то время отношение к роли Фамусова было не очень воодушевляющее... Тяги к ней не было. Она хоть и замечательная, но чрезвычайно трудная и не слишком выигрышная для актера, в ней нет «самоигральных» ситуаций, и, несмотря на великолепный текст, персонаж на очень «выходит в действие». Честь сыграть эту роль становилась одновременно своего рода экзаменом для актера, но экзамен не всегда бывает приятен, и очень многие его не выдержали. Даже великий Ленский, по свидетельству Мейерхольда, начал хорошо играть эту роль только через 15 лет. И это — Ленский, которого, так же как и Станиславского, Мейерхольд считал своим главным учителем.

Я повидал очень многих Фамусовых. Больше всех мне нравился, пожалуй, Южин — своей внешностью, своей манерой игры. В нем была «золотая середина»: не пассивный, обрюзгший старичок, но и не жестокий Тьер. Прошло почти полвека, и сейчас уже под другим углом зрения рассматриваешь требования и соображения Мейерхольда. Интересно, что я все-таки в свое время не очень понимал их. Теперь же мне кажется, что это очень верная и интересная мысль — играть Фамусова более жестко и активно, я сейчас я бы обязательно воспользовался этими указаниями.

...А тогда мне было 26 лет. В этом возрасте легче сыграть человека пожилого, даже старого, чем зрелого мужчину 45 лет. Когда Мейерхольд показывал, как надо играть, ему самому было 53 года — возраст, как мне казалось, самый точный для Фамусова. А Всеволод Эмильевич обвинял меня, что играл я слишком старого и благодушного человека. Мне кажется и по сей день, что у грибоедовского Фамусова нет такой злобы, активности, резкости. Текст влечет актера к некоторому благодушию, к этакому барскому краснобайству. Однако замечания Мейерхольда решают этот образ более глубоко и позволяют противопоставить Чацкому сильную и тем особенно опасную для Чацкого личность. Играть следовало, конечно, энергичнее и «спортивнее».

Когда я вспоминаю работу свою с Мейерхольдом, когда пытаюсь ответить сам себе на вопрос: что же дал для жизни актерской, творческой, да и для личного «богатства» Всеволод Эмильевич, то могу убежденно, а самом точном, а не переносном смысле сказать — все. Я не просто «выучился на актера» у Мейерхольда, я впитал в себя его уроки как основу понимания и ощущения творчества. Координация движения внутреннего и внешнего — вот основное в его школе. Мейерхольд показал, что в актере, который одновременно является и творцом, и материалом для творца, должны быть слиты воедино мир духовный и мир физический. Это были своего рода поиски «синей птицы» — единства формы и содержания.

Говорят, что Всеволод Эмильевич мало внимания уделял внутренней эмоциональности. Нет, он считал это чем-то само собой разумеющимся для любого актера, и сам обладал огромной эмоциональностью. Зато умению создать внешнюю форму, соответствующую содержанию, внутреннему миру образа, Мейерхольд придавал огромное значение, обращая много внимания на техническую оснащенность актерской игры.

Все мы знаем, что таков техника для пианиста, музыканта, для артиста балета, цирка... А вот на драматической сцене я часто сталкиваюсь с технической беспомощностью. Между тем физический тренаж чрезвычайно важен и нужен, потому что руки и ноги у актера могут быть либо друзьями, либо врагами. Если актер не знает, куда деть руки, если он, плача настоящими слезами, в то же время внешне невыразителен — слезы будут смешны, и сам он непонятен для зрителя.

Мейерхольд учил чувствовать свои «ракурсы», у него было такое выражение требования к актеру—«самозеркалить».

Сила актера, как мне кажется, и в том, что он себя знает, знает настолько, что контролирует свой облик, может почувствовать, как он выглядит со стороны, и если сам себе надоедает, то непременно ищет что-то новое, свежее. Однако многие актеры все время играют себя и повторяются тысячекратно...

Разве только актеров обогатил Мейерхольд? Обогатились все, кто с ним общался, — и музыканты, начиная с Шостаковича, и художники, как, например, Дмитриев, впоследствии писавший замечательные декорации для МХАТа. У него учились режиссеры Эйзенштейн, Охлопков, Юткевич, Плучек, Варпаховский, Равенских... Вахтангов сказал о Мейерхольде, что он «дал корни театрам будущего». К сожалению, некоторые брали от него только внешнее, самое легкое, то, что он сам называл «мейерхольдовщиной», — трюкачество, формалистическую оригинальность, и не уделяли достаточно внимания глубокому творчеству и настоящему актерскому мастерству. А ведь очень значительным в деятельности Мейерхольда было то, что свой театр, казалось бы, сверхрежиссерский и диктаторский, он назвал, глядя в будущее, «Театром актера» и создал при нем школы режиссеров и актеров, считая важнейшей задачей воспитание молодого поколения.

«БАРАБАНЩИЦА» — 600

Творческая дружба Центрального театра Советской Армии с Афанасием Салынским началась в 1959 году, когда на большой сцене состоялась премьера спектакля «Барабанщица» (режиссер А. Онуфриков, художник М. Шифрин, композитор Л. Афанасьев).

С тех пор прошло пятнадцать лет, а спектакль этот с неослабевающим успехом идет не только в Москве, но во многих городах страны.

С образом мужественной разведчицы Милы Симиной связаны имена таких замечательных актрис, как Л. Фетисова и Л. Касаткина. На днях в 600-м спектакле «Барабанщицы» в главных ролях Милы и Федора выступили молодые артисты Т. Федорова и М. Стародуб.

На Фото: Мила Симина — Л. Касаткина, Митрофанов — Ф. Заболотный.

Фото И. ЕФИМОВА

НАКАНУНЕ СОБЫТИЯ

ДО ВЫБОРОВ — НЕДЕЛЯ...

Англия взбудоражена: осталась лишь неделя до назначенных на 28 февраля досрочных парламентских выборов. В чем состоят причины нынешнего социального и экономического хаоса? Где выход из него?

Эти вопросы я задал политическим обозревателям трех лондонских газет, отражающих соответственно взгляды консерваторов, лейбористов и коммунистов.

Первый мой собеседник — обозреватель консервативной газеты. Он настоящий лондонский денди — седовласый, элегантный, в темно-синем костюме. Говорит уверенно и неторопливо:

— Такой шторм еще не бушевал над нами! Но я считаю, что в кризисе повинна не правящая партия, а рабочие, которые думают лишь о своей выгоде, а не о нуждах страны. Надеюсь, что консерваторы снова победят на выборах и тем самым докажут, что они, а не шахтеры, которые проводят забастовку, правят страной. Многие склонны обвинять правительство во всех смертных грехах, даже в том, что оно вступило в «Общий рынок». А ведь именно благодаря этому шагу мы сделали Европу сильнее...

В этот момент наш разговор прерывают: начинается пресс-конференция Генерального секретаря Коммунистической партии Великобритании Джона Голлана, на которую мы оба пришли. После пресс-конференции журналистам раздают предвыборный манифест коммунистов.

«Вступление Великобритании в «Общий рынок» привело к росту цен на продукты питания, а также на сталь и уголь, увеличило дефицит платежного баланса», — читаю я и вопросительно гляжу на своего собеседника.

— Да, это так, — соглашается он. — Но я ведь говорил только о политическом значении нашего присоединения. Вообще-то, если честно признаться, большинство англичан выступает против участия в ЕЭС...

Неожиданное для консерватора заявление! Может быть, он больше не верит в силы своей партии?

— Как вы считаете, кто победит на выборах?

— Думаю, что все-таки консерваторы. Именно поэтому они объявили выборы досрочно. Ведь через полтора года, когда должен был истечь срок их правления, у них уже не было бы никаких шансов победить...

Еще одно довольно неожиданное признание. Мой собеседник явно «сбивается с курса». Впрочем, последующая его реплика вносит некоторую ясность:

— Я буду голосовать за тори, хотя и не во всем поддерживаю их политику. Разумеется, я воздержусь от подобных высказываний на страницах моей газеты и поэтому прошу вас не называть в печати мое имя...

Питер Зинкин не просил держать его имя в секрете. Вот уже 30 лет острые статьи и комментарии этого журналиста ежедневно появляются в газете английских коммунистов «Морнинг стар». Питеру 69 лет, но он по-молодому подвижен и экспансивен:

— В нынешнем политическом и экономическом кризисе повинны прежде всего консерваторы: ведь они защищают интересы большого бизнеса, а не народа! Последствия такой политики: обострение социальных конфликтов, рост безработицы, спад промышленного производства. За годы правления консерваторов цены на продукты питания возросли на 50 процентов, а какой огромный ущерб нанесло стране присоединение к ЕЭС!..

Я прерываю Питера и рассказываю ему, что думает о вступлении Англии в «Общий рынок» обозреватель-консерватор.

— При чем тут «укрепление Европы»?! — восклицает Питер.— Ведь сейчас благодаря политике Советского Союза и других социалистических стран в Европе идет успешный процесс разрядки напряженности. Я даже считаю, что вступление Англии в «Общий рынок» только мешает этому процессу...

— А как вы относитесь к тезису о том, будто причины кризиса — в «эгоизме рабочих»?

— Под этим насквозь лживым лозунгом проходит сейчас вся предвыборная кампания консерваторов. Они пытаются надеть смирительную рубашку на профсоюзы. А между тем выход из создавшегося тупика состоит в увеличении расходов на развитие государственного сектора, в национализации важнейших отраслей промышленности, в жестком контроле над ценами, в сокращении расходов на вооружение, в укреплении сотрудничества с социалистическими странами...

— Кто победит на выборах? — спрашиваю я.

— Это трудный вопрос. Но я не думаю, что, если лейбористы придут к власти, они осуществят принципиальные изменения. Судя по опыту прошлого, лейбористская партия, став правящей, быстро забывает о своих предвыборных обещаниях...

С обсуждения этого замечания Питера началась наша беседа с Виктором Найтом, политическим обозревателем «Дейли миррор» — самой крупной в Англии ежедневной газеты, которая традиционно отражает курс партии лейбористов.

— Да, за время своего последнего правления, с 1964 по 1970 год, лейбористская партия действительно не выполнила большинства своих обещаний, — признает Виктор Найт. — Но ведь консерваторы еще в меньшей степени придерживаются своих предвыборных манифестов...

...Я ждал звонка из Москвы, чтобы передать этот репортаж, когда, подойдя к окну, увидел у соседнего дома автомобиль. Я хорошо знаю его владельца — молодого общительного парня. Судя по машине, он не остался в стороне от предвыборных дебатов — на крыше его автомобиля был прикреплен транспарант: «Не ждите чудес от выборов».

Это, пожалуй, единственный пункт, в котором сошлись все трое моих собеседников...

М. ОЗЕРОВ,
собственный корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»

ЛОНДОН. (По телефону)

Массовый митинг бастующих шахтеров Англии.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

«КРАСНЫЕ» УЖЕ ПОД КРОВАТЬЮ?

В 1348 году здесь было кладбище, где хоронили лондонцев, умерших от чумы. Спустя более шестисот лет на этом самом месте, на улице Феттер Лейн, в одном из домов поселилась организация «Цели промышленности». Ее создали крупнейшие предприниматели для пропаганды капиталистической системы производства и «разоблачения деятельности тред-юнионов». Сейчас, в канун досрочных парламентских выборов, организацией ассигнованы на эти цели пятьсот тысяч фунтов стерлингов.

И вот передо мной один из плодов, взращенных нынешней зимой сотрудниками оффиса на Феттер Лейн, — брошюрка алого цвета с названием «Красные» уже под кроватью!». Открытия авторов брошюрки, щедро рассылаемой по разным адресам, поистине поразительны: найден главный виновник всех бед Британии, и в частности сегодняшнего экономического кризиса! Не нужно больше мирным гражданам тратить время на поиски причин катастрофического положения страны, не нужно обвинять в нехватке топлива и в высоких ценах правительство — не нужно, ибо всему виной... «красная опасность»!

Брошюрка анонимна. Вряд ли кто-нибудь разгадает, кто писал ее — один человек или группа авторов. В любом случае ее сочинителю (или сочинителям) не откажешь в буйной, прямо-таки безудержной игре воображения. Видимо, место, на котором стоит дом «Целей промышленности», таинственно влияет на стиль и характер брошюры: она кажется нормальному читателю бредом замутненного. Вот цитата:

«У вас есть дружелюбный сосед; он коммунист. Знайте, что цель соседа — сделать все возможное, дабы дискредитировать нашу систему и показать, что она неуправляема...»

Как будто кто-то может больше дискредитировать капиталистическую систему, чем она сама!

Еще цитата:

«Факты таковы, что красные расположились уже под нашими кроватями. Они охватили смертельными объятиями важнейшие профсоюзы. Игнорировать это — значит надеяться, что раковая опухоль рассосется сама по себе».

Британцы бережно хранят свои традиции, в том числе и такие, которые позволяют им шутить над собой. Одна из таких традиций — вера в духов и привидения.

Недавно секретарши из «Целей промышленности» испуганно донесли своим руководителям, что в здании офиса как раз в день объявления всеобщей забастовки британских шахтеров был слышен подозрительный шум шагов, хлопанье дверьми, перешептывание. Не иначе — духи. Вот только вопрос: какие? То ли древние призраки чумы вылезли из своих могил (это еще полбеды), то ли те самые «красные призраки»?

В связи с этой историей один развеселый репортер из газеты «Гардиан» посоветовал хозяевам «Целей» отгонять духов молитвой, стоя на коленях. Коленопреклонение, заметил репортер, поможет боссам с улицы Феттер Лейн взодно заглянуть под собственные кровати, где они непременно обнаружат хотя бы одного «красного».

Дельный совет!..

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ЛОНДОН. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В ФЕВРАЛЕ...

КОНЕЦ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЛАСОВЦА

Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и 13 февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А. И.

■

Мы не слышали от Солженицына ни одного слова в осуждение преступной фашистской хунты в Чили, в осуждение наглеющего фашизма в других странах, но сколько черных слов находит он, чтобы принизить, оболгать нашу страну, являющуюся светом, надеждой человечества, чтобы забросать грязью ее славу, ее идеалы.

Считаю правильным решение о выдворении Солженицына за пределы нашей Родины.

Степан ЩИПАЧЕВ

■

Весть о том, что Солженицын лишен гражданства СССР и выдворен из СССР, принесла мне глубокое удовлетворение.

Еще несколько лет назад я написал о нем статью, которую назвал «Вор в нашем доме». С тех пор его злобная клевета на социалистический строй еще более усилилась. Все его действия были направлены против благородной борьбы нашей партии за смягчение международной напряженности. Они на руку нашим классовым врагам. Возня, поднятая на Западе вокруг этого литературного власовца, убедительно продемонстрировала расстановку сил на антикоммунистическом фронте. Все враги Советской державы, враги социализма собрались ныне на одной платформа.

«Безумец тот, кто свой аул порочит и оплевать своих соседей хочет»,—говорят в народе. От такого обычно стремится избавиться любое селение. За свой долгий век я встречал разных людей. Попадались и такие, что не только соседей, но и мать, вскормившую их, готовы были оплевать. Они всегда вызывали омерзение. К ним отношу я и Солженицына. И очень хорошо, что он выдворен теперь из СССР.

Верды КЕРБАБАЕВ

АШХАБАД

■

Когда оскорбили тебя одного, можно еще как-то стерпеть, промолчать. Но можно ли молчать и терпеть, когда оскорблена совесть миллионов, когда возводится злобная и целенаправленная хуле на самые великие наши национальные ценности, когда оскверняется то, что для всех нас свято, когда поднята ничем не смущающаяся и ничем не брезгующая рука на бессмертные завоевания Октября, когда брошен поганый плевок не только в живых героев, но и на священные могилы павших, тех, что спасли мир от вечного кошмара, в который собирался погрузить его фашизм, — можно ли, спрашиваю я вас, молчать и терпеть? И сколько можно терпеть?!

Надобно уж очень круто насолить своему народу, очень сильно нагадить, напакостить ему, чтобы он в конце концов указал тебе не дверь, отвернулся от тебя и грозно, с крайним отвращением, вымолвил:

— П-шел вон!

Солженицына вытряхнули где-то посреди возлюбленной ему капиталистической Европы, на те посевы, где он, духовный власовец, давненько уж пасся, пощипывая отравленную травку. Едва ступив на землю, тотчас же потянулся липкими и жадными ручищами к туго набитому, поджидавшему его в швейцарских банках кошельку. Надо полагать, Иуда Искариотский повернулся в гробу от дикой зависти: ведь он ясно продешевил, продав Иисуса всего лишь за тридцать сребреников. Александр Исаевич так дешево не продает, да и продает-то он не какого-то там библейского Христа, а вполне реальное Отечество...

Впрочем, не считали и не имеем ни малейшего желания считать его барыши, прикасаться к его презренным бумажкам, — не позволяет элементарное чувство брезгливости. Одно совершенно ясно: продавший вместе со своей душой и свою Родину получает то, что и должен получить: вечное, непреходящее презрение всего честного, что есть на земле. Жирный же кусок, заработанный Солженицыным ценою низкого предательства и пособничества империализму, рано или поздно, но встанет у него поперек горла. И поделом!

Михаил АЛЕКСЕЕВ

■

Если отдельный гражданин настойчиво противопоставляет себя обществу, в котором он живет, то общество, исчерпав меры воздействия, вправе отвергнуть его. Суверенное право решать подобные вопросы принадлежит высшим органам государственной власти.

Поэтому с чувством удовлетворения воспринимается Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении А. Солженицына советского гражданства и извещение о высылке этого врага социализма за пределы страны.

В. ВЭЭКМАН

ТАЛЛИН

■

Мне пришлось в годы вынужденной неволи быть вместе с теми, кто в тяжелых условиях оставался несгибаемым коммунистом и стойким советским человеком. Я восхищался, гордился ими и рассказал о них в документальной «Повести о пережитом». Но были там и справедливо осужденные — предатели, изменники Родины, откровенные враги нашего строя. Я видел их прищуренные глаза, слышал их злобные голоса, чувствовал их ненависть ко всему, что священно для нас. Адвокатом и единомышленником таких преступников стал Солженицын. Он нанялся в холопы к нашим идейным врагам и стряпал для их кухни антисоветское варево.

В лаконичных, высокого достоинства строках Указа о выдворении Солженицына за пределы страны Ленина — сила советского закона.

Предателя, где бы он ни находился, аса равно настигнут наша Правда и презрение всех честных людей мира.

Лишение Родины — гражданская смерть.

Борис ДЬЯКОВ

■

Любому долготерпению когда-то наступает предел. И я с чувством глубокого удовлетворения воспринял известие о том, что Солженицын выдворен за пределы нашей Родины. Он не может не быть чужд нам, советским писателям, как очернитель нашего строя, как враг социализма, как человек, который своей деятельностью стремится помешать взаимопониманию народов и государств. Меня, участника Великой Отечественной войны, особенно возмущает, что Солженицын оболгал, очернил высокий подвиг советского народа в борьбе против фашизма.

Нет, надежды тех, кто думал, что совесть Солженицына пробудится, не оправдались, они не могли оправдаться. Можно воззвать к совести, к чувству долга того, у кого остались крупицы совести, кто способен чувствовать, какой многотрудный и сложный путь прошел Советский Союз, какие свершения нашего обществе войдут в историю. Человек, который напрочь изгнал из своего сердца это чувство, не может носить в кармана советский паспорт.

Солженицын не захотел прислушаться и голосу народа. И мы сегодня можем сказать только одно: Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства справедлив, ибо терпение народе кончилось.

Жан ГРИВА

РИГА

■

«Дело» Солженицыне получило логическое завершение. Он выдворен за пределы СССР. Думаю, что не только я почувствовал наконец облегчение. Слишком долго длилось все это, слишком долго он пытался играть роль «исключительной личности». И вот доигрался...

Нам следует глубже задуматься над совершившимся фактом. Есть такие слова в песне: «С чего начинается Родина?..» Я хочу поставить вопрос: как человек ставит себя вне Родины, с чего начинается предательство? Оно начинается с самого первого факта противопоставления собственной персоны народу. Всем нам надо еще и еще раз подумать о воспитании подрастающего поколения, о чистоте любви к Родине, о том, что она одна и что любовь к ней должна быть и чистой, и строгой.

Мы прошли через все — труд и войну. Мы с народом, мы с партией, мы плоть от плоти ее, мы в ней, она в нас. И так до конца, до самого конца. Любовь и верность слишком большие чувства, чтобы легкомысленно играть ими. Родина и народ слишком большие понятия, чтобы легко к ним относиться, и мы никому не позволим ни играть ими, ни легко к ним относиться.

И на этом следовало бы поставить точку. Навсегда. Дел у нас много, времени мало. Солженицыны уходят в безвестность, народ советский шагает в будущее, и мы, советские писатели,— с народом.

Тангиз ВУАЧИДЗЕ

ТБИЛИСИ

■

Логика предательства основывается на своих неумолимых законах, имеет свою диалектику развития, и ее сущность четко ассоциируется в народном представлении с 30 сребрениками Иуды...

В самой основе «творчества» Солженицына заложено зерно национального предательства; его герои олицетворяют самые теневые стороны человеческого характера — раболепие, угодничество, всеядность, способность за пайку хлеба отказаться от человеческого достоинства. Солженицын гнусно оклеветал русского человека, того самого пахаря и солдата, который на однажды пронес по странам Европы с великим достоинством меч освободителя от насилия и порабощения.

Разумеется, нет нужды защищать русский народ от человека, душа которого полна патологической злобы в отношении всего этого народа. Русский народ в истории развития человечества занимает подобающее ему по его свершениям и заслугам место. И будет занимать его вечно, независимо от оценок духовных пигмеев. Сколько их было, духовных карликов, прошелестевших у подножия этой твердыни и исчезнувших бесследно! Но проследить еще раз, как человек от нравственного падения, от честолюбия (а ведь вся «позиция» Солженицына, если ее проанализировать спокойно и без предвзятости, сводится именно к непомерно раздутому честолюбию) неизбежно скатывается к предательству, к отрицанию прогресса и гуманизма вообще, — все это поучительно. И, разумеется, вполне закономерно и естественно, что человек, патологически ненавидящий народ, в своем развитии неизбежно пришел к самому реакционному, к самому гнусному — к оправданию фашистов. И вполне естественно, закономерно, что народ, спасший мир от фашизма, народ, давший миру великих титанов духа, с отвращением и брезгливостью отторгнул от себя прислужника империализма.

Петр ПРОСКУРИН

■

Все, что дорого советскому народу, все его успехи, завоеванные ценой небывалых усилий воли, труда и разума советских людей, вызывают у субъекта по имени Солженицын лютую ненависть. Даже самые гуманные, миролюбивые шаги Страны Советов, направленные на благо всего человечества, не в состоянии вызвать у него ничего, кроме чувства злости. Потому что все наше ему чуждо. Все то, что чуждо нам, близко ему, пусть это самые реакционные силы империализма или откровенные сторонники «холодных» и «горячих» войн, чилийская хунта или власовские, бандеровские, белогвардейские и прочие недобитки.

Ну что ж, случилось так, как и должно было случиться. Солженицын окончательно раскрыл себя как враг нашего социалистического строя, враг мира и прогресса вообще. Жить в одной стране, в одном городе, дышать одним воздухом с человеком, который отравляет этот воздух ядом ненависти, терпеть вражескую клевету на свою Родину советские люди уже больше не могли. Об этом убедительно свидетельствовали многократные выступления представителей всех слоев населения на страницах наших газет. Президиум Верховного Совета СССР прислушался и голосу советских людей и лишил советского гражданства нашего классового врага, клеветника, идеологического власовца. И все мы, в том числа писатели Советской Украины, горячо одобряем этот справедливый и глубоко патриотический акт.

Василь КОЗАЧЕНКО

КИЕВ

Китай сегодня

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ВТОРОЙ РАУНД?

На обычный в эти дни вопрос «Что же происходит в Китае?» многие наблюдатели дают совершенно определенный ответ: начался второй этап «культурной революции». Сегодня мы приводим некоторые высказывания зарубежной печати, касающиеся последних событий в КНР.

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Нынешняя великая пролетарская культурная революция является совершенно необходимой и весьма своевременной... Проект пересмотренного устава полностью зафиксировал великую победу и огромное значение этой революции к четко отметил: «В дальнейшем такая революция будет проводиться много раз...» Уже в 1966 году, когда только что развернулась великая пролетарская культурная революция, председатель Мао Цзэ-дун указал: «Полный беспорядок в Поднебесной ведет к всеобщему порядку. Это повторяется через каждые семь-восемь лет...»

Из доклада Ван Хун-вэня на X съезде КПК

Пекин снова обращает свои взоры к магическим дням 1966—1969 годов... Перспектива повторения «культурной революции» стала еще более очевидной.

Согласно нынешним планам, роль масс будет выполнять ополчение. В таких северных провинциях, как Гирин и Хэйлунцзян, равно как и в провинциях на Юга — Сычуань и Гуандун, ополчение патрулирует на улицах.

«Фар истерн экономик ревью» (ГОНКОНГ)

Выражения, внезапно ставшие более резкими, новые лозунги и возвращение к лозунгам, распространявшимся в первые месяцы «культурной революции», перемещения среди виднейших руководителей страны — все указывает на то, что Китай вступил в новый этап своей «революции».

«Монд» (ФРАНЦИЯ)

«Почему я подвергаю критике конфуцианство, которое долгое время почитал?» — этот вопрос поставил профессор философского факультета Пекинского университета Фэн Ю-лань в своей беседе с корреспондентом Синьхуа. Он рассказал о перемене в своих взглядах.

Профессор Фэн отметил, что проповедовавшиеся Конфуцием я тот исторический период «жэнь» (гуманность), «дэ» (добродетель) и тому подобные идеи служили упадническому классу рабовладельцев. Профессор сказал, что этого он не понимал в прошлом. Теперь он это понял.

Как профессор Фэн добился такого прогресса?

«Великая пролетарская культурная революция ускорила мое идеологическое перевоспитание», — сказал он.

Синьхуа (КНР)

Волна критики против Конфуция и Линь Бяо превратилась в настоящий потоп. Речь идет о «народной войне», гласят официальные тексты, и она последовательными волнами захватила уже всю политическую жизнь.

«Монд» (ФРАНЦИЯ)

Чжоу натолкнулся на серьезное противодействие в своих попытках поставить под контроль изменчивых радикалов, ослабить могущество армии и восстановить власть опытных гражданских лиц, способных управлять страной.

Похоже на то, что Чжоу явился объектом критики в ряде статей, осуждающих Конфуция. Обрушиваясь с нападками на концепцию этого древнего философа, который ратовал за возвращение «тех, кого предали забвению», авторы статей как бы критикуют попытки Чжоу реабилитировать тех должностных лиц, которые подверглись чистке в период «культурной революции».

«Нью рипаблик» (США)

Китай после месяцев, отмеченных напряженностью, обнаружил, что сам Мао начал и возглавил новое внутриполитическое столкновение под девизом «Критика Линь Бяо и Конфуция». Призыв к новой чистке, в частности, адресован «руководящим работникам на всех уровнях».

«Франкфуртер альгемайне» (ФРГ)

ВНОВЬ ХУНВЭЙБИНЫ

В сообщениях из Китая описывается формирование небольших групп активистов, которым поручается поднять широкие народные массы на поддержку кампаний против Линь Бяо и Конфуция.

«Нью-Йорк таймс» (США)

Хунвэйбины при поддержке «маленьких красных солдат», студентов и рабочих с утра до вечера демонстрировали на главных улицах Шанхая против «русских ревизионистов» и «людей, зараженных пороками капитализма». Кадровые работники с гордостью рассказывают о том, как студенты изгоняют некоторых университетских преподавателей, считающих, что успехи в учебе важнее политических успехов.

«Дейли телеграф» (АНГЛИЯ)

В радиопередаче из южной провинции Гуаньси говорилось, что дан сигнал к «народной войне» против «старой идеологии, культуры, обычаев и привычек эксплуататорских классов». Это прямое возрождение темы первого раунда «культурной революции», во время которой эти аспекты подвергались критике, как «четыре старых» явления.

«Нью-Йорк таймс» (США)

Почти все крупные города Китая закрыты для иностранцев. Дипломатам и журналистам отказывают в разрешении на поездки по стране. На главных улицах Шанхая можно было видеть в эти дни группы демонстрантов с барабанами. В Ухани, крупном промышленном центре, слышалась стрельба. Приезжие сообщили о беспорядках в промышленности и о столкновениях между различными группами рабочих.

Дацзыбао и газеты, выходящие в провинциальных городах, заставляют предполагать, что вот-вот должна начаться вторая «культурная революция».

Франс Пресс

И КАК ВСЕГДА — АНТИСОВЕТИЗМ

Опыт «культурной революции» показывает, что внутренние конфликты могут сопровождаться вспышками острой ненависти ко всему иностранному и оказывать воздействие на дипломатические отношения Китая. Вполне вероятно, что руководство, сознавая этот факт, стремится направить всякие подобные настроения на объект, который, по его мнению, в наибольшей мере того заслуживает, то есть на «советский ревизионизм».

«Таймс» (АНГЛИЯ)

Учителя, работающие в небольшой школе при французском посольстве в Пекине, подверглись нападению толпы на одной из центральных улиц китайской столицы. Их вытащили из машины с дипломатическим номером. Кто-то из толпы выдрал у них киноаппарат, и только после вмешательства сотрудников органов безопасности им позволили уехать. Наблюдатели отмечают, что, по сообщению дипломатов, работающих в Пекине, а последнее время на перекрестках города неоднократно останавливали машины с иностранными номерами, и полицейские проверяли, не являются ли их водители советскими людьми.

Франс Пресс

Итак, дано официальное подтверждение: председатель Мао декретировал второй раунд своей «культурной революции». Сообщают о многочисленных митингах с участием «десятков тысяч» человек, на стенах снова появились огромные плакаты с новыми лозунгами. Как и раньше, кампания имеет националистический привкус. Снова запрещено исполнять произведения Бетховена. Одно новшество, видно, состоит в том, что параллельно захватываются острова в море. Китай объявил, что он претендует и на острова Спратли. Неизменным элементом как будто остается враждебность к отношении русских.

«Кристен сайанс монитор» (США)

ДЕЛОВИТОСТЬ: ВСЕГДА, ВЕЗДЕ, ВО ВСЕМ!

Решительно совершенствовать стиль работы, повсеместно внедрять методы научного управления, укреплять производственную и государственную дисциплину — этого потребовал от всех работников, а первую очередь руководителей, декабрьский Пленум ЦК КПСС.

«ДЕЛОВИТОСТЬ: ВСЕГДА, ВЕЗДЕ, ВО ВСЕМ!» — под такой рубрикой мы начали разговор о воспитании деловитости, о борьбе со всякого рода неорганизованностью, расхлябанностью в работе, безответственностью, бумаготворчеством и заседательской суетней («ЛГ», № 52, 1973).

Новая рубрика является продолжением традиционного для «ЛГ» раздела «Человек в системе управления». Очередную страницу, публикуемую сегодня, мы посвящаем времени руководителя. Это одна из актуальных проблем, которая привлекает внимание деловых людей и специалистов по управлению как в нашей стране, так и за рубежом.

ОРГАНИЗАТОР, А НЕ «СУПЕРДИСПЕТЧЕР»!

В. ЛИПАТОВ,
кандидат экономических наук

Вопрос к хозяйственным руководителям: нерегламентированный рабочий день — пленная необходимость или день несовершенству организации труда?

ВРЕМЯ руководителя — серьезная проблема. Год от году происходит все большая интенсификация деятельности аппарата управления. В нашей стране на управление расходуется до 25 миллиардов часов. Теперь посчитаем. Час работы «среднего управленца» стоит один рубль, значит, общесоюзные затраты на эти цели (только лишь по шкале заработной платы) равны примерно 25 миллиардам рублей ежегодно.

Экономия живого труда в сфере управления — задача актуальнейшая. Тут неограниченное поле деятельности: управление лишь недавно начало приближаться к техническому уровню своего века. Эта сторона дела обществом вполне осознана, практическая реализация идей автоматизированного управления идет достаточно быстро.

Однако электронные машины и средства малой оргтехники способны лишь разгрузить время руководителя, но как и чем его заполнить — решать ему самому. Между тем иные руководители тратят свои служебные часы до крайности нерационально. Погрязая в текучке, не умея оградить себя от дел, за которые должны отвечать другие, в том числе и подчиненные им люди, взвалив на себя непосильные функции опеки и контроля «за все в ся», они работают по десять — пятнадцать часов, прихватывая дни отдыха, вечерние часы. Воспитывать детей, уделять время семье — некогда, читать книги и бывать в театре — тоже некогда: работа, работа, работа... В своих собственных глазах и глазах окружающих такой человек нередко выглядит подвижником. С юридической точки зрения, все это оправдывается правилами о ненормированном рабочем дне. Но, как показывают исследования, в действительности ненормированный день сплошь и рядом не вызывается необходимостью и свидетельствует о несовершенстве организации труда руководителя.

Перегрузки отрицательно сказываются на здоровье работника, выбивают из нормальной колеи его самого и сослуживцев, стремящихся приспосабливаться к стилю начальника. Это вносит нервозность и в производственный процесс. А эффективность? Нередко она столь мала, что не идет ни в какое сравнение с затратами энергии и времени.

Руководители старшего поколения помнят времена, когда в наших ответственных учреждениях и ведомствах, особенно столичных, свет горел до утра. Люди сидели в ожидании указаний и звонков сверху. Совещания в министерствах назначались на час ночи и позже. Вызвать подчиненного могли даже на рассвете. Все это объясняли крайней необходимостью. Теперь мы понимаем, что можно и нужно работать иначе. Сейчас ни в одном министерстве вас не примут и не вызовут после окончания нормального рабочего дня, практически после шести вечера. Жизнь руководителя упорядочилась. Но было бы опрометчиво утверждать, что проблема, которую условно назовем «время руководителя», перестала существовать. Многие ведь и дневные часы (так часто и происходит) провести без существенной пользы.

На некоторых автомобильных заводах был проведен соответствующий анализ. В течение восьми часов на десяти, как выяснилось, директор занимается повседневными делами (оборудование, качество продукции, снабжение и финансы) и лишь два часа — проблемами стратегическими, связанными с перспективами развития производства и коллектива. В целом структура его дня напоминает мозаичный рисунок. За день бывает 30—50 переключений от одного дела к другому. Отсюда высокая напряженность труда, не всегда оптимальные решения. Слишком много работ руководитель выполняет не по собственной инициативе, а по требованию вышестоящих организаций или по заявлениям своих подчиненных. Это превращает его в супердиспетчера.

Кардинальный путь устранения неурядиц в организации труда руководителей, а значит, и подчиненных, по нашему мнению, заключается в системном подходе к планированию структуры рабочего дня и затрат времени по главным направлениям — организация и распорядительство, принятие решений и контроль за их выполнением. Такой опыт у нас есть.

На Московском автозаводе имени Ленинского комсомола, например, разработаны «График трудового распорядка дня руководителей» и «Рекомендации о методах и стиле руководства». Все производственные и общественные мероприятия с участием руководителей на Ново-Ярославском нефтеперерабатывающем заводе имени 50-летия ВЛКСМ проводятся по строго продуманному расписанию. Аналогичные графики на квартал и год действуют на Краснодарском станкостроительном заводе имени Седина, Волгоградском опытно-экспериментальном и Красноярском судостроительном заводах.

Регламентация деятельности руководителей всех рангов позволяет каждому ежедневно сберегать 1 — 1,5 часа.

Тем не менее нужно признать, что используются далеко не все возможности, а способы «планирования времени» нуждаются в коррекции. Возьмем уже упоминавшийся план работы директора Свердловского инструментального завода. В нем предусмотрен ежедневный часовой обход цехов и отделов. В те же дни ведутся оперативные совещания и подводятся итоги, принимаются главные специалисты и начальники цехов. Не трудно заметить, что рекомендуемый распорядок не устраняет дублирования. Одних и тех же лиц директор встречает на разных совещаниях и во время обходов. Там и тут возникают аналогичные вопросы. А вот изучать специальную литературу директор может согласно графику только один час за пять рабочих дней! А ведь многие обязанности, зачастую выполняемые директорами, можно бы успешно нести их помощники и референты. Но это требует от руководителя высокой культуры делового труда.

«Осторожный» руководитель обычно «нагружает» себя такое большое число вопросов, что у него не остается никакого времени для их выполнения. Далеко не выиграет, если он поставит больше задач перед подчиненными, не оценивать выполненные им и самые ответственные задания. В сложившихся коллективах лучше передоверять, чем проявлять сверхпугливость. Доверие окрыляет и приобщает сотрудников к решению общих дел, повышает степень их ответственности за выполнение главных целей.

Системный подход к проблемам управленческого труда невозможен без крупных исследований, развертывания сети научных центров, работающих над традиционными и постановочными вопросами. Уже сейчас стоило бы, например, приступить к изучению возможности перехода на «скользящий график», со свободным и гибким планированием рабочего дня. Такие методы организации рабочего дня руководителей, видимо, дадут положительный результат.

А взять хотя бы вопрос об оснащении аппарата управления техническими средствами. ЦСУ не ведет расчета уровня механизации управленческого труда в целом по стране, в разрезе отраслей и по отдельным работам. Поэтому соответствующим министерствам весьма затруднительно планировать выпуск действительно необходимой техники. Широко применяются перфорационные машины, но ведь они сокращают сроки составления бухгалтерской отчетности только до пяти — десяти дней, а современных условиях это уже не может удовлетворить. Для составления документов, ввода и считывания информации, ее хранения нужны другие

Профессор А. КИТАЙГОРОДСКИЙ

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ... НУЖНА ЛИ ОНА?

КАЖДЫЙ работающий в науке неоднократно сталкивался с теми или иными процедурами и обычаями научной жизни, возникшими много лет назад. Все ли они нужны и полезны науке ныне? Если есть такие традиции, которые мешают науке развиваться, то их надо менять, модернизировать. Об одной из таких процедур, нуждающихся, на мой взгляд, в пересмотре, пойдет речь. Посмотрим, как происходит обычная защита обычной диссертации.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Лаборатория академического института. В кабинете заведующего Константина Петровича совещание. Он только что вернулся из-за рубежа, где происходил всемирный съезд специалистов в области науки, которой занимается лаборатория, а посему полон впечатлений и новых планов. Приглашены все старшие сотрудники, и обсуждается переход к новой тематике.

Телефонный звонок. Один из сотрудников снимает трубку:

— Сейчас узнаю, здесь ли он. Константин Петрович, вас.

— Меня нет.

— Это Михаил Николаевич Стрельцов.

Вмешивается Валентин Яковлевич:

— Константин Петрович, давайте трубку. Стрельцов нам нужен.

С досадой прервав интересный разговор, заведующий лабораторией берет трубку:

— Михаил Николаевич? Привет. Для вас я всегда на месте. Чем могу быть полезен? — Зажимая микрофон рукой и обращаясь к Валентину Яковлевичу: — Так и чуяло мое сердце. Просит быть оппонентом у своего аспиранта.

Валентин Яковлевич, умоляющим голосом:

— Соглашайтесь. Наташа скоро защищаться. А он ведь председатель факультетского совета университета. Удобнее места для Наташиной защиты я не выдумаешь.

Константин Петрович вздыхает, в трубку:

— Ну, разумеется, Михаил Николаевич. Ну, какой может быть разговор! Разве я могу отказаться! Присылайте, присылайте. Защита скоро? А, уже нужен предварительный отзыв. Ну, все ясно. Будет сделано. Привет, привет.

Трубка с грохотом кладется на место. К Валентину Яковлевичу, с раздражением:

— Отзыв будете сами писать. Но если это полный вздор, я подписывать не буду. Пусть горит ваш Михаил Николаевич синим пламенем. И вообще надоело мне пристраивать наших «мальчиков» и «девочек».

Валентин Яковлевич, успокаивающим голосом:

— Шеф, не надо волноваться. Вы же знаете, вздора там не будет. Ошибок тоже. Конечно, работы лаборатории Михаила Николаевича серенькие... Но ошибки-то ведь бывают, когда занимаются чем-то новым.

Константин Петрович, несколько успокаиваясь:

— Испортите вы мне мое доброе имя. Ох, до чего надоели все эти диссертантские дела!

КОММЕНТАРИЙ ДЛЯ НЕПОСВЯЩЕННЫХ

После того как диссертация на ученую степень кандидата или доктора наук выполнена, ее нужно защитить. Для того чтобы эта операция прошла, нужно найти: а) оппонентов, б) место защиты, в) оппонирующую организацию.

Ученому совету того или иного института охота поменьше заседать, потенциальным оппонентам совершенно неинтересно разбираться в чужой работе. Если она еще хорошая, то полбеды. А если плохая?.. Написать отрицательный отзыв «негативно» по отношению к коллега — руководителю диссертанта. Написать хороший отзыв на плохую диссертацию, конечно, можно, но ведь не исключен скандал на защите, и тогда «потеряешь имя». Ну и, кроме того, совесть надо иметь. Отзыв оппонирующей организации пишет конкретное лицо, а посему поиск этой организации сталкивается с теми же трудностями, что и разыскивание подходящих оппонентов.

Вполне естественно, что во всем этом деле, бывает, складывается ситуация, которую кратко можно охарактеризовать так: «Ты — мне, я — тебе».

Автор статьи не хочет сказать, что благодаря этому положению большинство кандидатов и докторов получают степени зря. Нет, зря их получают, вероятно, процентов десять. Автора в большей степени смущает некоторая инженерность этой операции, то бишь защиты диссертации. В девяноста девяти случаях из ста (точные данные можно получить в ВАК) исход защиты предрешен, ибо он, исход, в этих самых девяноста девяти случаях зависит от отзыва оппонентов. А оппоненты-то выбраны подходящие, то есть такие, которые в конце напишут сакраментальную фразу: «Несмотря на некоторые недостатки, диссертация выполнена на высоком научном уровне. В работе получены новые ценные результаты, и диссертант вполне (варианты — «безусловно», «без всяких сомнений», «само собой разумеется») достоин присуждения ему ученой степени».

— А почему, — спросит непосвященный, — все зависит от оппонентов? Ведь степень-то присуждает ученый совет. Ученые мужи слушают защиту, сами формируют свое мнение. Кроме того, защита ведь открытая. Поэтому на нее придут все лица, работающие в области науки, послужившей предметом исследования. Их мнение ведь что-нибудь да значит?

Что ж, постараемся ответить на эти вопросы.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Начинается заседание ученого совета, председателем коего является Михаил Николаевич Стрельцов.

Стрельцов:

— Поскольку я являюсь руководителем диссертанта, попрошу заседание вести Сергея Федоровича.

Сергей Федорович занимает председательское место и просит секретаря огласить биографические данные диссертанта.

Но секретарь не приступает к своим обязанностям, а озабоченно шепчет что-то Михаилу Николаевичу. Тот морщится, просматривает явочный лист членов ученого совета. Тихо говорит:

— Семен Макарович здесь, и Фанни Александровна тоже здесь. Давайте начинать. А за остальными пошлите. Скажите, я лично прошу. Это не уважение к ученому совету, ко мне.

Секретарь нерешительным голосом:

— Поскольку кворум есть, разрешите начать.

Константин Петрович, приехавший в качестве оппонента на защиту, смотрит с тоской в пустой зал. «Где тут кворум, — думает он, — тут всего-то человек тридцать, и из них половина родственников и друзей диссертанта». Он пересаживается на другое место — рядом с заведующим кафедрой астрономии, который с увлечением читает газету.

— Где ваш народ?

— Расписались и ушли по своим комнатам, — отвечает астроном рассеянно. — К голосованию вернутся... Интересный фельетон сегодня. Хотите посмотреть?

— Да нет, — говорит Константин Петрович. — У меня тут дел охапка.

Открывает портфель и выкладывает на стол кучу бумаг.

Тем временем процедура защиты гладко скользит по наезженной дороге.

По биографии диссертанта аудитория вопросов не имеет. Соискатель получает слово: двадцать минут — на будущего кандидата и сорок — на доктора.

Председатель строго следит за регламентом. Но диссертант и сам знает, что затягивать свое выступление нельзя — можно рассердить членов ученого совета, присутствующих в зале, которые только и думают о том, чтобы заседание поскорее кончилось.

Наступает наиболее тягостный момент. Председатель просит аудиторию задавать вопросы. Молчание.

— Не стесняйтесь, пожалуйста, товарищи, — с натянутой улыбкой говорит председательствующий. Но вопросов нет.

— Послушайте, — шепчет молодой майор своему соседу, пожилому солидному дяде, явно члену ученого совета, — я впервые на защите, я друг диссертанта. Почему вопросов нет? Значит, то, что он сделал, никому не интересно?

— Ну, не обязательно, — улыбается член ученого совета. — Может быть, кому-нибудь и интересно, но не присутствующим и не сейчас. Судите сами: если кого-то работа действительно интересует, то он с ней уже знаком, а если не знаком, то зачем ему задерживать собравшихся и спрашивать вещи, которые интересуют его одного? Для этой цели гораздо целесообразнее побеседовать с диссертантом в спокойной рабочей обстановке.

— Значит, вопросов никогда не задают? — спрашивает майор.

— Задают. В двух случаях. Либо это друзья, которые хотят оживить защиту. Либо это недоброжелатели, которые хотят подковырнуть соискателя.

Секретаря зачитывает отзывы на автореферат диссертации и отзыв оппонирующей организации. Вернее, не зачитываются отзывы, а сообщается, кто их прислал.

— Зачитывать отзывы, вероятно, не стоит?! — полувопросительно говорит секретарь. — Поскольку все они положительны.

— Шестнадцать отзывов на автореферат, — говорит майор. — Здорово! Вот, значит, какой интерес вызвала работа.

Пошлый член ученого совета скептически улыбается.

Переходят к выступлениям официальных оппонентов. Константин Петрович отбарабанивает текст, который ему сочинил Валентин Яковлевич.

Зато второй оппонент выступает живо и интересно. Даже астроном отложил газету.

— Да, — бормочет он про себя, — хороший специалист... Красноречив... И умеет популярно говорить... Теперь хоть присутствующие поймут, в чем суть диссертации.

Майор очень доволен:

— Ну, теперь уж ясно. Защитит.

— И без этого он защитил бы, — говорит член ученого совета. — Важно лишь последнее слово — «достоин».

После речей официальных оппонентов наступает второй тягостный момент: председатель взывает к желающим выступить. Молодой майор уже не спрашивает, почему таковых не находится. Ему уже ясно, что друзей не организовали, недругов нет, а выступать «просто так» никто не хочет, чтобы не задерживать присутствующих.

Диссертанту предоставляется слово для благодарностей. Выбирается комиссия для подсчета голосов, члены совета (бывшие на защите и те, которые провели время в своих комнатах) зачеркивают в бюллетенях «не согласен». Диссертанту единогласно присуждается степень, сотрудники целуют его и преподносят цветы. После этого — традиционный ужин (рекомендации ВАК не устраивать его не помогли диссертанту освободиться от солидного расхода).

КОММЕНТАРИЙ ДЛЯ НЕПОСВЯЩЕННЫХ

Почему во многих случаях защита диссертации носит формальный характер? По очень простой причине. Фронт науки настолько разросся, что в работе диссертанта в состоянии разобраться лишь узкий круг специалистов. А ученые советы институтов состоят из ученых, работающих в разных областях. Особенно ярко это обстоятельство проявляется в факультетских советах вузов. Естественно, факультетский совет образован в основном из заведующих кафедрами. Но заведующие кафедрами физики, математики, механики не в состоянии оценить по достоинству работы друг друга. Более того: специалисты в области физики твердого тела не могут оценить ни новизны, ни объема труда, вложенного в исследование физики элементарных частиц. И еще более того: физика твердого тела делится на физику металлов, диэлектриков, кристаллографию, рентгеноструктурный анализ, радиоспектроскопию твердого тела... По каждой из этих областей ежемесячно публикуются сотни работ. Поэтому судить о новизне, оригинальности, точности эксперимента может только «узкий коллега», работающий тем же орудием и в той же области.

Что же тогда остается на долю члена совета? Лишь одно. Он может вынести суждение о культуре диссертанта, об умении его логически мыслить, о его способности доступно объяснить ту или иную деталь работы. Конечно, это тоже кое-что. Но, право же, такие впечатления совершенно недостаточны для того, чтобы судить о возможности или невозможности присуждения соискателю просимой степени.

Итак... Итак, члену ученого совета остается положиться на мнение оппонентов. А оппоненты-то выбраны диссертантом и его руководителем.

* * *

Таким образом, в большинства случаев исход защиты предрешен. А если так, то нужны ли спектакли, отнимающие уйму времени и у исполнителей, и у режиссеров, и у зрителей?

— Так что же вы предлагаете? — спросит непосвященный.

Изменить порядок защиты или вовсе отменить защиты диссертаций. Возможно, следует создать всесоюзные комиссии по узким специальностям. Не по таким, как сейчас (в списке, утвержденном ВАК, — экспериментальная физика, молекулярная физика, оптика и т. в.). Нет, специальности должны быть узкими. Комиссии могли бы заседать несколько раз в год — рассматривать диссертации, назначать рецензентов и т. д. На последующих заседаниях мнения рецензентов заслушивались бы и выносилось решение. Соискателя и его начальство на такие заседания приглашать, по-видимому, не следует.

Решения комиссий, анкеты, диссертации и все прочее потом направлялось бы в ВАК, которая в этом случае действительно превратилась бы в контрольный орган, каким она и должна быть.

По-видимому, это не единственно возможное предложение по реорганизации процесса защиты диссертаций. Ясно только, что оставлять дело так, как оно есть, нельзя. Сейчас слушание защит есть не деятельность ученых советов, а симуляция деятельности. Ныне многие ученые советы почти только тем и заняты, что «слушают» защиты. А на обсуждение научной политики, рассмотрение тематики лабораторий, выслушивание руководителей тем времени, как обычно, не хватает. Где уж его взять, если список соискателей растянулся на месяцы и годы.

Что и требовалось доказать...

Фото Я. НИСНЕВИЧА

НАДО ОБЪЯСНИТЬСЯ

Отклики на статью... Их ждут в редакции с нетерпением. Какой резонанс вызвано выступление газеты! Поддержку читателей, встречные мысли, предложения! Сегодня писатель размышляет об откликах особого жанра — опровержениях и о мотивах их авторов — опровергателей.

НАПОМНЮ: заведующий кафедрой Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева, профессор Анатолий Павлович Крешков, поссорившись со своей сотрудницей, попытался помешать ее докторской защита. Это ему не удалось: смешался ученый совет института. А. П. Крешков присвоил себе часть работы другой сотрудницы, ныне покойной. В отраслевом журнале, где А. П. Крешков — член редколлегии, появилось отредактированное им поздравление к собственному шестидесятилетию. На кафедре, которой А. П. Крешков руководит, процветают угодничество, прислужничество. Сегодня сотрудник клянется профессору в поле, завтра на него копит досье...

Об этих и некоторых других печальных обстоятельствах я рассказал в статье «Служебные отношения» («ЛГ», № 49, 1973). Статью обсудил партийный комитет института. А. П. Крешкову объявлено взыскание. Выступление газеты поддержала читательская почта.

Но вот лежат передо мной шесть писем — из Москвы, Бийска, Тамбова, Горького, Ярославля и Улан-Удэ, — не ответить на которые я не могу. Авторы писем со статьей решительно не согласны. Они протестуют. Требуют: слова свои немедленно возьмите назад.

Может быть, товарищам стало вдруг известно, что факты в статье искажены, на А. П. Крешкова возведено напраслина: не губил он диссертацию неугодной сотрудницы, не присваивал чужого труда, на кафедре его царит здоровая обстановка?

Нет, ничего этого авторы не сообщают. Против фактов, приведенных в статье, не спорят. Допускают: может, все оно так и было. Их другое гневит: как посмела газета о случившемся сказать громко, публично, вслух?! Газета должна была знать, но молчать. Набрать в рот воды. Почему?

Извольте. «Глубокоуважаемый Анатолий Павлович Крешков не тот человек, которого можно приводить как пример отрицательных человеческих черт у ученого», — сердятся и. о. ректора Тамбовского института химического машиностроения тов. Юткин и проректор по научной работе тов. Потехин. «Неужели для такого человека, руководителя, ученого витриной его делу могут служить те немногочисленные факты, которые названы в статье? — негодуют восемь московских аспирантов А. П. Крешкова (подписи неразборчивы). «Мне хотелось бы, — настаивает доктор химических наук из Бийска Василий Митрофанович Аксененко, — чтобы Александр Борин побеседовал с Анатолием Павловичем Крешковым, например, по вопросам постановки высшего образования в других странах или послушал его лекции на эту тему...» Тогда, убежден Василий Митрофанович, «журналистское перо не посмело бы» замахнуться на ошибки и недостатки заведующего кафедрой.

Послушайте, да неужели все это всерьез? Неужели мои оппоненты, взрослые, уважаемые товарищи, на самом деле полагают, будто «отрицательные человеческие черты» одних людей надо «приводить» в печати, других — ни боже мой! Что одни поступки должны нам «служить витриной», другие же, наоборот, можно подальше припрятать от постороннего глаза? Что корреспондент, потрясенный правильным пониманием А. П. Крешковым системы образования за рубежом, тут же забудет, как плохо ведет себя профессор на собственной кафедре?

«Какую цель преследовал редактор, давая «добро» на публикацию статьи?» — грозно спрашивает в своем письме Василий Митрофанович. А действительно, читатель, какую? Полагаете, привлечь общественное мнение на борьбу с нарушениями социалистической морали? Ошибаетесь. Василий Митрофанович точно знает: редактор, журналист, литератор, все печатники не покладали рук, только чтобы «очернить крупного советского ученого, педагога перед студентами, аспирантами, коллегами по работе, научной общественностью страны и зарубежными учеными». «Литературная газета», — ставит все точки над «и» читатель А. А. Ярославцев, — замахнулась не на Анатолия Павловича Крешкова, а на нашу советскую науку. Если бы еще он был никому не известен, ладно, сошло бы...» А так, мол, товарищи из редакции, не сойдет вам, не рассчитывайте...

Наивность эта, конечно, риторическая. На публику. Однако, если по-настоящему вдуматься, в ней заложена очень непростодушная, очень небезобидная мысль. Дескать, существуют такие особые заслуги, которые освобождают человека от норм общественной морали. Позволяют с ними не считаться. А. П. Крешков — творец тридцати книг, трехсот статей, бессменный организатор и председатель научно-технических конференций, не устают мне напоминать авторы писем. Ну и что? Значит, если бы не три, а всего два десятка книг он написал, не бессменно, а лишь периодически председательствовал на конференциях, то тогда — да, обязан был бы вести себя прилично. А так — зачем? Нет, дорогие товарищи. В обществе нашем не существует такой цены, за которую покупалось бы право на безнравственность.

ПОКА речь у нас шла о тех, кому затронутые газетой события известны больше понаслышке, издалека. Однако «опровержения без опровержений» поступают в редакцию и от людей, казалось бы, как никто другой, знающих предмет разговора.

Статья Мих. Емцева «Испытание должностью» («ЛГ», № 44, 1973) критиковала директора Научно-исследовательского института вакцин и сывороток имени И. И. Мечникова А. Х. Канчурина. Тяжелую картину нарисовал журналист. Учреждение лихорадят бесчисленные реорганизации и перестройки, оно теряет лучших своих специалистов, важнейшие научные темы не выполняются, известны случаи фальсификации и обмана... Министерство здравоохранения СССР (как сообщалось в «ЛГ», № 6) признало: статья объективно критикует А. Х. Канчурина. От занимаемой должности директор освобожден.

Нет, не рукоплескания ждала, естественно, редакция газеты от сотрудников мечниковского института — какие уж тут рукоплескания! Затронута серьезная проблема, вскрыты глубокие недостатки. Пусть читатели полемизируют с автором статьи, называют и другие корни и причины описанных явлений, пусть ответственность за случившееся возлагают не на одного директора — на других товарищей из института и из министерства тоже... Размышления в газете на то и рассчитаны, чтобы вызвать ответные размышления. Самые разные. Самые заинтересованные. Но — размышления!

Немало писем получила, например, редакция по поводу очерка А. Розанова «Яблоко от яблони» («ЛГ», № 47, 1973). Выступление газеты, посвященное важной проблеме — ответственности родителей за поступки их взрослых детей, взволновало многих читателей. И хотя в очерке не были названы ни имя героя, ни город, где он работает и живет, жители этого городе сразу узнали, что такой профессор Ц.: судебное дело его сыновей прогремело на всю округу. Есть письма, поддерживающие автора очерка. Больше, однако, тех, которые с ним спорят, возлагая на профессора всю вину за падение его сыновей. Действительно, жизнь оказалась гораздо сложнее и глубже, чем мог это увидеть журналист за несколько дней своей командировки. Выяснилось: не так уж и безгрешен профессор Ц. — в том, что его дети стали преступниками, есть доля и его личной вины. Эмоциональность, пускай даже пристрастность читательских писем не только не мешает — напротив, помогает еще лучше и полнее уяснить суть проблемы, все особенности драматической ситуации.

Приходят такие письма и из Института имени Мечникова. Но вот, однако, как откликаются на статью о директоре А. Х. Канчурине некоторые его сослуживцы.

Газета сообщает: под руководством директора выпущено большое количество бракованных аллергенов. Случай прискорбный! А в письмах — будто под копирку, будто под одну дирижерскую палочку: Канчурин — «тактичный, чуткий человек», Канчурин — «очень чуткий человек», Канчурин — «отзывчивый, добрый и тактичный человек».

Понятно. Медицине урон причинил тактичный и отзывчивый. От этого легче, конечно.

Газета перечисляет: противоангренозная сыворотка тоже оказалась бракованной, пользоваться ею нельзя. Лимфоцитарный гамма-глобулин выполнен методически неверно. Причина? По вине директора в свое время из института ушли знающие, квалифицированные работники. В лабораториях иммунохимии загублены ценные материалы, плод многолетних исследований... Оторопь берет. А у авторов писем — металл в голосе: «Газета дискредитирует советского ученого с мировым именем». Выступление газеты бросает «черную тень на честь коллектива», вызывает «взрыв негодования всего многостоенного коллектива».

Ох, великая логика всех ничего не опровергающих опровержений! Не тот, значит, бросает «черную тень» на честь коллектива, кто работает из рук вон плохо, губит дело, а тот, кто это безобразие предает гласности. Не провинившийся руководитель, значит, вызывает в коллективе «взрыв негодования», а кто руководителя такого называет вслух по имени и фамилии. До чего же просто и удобно!

А ЕСЛИ сакраментальный вопрос «С какой целью?» задать самим авторам подобных писем? Ну с какой такой целью обратились они в редакцию? Чтобы ясность внести, восстановить справедливость, отыскать истину? Не похоже. Когда ищут истину — доводы риторикой не заменяют. Вникают в суть дела, а не бегут ее.

В «Литературной газете» (№ 46, 1973) была напечатана статья «Пощечина». Речь шла о том, как ведущий инженер одного ленинградского института — Б. П. Маслов, не поладив в трамвае с женщиной, догнал ее в подъезде дома и дал пощечину. Оскорбителя привлекли к уголовной ответственности, суд наказал его.

Сегодня у Б. П. Маслова масса претензий к газете. «Я всегда с интересом слежу за периодической печатью,— признается он,— всегда многих убеждаю в том, что наша печать освещает только реальные факты с объективных, партийных позиций». А тут, видите ли, печать эта «осветила» его самого. Б. П. Маслова. Обидно. «Еще до появления статьи я имел удовольствие беседовать с ее автором, который был со мной очень любезен...» Какой коварный автор! Не грубил, не хамил, разговаривал вежливо, в потом его, Б. П. Маслова, назвал в газете своим именем.

Пафос этого письма предельно ясен: не троньте меня! Не касайтесь. Других — пожалуйста, сколько угодно. Меня же — нет!

Но разве не тот самый пафос звучит и в остальных письмах в редакцию, которые мы сейчас прочли? Химики-аналитики, не сговариваясь, садятся за стол и пишут так, будто перьями их водит по бумаге одна и та же рука. Почему? Своего задели. Сотрудники мечниковского института не в защиту медицины подымают голос, а в защиту своего, директора. Других — пожалуйста, сколько угодно, своего же — нет, никогда!

А раз так, то логика, аргументы тут уж действительно ни к чему. Принцип разговора здесь один: чисто корпоративный. «Чужой» может быть и плох, и виноват. «Свой» же всегда хорош, всегда прав.

Как не похожа эта «корпоративная» защита на истинно товарищескую взаимовыручку: честную, мужественную, благородную — с фактами, с доводами в руках!

ПОДЫТОЖИМ давайте. По разным поводам пишут в газету наши опровергатели. Одни стараются ответсти от себя и от «своих» критику. Другие обеляют свои прошлые упущения, недостатки.

Предполагается, что каждый, берущийся за перо, отстаивает некую четкую позицию. Спорную или бесспорную — но позицию. В письмах же «опровергателей» никакой позиции, казалось бы, нет. Ну не объявит же человек публично: «Считаю, заведующий кафедрой вправе совершать аморальные поступки», «убежден, директор научного института обязан разваливать научную работу». Не поймут, освищут... Письма «опровергателей», — казалось бы, просто отрицание всякой позиции: общественной, нравственной, гражданственной.

Но это, если вдуматься, тоже позиция!

Александр БОРИН

О НАУКЕ — ДЛЯ ВСЕХ

Экспертная оценка научно-популярных книг

И. ШКЛОВСКИЙ. «Вселенная, жизнь, разум». Издательство «Наука». М. 1973 г. Издание третье, переработанное и дополненное.

О современном состоянии астрономии и о месте Человека во Вселенной. Книга адресована всем любителям астрономии, а также школьникам старших классов, где проходит астрономию, и студентам педвузов и университетов, не специализирующимся в области астрономии.

Эксперт	Оценка*	Примечания эксперта
Академик АМН СССР О. ВАРОЯН (биолог)	++++	А. ВРАУНШТЕЙН: Часть I «Астрономический аспект проблемы» заслуживает оценки +++, часть II «Жизнь во Вселенной» и часть III «Разумная жизнь во Вселенной» — оценки ++.
Член-корреспондент АН СССР И. БЕРЕЗИН (химик)	+++	
Академик А. БРАУНШТЕЙН (биохимик)	между +++ и ++	А. КОЛМОГОРОВ: Первое издание этой необычайно интересной книги вышло в 1962 году. В нынешнем издании идеи и основные концепции автора остались неизменными. Но во всех главах полностью учтены последние достижения науки. Многие идеи автора спорны, но изложена вполне объективное: читатель получает возможность познакомиться с основными имеющимися мнениями.
Член-корреспондент АН СССР П. ВОЛОБУЕВ (историк)	+++	
Академик Б. КАДОМЦЕВ (физик)	++++	
Академик А. КОЛМОГОРОВ (математик)	++++	Т. ХАЧАТУРОВ: Книга очень интересна хотя многое в ней спорно. Но она не только содержит информацию, но и будит мысль.
Член-корреспондент АПН СССР Б. ЛОМОВ (психолог)	+++	
Член-корреспондент АН СССР С. МИКУЛИНСКИЙ (историк науки)	++++	
Доктор философских наук И. ФРОЛОВ (философ)	++++	
Академик Т. ХАЧАТУРОВ (экономист)	++++	
Средняя оценка	3,53	

М. ГАРДНЕР. «Математические досуги». Издательство «Мир». М. 1972 г.

Сборник математических миниатюр, задач и головоломок. Книга предназначается для самого широкого круга читателей — любителей математики, желающих с пользой провести свой досуг.

Эксперт	Оценка*	Примечания эксперта
Академик И. АРТОБОЛЕВСКИЙ (механик)	++++	А. КОЛМОГОРОВ: Вторая часть обширного собрания этюдов и задач по «занимательной математике» (первая часть: М. Гарднер, «Математические головоломки и развлечения», изд-во «Мир», 1971 г.). В целом это самое интересное и увлекательное из имеющихся на русском языке сочинений подобного рода. Пользование второй частью без первой несколько затруднено частыми ссылками на эту первую часть. В полном объеме книга доступна только квалифицированным математикам, но и любознательный школьник старших и даже средних классов найдет в ней много интересного. «Прочитать» книгу довольно трудно: она предназначена для работы с ней «вразбивку» по отдельным темам. В смысле же «приобрести»: ++++ — для всех любителей «занимательной математики», учителей математики, школьных библиотек.
Академик Л. ВЕРЕЩАГИН (физик)	++++	
Академик Б. НЕДРОВ (философ)	++++	
Академик А. КОЛМОГОРОВ (математик)	++++	
Академик И. ЛИФШИЦ (физик)	++++	
Академик А. ОВУХОВ (физик)	++++	
Академик А. ОПАРИН (биохимик)	+++	
Академик Р. САГДЕЕВ (физик)	+++	И. ЛИФШИЦ: Обязательно следует прочитать людям, интересующимся математикой.
Средняя оценка	3,75	

* Примерная словесная интерпретация знаков оценки:
++++ — данную книгу следует прочитать обязательно;
+++ — следует прочитать;
++ — можно не читать;
+ — читать не стоит.

---

* Все действующие в этой статье лица вымышлены; сходство с реальными научными работниками совершенно случайное, — Прим. авт.

ЛЮДИ И ВЕЩИ

Этой теме была посвящена страница в «Литературной газете» от 6 февраля. Был начат серьезный разговор о проблемах человеческих потребностей при социализме: их содержании и механизме формирования. Публикация вызвала большой интерес у наших читателей. Сегодня мы помещаем первые отклики.

ПОТРЕВНОСТИ НЕ БЕЗГРАНИЧНЫ

ОЧЕНЬ актуальные вопросы затронул В. Кокашинский в «Букете от Юры» («ЛГ», № 6, 1974). Наша общество решает задачу наиболее полного удовлетворения растущих потребностей трудящихся масс. Уровень жизни непрерывно повышается. Изменяются и потребности (потребности не могут стоять на месте, они диалектически связаны с условиями общественной жизни). Коммунистическое общество предполагает введение принципа «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Но какие потребности имеются в виду? Абсолютно ли все? Безграничны ли они? Нет. Имеются в виду разумные потребности человека. А потребность Люды слетать на выходной день в Сочи — это действительно напоминает бессмысленный кулешесий разгул, желание жить красиво, на широкую ногу, не зависть окружающим и, возможно, не давая отдачи обществу. К разумным потребностям это никакого отношения не имеет.

А что же Юра-скорняк? Здесь автор затронул еще одну важную проблему — проблему выборе профессии, проблему полезности обществу. Возможно, что Юра действительно отличный скорняк. Но если он превращается в дельца — это уже плохо. Из-за таких дельцов, которые, к сожалению, не перевелись еще в нашем обществе, и бытует термин «достать», а не купить. И человек порой гордится, что вот у него есть такие «деловые» знакомые типа Юры, которые «все могут». Конечно, может быть, этот Юра «искал себя». Но что это значит — искать себя? Это значит стремиться к живому, творческому труду на благо общества. В противном случае так называемые «искания себя» ведут к разбазариванию государственных средств. Люди оканчивают авиационный институт, а идут на туда, где их ждет общество, а в скорняки, или кончают педагогический, а работают секретарями. Достаточно сказать, что в сельских школах еще многие преподаватели основных предметов не имеют высшего образования. А где педагоги с высшим? В лучшем случае по окончании института они работают по специальности в городе, а в худшем — в городе же, но уже не по специальности. Я не хочу сказать, что эти люди тоже стали дельцами типа Люды и Юры, но все вместе взятые они не уяснили главного — ответственности человека перед обществом.

З. ЛАВИЧЕВА,
старший преподаватель педагогического института
гор. ГОРЬКИЙ

УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ЖИТЬ?

ВЭТИ слова разные люди вкладывают разный смысл. Когда начинаешь укорять в чем-то ловкача, обворовывающего государство, он обычно отвечает: «Вы не умеете жить».

А что такое уметь жить? Мне кажется, этот вопрос из двусмысленного должен стать однозначным.

Когда инженер ради денег, для утоления жадности становится скорняком — «умеет ли он жить»?

Не слишком ли мы снисходительны сегодня к людям, которые вкладывают мещанскую философию в эти значительные слова?

Я хочу рассказать о человеке, который, по-моему, действительно умеет жить. О его пониманиии вещей. Имя этого человека — Вячеслав Андреевич Громов. Он заслуженный учитель школы РСФСР.

Много лет он собирал орудия труда наших предков, предметы седой старины и положил начало музею. Теперь этот музей посещают наши горожане, познавая историю родного края. А Вячеслав Андреевич находит все новые и новые интересные вещи, и сегодня музей их уже не вмещает...

Вот этот человек действительно умеет жить. Пусть же формула эта из расхожей станет возвышенной.

А. СУРЫГИН,
член КПСС с 1927 г., персональный пенсионер
гор. СЕРГАЧ

ЧЕМ ОПАСНА ЛЮДОЧКА...

ИТАК, «навод к аскетизму» или к равновесию духовных и материальных потребностей?

Скромность человека — одна из его лучших добродетелей, но, увы, приходится признать, что у некоторой части наших современников ее явно не хватает.

Стремление к материальным благам само по себе еще не является злом, но когда оно превалирует над духовными интересами, то превращается в мохровое мещанство.

Получение новой квартиры — праздник для семьи. И вместе с тем как это а иных случаях выглядит?

Вся старая мебель, картины, безделушки — все, с чем связана память о детстве, о близких, — все безжалостно выбрасывается, приобретается новый, обязательно импортный гарнитур, модные кашпо, офорты... Можно обойти десяток новых квартир, и все они сольются в одно стандартное целое. Ничего отличительного, определяющего свой, индивидуальный духовный облик семьи...

А после новоселья начинается второй тур «охоты» — за коврами, хрусталем, импортной люстрой. Да мало ли...мего еще будет «не хватать» хозяйке или хозяину, озабоченным только тем, что у соседей или знакомых «это» имеется, а у них еще нет.

То же и с модной одеждой: сапоги-чулки на платформе — мечта, ради которой на одна сотня женщин тратит свое свободное время и портит себе и другим настроение.

А приемы гостей в таких домах! Это прежде всего выставка посуды, хрусталя, вин...

Все заземлено на вещах!

И вот на этой почва вырастают Людочки из «Букете от Юры». Они и семьи свои создают по принципу «выгоды»: высокая зарплата, положение, машина, дача, а личные качества, чувство — это дало второстепенное.

Стряпня Людочка на сама по себе (их, к счастью, не так уж много), а то, что эта Людочка будет воспитывать своих детей в том же духе — духе стяжательстве и мещанстве, несмотря на наличие в доме самого современного комфорта. Причем Людочка в некотором смысле современнее: оне будет «протаскивать» своих потомков в музыкальную школу (даже пои отсутствии слуха), а спецшколу с иностранным языком, она будет впоследствии а числе матерей, ищущих «черный ход» в лучший институт, и ту же психологию прививать своим детям.

Надо обеззараживать бациллы «бездуховного самоутверждения» и стяжательства, которые распространяют подобные люди, надо создавать вокруг них общественный климат нетерпимости.

Не аскетизм, а именно «резумный предел» стремлений к материальным благам, соединенный с разнообразием духовных интересов, должен стать основой нравственного облика нашего современника.

Т. ТАТАРИНОВА,
инженер
МОСКВА

ОВСЯНАЯ КАША (КАРТИНКА С НАТУРЫ)

— ЧТО ВАМ на шестнадцать копеек?— взяв чек, спрашивает продавщица, полная женщина лет пятидесяти, умеренно завитая, умеренно косметизированная.

— Кило овсяной крупы.

— Овсянки?.. А что из нее готовят?

— Вы не знаете, что готовят из круп?.. Лев Николаевич Толстой, например, варил кашу. Конечно, не сам варил. У него был повар. Граф очень любил овсяную кашу.

— Да? Граф? Но ведь он был... Он был... Вот забыла, как таких людей называют. Одним словом, не кушал мяса. Но почему же он кушал именно овсянку? Странно... Великий писатель, граф, а кушал овсяную кашу! У нас в семье ее никто не кушает. Даже пшёнку не беру. Только гречку, манку да рис. Рис восемьдесят восемь копеек стоит. Скажите: там, за границей, есть крупы подороже риса?

— Есть. Самая дорогая крупа сейчас там — овсяная.

— Не может быть!

— Уверяю вас. Овсянку кашт любил не только Лев Толстой. У шотландцев это национальное кушанье. Эту кашу едят там все — и кочегары, и плотники, и герцоги.

— Вот видите, как получается: у нас овсянки навалом. Так ведь стоит-то она всего шестнадцать копеек. Вроде бы неприлично покупать. Увидит кто-нибудь из порядочных людей, что подумает? Ну, конечно, я имею возможность взять так, чтоб никто не видел — чтоб никаких сплетен. Обязательно сегодня сварю овсяную кашу. Узнают мои дочки, что за границей она сейчас в моде, — их тогда ее уши от этой каши не оттащишь!

И. ОМЕЛЬЧЕНКО

Аркадий ВАКСБЕРГ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

ЗАТМЕНИЕ

ЯРОСЛАВСКИЙ живописец, член Союза художников СССР Федор Вячеславович Новотельнов приехал в Ростов не отдых. Не в Ростов-на-Дону, а в скромный, застенчивый Ростов Ярославский, что постарше и во справедливости зовут, однако ж, Великим. За неслыханную красоту его белокаменного полукружья с кремлем посредине, за архитектурное чудо его многоглавых соборов, его теремов и башен, за славу его колоколов, за богатство его истории, уходящей в глубь тысячелетий.

К художникам здесь привыкли, особенно в летний сезон: куда ни посмотришь — всюду человек за мольбертом, или с ящичком на коленях, или просто с альбомом в руках. Как раз было лето, середина дня, народ толпился у автовокзала, прохожие заполнили улицы — одни спешили на работу после обеденного перерыва, другие просто гуляли, любуясь окружающей красотой.

И только компания молодых людей — Грызухин, Орлов, Голубев, Арбузов и Журавлев — никуда не спешила и ничем не любовалась. Пятеро дружков сидели на лужайке в «обществе» опорожненных бутылок и никак не могли придумать, чем бы себя занять. Хмель развязал языки, руки чесались, хотелось показать свою удаль и силу, а мимо шел Новотельнов и еще его дочь Лена, девушка семнадцати лет, тоже будущая художница, пока же ученица Ярославского художественного училища. Так и получилось, что жертвами стали они — случайно подвернувшиеся под руку люди.

Что-то им крикнули — похабное, вздорное, и отец ответил, всего больше стыдясь того, что в его присутствии грязную брань слышит дочь. «Если выпили, то водите себя тихо»,— только и сказал он, но и этого было достаточно, чтобы у пьяной компании наконец-то появилось дело.

Трое подбежали к Новотельнову, дернули за рукав, кто-то ругнулся, кто-то стал размахивать кулаками. Новотельнов крикнул: «Не приставайте!» — и тут же получил удар в лицо.

Парень — тот, что ударил, — кинулся прочь, стараясь уйти от людного места. Новотельнов — за ним. Сорокачетырехлетнему мужчине трудно тягаться с двадцатилетним. Он поотстал. Но не отстал хулиган: ему хотелось скандала. Увидев, что Новотельнов остановился, он вернулся...

Опустим детали события, которое на языке закона именуется хулиганством. Скажем лишь вот что: пятеро пьяных парней избили художника. Они свалили его наземь, топтали ногами, и последнее, что он слышал, теряя сознание, — истошный крик: «Папа, они тебя убьют!»

Но они его не убили. Один из прохожих схватил вовремя руку преступника, занесшего нож над поверженной жертвой, и этого было достаточно, чтобы пятерых «смельчаков» тут же сдуло, как ветром. Нож вонзился в ладонь незнакомца, и его кровь пролилась на того, чью жизнь, возможно, он спас.

Новотельнов очнулся. Преступников след простыл. Спасителя не было тоже. Только плакала дочь и собрались люди.

...До милиции Новотельнов добрался сам. Его шатало, но все таки ноги повиновались, и он дошел пешком: было недалеко. Он не знал еще, что у него сотрясение мозга и что больше месяца ему предстоит оставаться в постели. Тупо ныла голова, заплыл один глаз, от боли в боку хотелось кричать. «Ничего, — сказал он Лене, — пройдет. К врачу потом. Сначала — в милицию, чтоб хулиганы не скрылись».

А хулиганы и не скрывались. Когда милицейский патруль прибыл на место преступления, они преспокойно собирали пустые бутылки: жаль было расставаться с добром, которое как никак стоит двенадцать копеек штука.

«Вон те парни!» — крикнула Лена.

«А-а!» — протянул лейтенант милиции, и снисходительная улыбка на мгновенье осветила его лицо.

— Все ясно... Подойди, Саня...»

В Сане Новотельнов узнал зачинщика, который нанес первый удар. Рядом был и другой — сваливший с ног и замахнувшийся ножом...

В милицейской машине Саня испуганно бормотал: «В чем дело? В чем дело?» Его приятель, развалившись по-домашнему на сиденье, с ухмылкой спросил: «Ну как, папочка? Все еще жив?»

Вот рассказ и окончен. Преступники пойманы, заведено дело, скоро последует приговор.

Но скоро он не последует. Неизвестно даже, последует ли вообще. Преступление совершено 22 августа 1972 года. А 30 октября дело прекращено. «За совершенные Орловым и Грызухиным действия они подлежат привлечению к уголовной ответственности. Но учитывая, что они оба ранее не судимы, являются курсантами Ростовской автошколы, откуда имеют положительные характеристики, считаю, что они могут быть исправлены мерами общественного воздействия». Так считает следователь Новикова Т. С., юрист первого класса, а советник юстиции Ковалев А. Г., прокурор района, полностью с ней согласен.

Но согласен ли потерпевший? По закону следствие обязано узнать и его мнение. По закону оно обязано сообщить ему, что считает следователь, дабы мог он в течение пяти дней изложить и свои аргументы. Подать жалобу. Объяснить, почему он считает иначе.

Не раз и не два Новотельнов обращался в милицию, в прокуратуру: что с делом? Назначен ли суд? Ответа не было! Не получило его и Ярославское отделение Союза художников. Не удостоился ответа и Художественный фонд: он заплатил Новотельнову деньги по больничному листу и, руководствуясь законом, хотел расходы возложить на виновных.

Лишь год спустя — в октябре 1973 года — следователь решила ответить. Отрывок из присланного ею постановления годичной давности я цитировал выше.

СРАЗУ ЖЕ возникает несколько вопросов.

Куда делся человек, который спас Новотельнова? Личность его установлена, фамилий тоже: Воронцов. Признан ли он потерпевшим? Чужая кровь на теле и одежде Новотельнова говорит сама за себя, тем более, что установлено: это не кровь хулиганов, ибо никаких ранений они не получили. Если избивали Новотельнова пятеро, то почему «подлежат привлечению» только двое? Если эти двое так «положительны», то что же заставило их избить случайного прохожего? Какие меры общественного воздействия к ним применили? Оправдалась ли надежда следствия на эти меры? Полтора года — достаточный срок, чтобы судить, доищена ли ошибка.

Вопросы эти, по крайней мере два последних, принято называть риторическими. Потому, что ответы на них я знаю. Никаких мер общественного воздействия к хулиганам не применили. «Материалы на Орлова и Грызухина направить в товарищеский суд Ростовской автошколы...» — сказано в постановлении следователя. В несуществующий товарищеский суд, добавлю я. Несуществующий, ибо в автошколе его не было и нет.

И следователь не может этого не знать. Как не может не знать и того, что дело о причинении телесных повреждений такой тяжести (именно за это и привлекли сначала к ответственности участников избиения) в товарищеский суд передать нельзя. Даже если бы он в автошколе и был.

...Об Орлове поговорим потом. Грызухин — фигура куда более интересная. Это он ухмылялся: «Папочка, все еще жив?» Это он был кум королю в милицейской машине...

Вот каков он, «кум королю»:

16 марта 1972 г. В электричке, будучи пьяным, бранился, избил пассажира, разбил два стекла. Оштрафован не 25 рублей — за «мелкое хулиганство».

22 августа. Избил художника Новотельнова. Признан «положительным», хотя и нуждающимся «в общественном воздействии».

8 сентября (дело об избиении художника еще ведется, еще не прекращено, еще не выдано положительная аттестация в автошколе!). Избил гражданина Семолоса. Следователь отказывается приобщить к делу материалы об этом хулиганстве и отправляет их обратно в милицию. Материалы затеряны. Единственное, что осталось, — копия сопроводительной бумаги, с которой они отосланы в милицию.

2 декабря (в ато время Грызухина уже вроде бы воспитывает общественность). Валялся на улице мертвецки пьяным. Отправлен в вытрезвитель.

10 декабря. См. «хроника» за 2 декабря.

2 марта 1973 г. Дома устроил дебош, бранился, ломая вещи, цинично обидел сестру. По заявлению матери привлечен к ответственности за мелкое хулиганство. «Получил» 15 суток.

7 апреля. Вместе со своими приятелями избил гражданина Смехалова. У хулиганов отняли нож (опять нож!). В возбуждении уголовного дела отказано.

9 мая. Участвовал в избиении приехавших на гастроли артистов Московского цирка. При задержании «оказал работникам милиции сопротивление, сопряженное с насилием». После почти трехмесячной волокиты следователь Басова Г. А. дело прекратила «за отсутствием в действиях Грызухина состава преступления».

8 сентября. В Борисоглебском на грибном пункте, повздорив с приемщиком, «учинил скандал и оказал неповиновение работникам милиции». Разумеется, «находился в нетрезвом состоянии». За «мелкое хулиганство» подвергнут аресту на 10 суток.

25 сентября. Очередной скандал дома. Избил отца. Расследование не велось: «семейное дело»...

Хватит, однако... Поставим точку. Список получается слишком уж длинным. Уныло однообразным. Подсчитаем: из десяти эпизодов, перечисленных мною, восемь произошли после того, как был избит Новотельнов. Подсчитаем это и запомним.

ЛЮБОЙ юрист, ознакомившись с «послужным списком» Грызухина, без труда обнаружит грубейшее нарушение закона. Человек, в течение года совершивший повторно мелкое хулиганство, должен быть предан суду по части I ст. 206 Уголовного кодекса — то есть за хулиганство вовсе не мелкое. Поскольку 16 марта 1972 года Грызухин оштрафован на 25 рублей, то совершенное им 2 марта 1973 года автоматически влечет за собой ответственность в уголовном порядке.

Я подчеркиваю это лишь для того, чтобы показать, как в стремлении избавить Грызухина от ответственности в Ростове пошли даже на прямое нарушение закона.

Не за красивые же глаза то одни, то другие должностные лица с удивительным постоянством отводили от него руку правосудия каждый раз, когда она по всем нравственным и юридическим законам должна была весомо опуститься на его плечо.

Нет, не за красивые глаза. Не из симпатии к нему. И даже не потому, что у него есть влиятельные заступники — у него-то как раз их вовсе и нет.

О заступниках, кстати... Помните — Саня? Тот самый, что плакал в милицейской машине. Его сразу узнали Новотельнов и Лена: это он затеял драку, первым ударил, был заводилой. Фамилия его Голубев. А в документе о прекращении дела значится почему-то Орлов. Ошибка? Описка?

Если бы так!.. Орлов действительно был в группе парней, напавших на Новотельнова. Но роль его в сравнении с Голубевым как бы второстепенная. Почему же именно он неожиданно выдвинулся на первый план? За что такая «честь»? И почему этой «чести» лишен Голубев, Саня?..

Вот что сообщили корреспонденту «ЛГ» ростовский районный прокурор тов. Ковалев и его помощник тов. Давыдов: «Александр Голубев в декабре 1970 г. осужден за злостное хулиганство к 4 годам лишения свободы, но в марте 1972 г. условно-досрочно освобожден. Его отец — Голубев М. К. пытался выгородить сына, подключая для этого различных ответственных товарищей, но безуспешно. В то время Голубев-старший заведовал районной базой «Сельхозтехники». Сейчас он переведен в Ярославль на более высокую должность, стал работником областного масштаба».

Теперь дадим слово Ф. В. Новотельнову: «Когда я лежал с сотрясением мозга, ко мне приезжал следователь милиции тов. Графенков. Он уверял меня, что Саня (то есть Голубев) в избиении не участвовал. Я отказался признать это, и тов. Графенков уехал. А через день или два приезжают родители Сани (и адрес знают, и по имени-отчеству называют) с просьбой простить их сына, уверяют, что заплатят мне за болезнь, плачут: если сына осудят, то к новому сроку суд приплюсует тот, который Саня «недосидел» по старому. Ушли они от меня ни с чем, но кто-то за моей спиной, видимо, постарался, и Саня из дела исчез, а вместо него появился Орлов. Этот Орлов сначала категорически отрицал свое участие в избиении, а потом с той же категоричностью стал настаивать, что именно он был зачинщиком. Секрет, я думаю, прост. Орлов — несовершеннолетний, ранее не судим... В итоге все избавились от ответственности: и Грызухин, и Голубев, и Орлов... Поверьте, мне иногда кажется — уж не сам ли я себя избил в тот злополучный день?»

Это Голубев... А Грызухин? Заступников у него, повторю снова, вроде бы нет. Пьянством, дебошами, паразитизмом (Грызухин нигде не работает, промышляет браконьерством — тем и живет) он едва ли служит городу украшением. Маялись с ним и маются, а терпят. Почему?

Гипотез может быть несколько, я попробую высказать только одну.

Не столкнулись ли мы с феноменом процентомании, которая зло всюду, а в той сфере, о которой идет разговор,— зло вдвойне?

Процент для статистики, объективно фиксирующей существующую реальность, — дело полезное и необходимое. Процент для отчетности, «украшающей» действительность, — дело отнюдь не полезное.

Искусственная отчетность, создающая иллюзию благополучия, была решительно осуждена несколько лет назад Генеральным прокурором СССР, обязавшим всех прокуроров принимать решительные — и притом крутые! — меры «при установлении фактов сокрытия преступлений от учета», в случае нарушения законности «при регистрации уголовных проявлений... и сообщений о совершенных преступлениях». Проблема эта, как видим, общественно важная, борьба с очковтирателями и на этом фронте идет полным ходом, однако с рецидивами опасного «украшательства» приходится сталкиваться до сих пор.

Конечно, выглядеть районом с невысоким «индексом» преступности всегда приятно. Выглядеть? Или быть? Чтобы быть, надо искоренять преступность, а это куда труднее, чем закрыть глаза на поступки грызухиных и внести желанные коррективы в досадно неподдающийся «индекс».

Все мы заинтересованы в сокращении преступности, но не на бумаге — в действительности. Оттого, что преступления Грызухина не завершились судебным приговором, правонарушений в Ростовском районе не стало меньше. Меньше стал только «процент». А правонарушений — больше.

Ибо давно известно, что безнаказанность развращает. Лишь случайно оступившийся человек, духовно и нравственно зрелый, прощение воспринимает как доверие, как моральный кредит, который нужно оправдать всей своей жизнью. Не в суровости воспитательный смысл наказания — в его неотвратимости. Мы часто повторяем эти слова, но всегда ли воплощаем их в жизнь?

КОГДА Новотельнов давал показания в милиции, он точно воспроизвел все детали преступления, опознал хулиганов, рассказал, кто ударил первым, кто ввбросился потом. В прокуратуре сообщил еще больше подробностей: память непрерывно возвращала его к переживаниям августовского дня, восстанавливая минуту за минутой горестный тот эпизод, который стал для него событием, потрясшим душу. Незабываемым до конца дней...

«Почему вы так хорошо все помните? — недоверчиво спросили его. — Ведь вас избили, и вы потеряли сознание. Вот и сами вы говорите: нашло на меня словно затмение, от удара я не сразу очнулся...»

Художник Новотельнов употребил это слово неосказательно, от привычки мыслить образами и образами воссоздавать картины жизни на полотне.

А вот на тех, кто заставил его, пострадавшего от хулиганов, стыдливо оправдываться, жалостливо добавлять, безуспешно просить о защите своих прав, — не нашло ли на них, именно на них, загадочное затмение, сковавшее их руки и не позволившее исполнить свой прямой служебный долг? Затмение без всяких иносказаний...

И вот ведь что примечательно: «затмилась» почему-то та часть сознания, которая направлена на охрану интересов закона, интересов общества, интересов личности — ее жизни, здоровья и чести. А та, что печется о дутых ведомственных успехах, — она не затмилась. Напротив, она действовала весьма активно и целеустремленно.

Активность эта заслуживает не только упрека...

P. S. Этот очерк был уже набран, когда я ответ на вмешательство редакции пришло письмо из прокуратуры Ярославской области. В письме говорится, что «постановление следователя... тов. Новиковой от 30 октября 1972 г. отменено, так как следствие по делу проведено не достаточно полно. Дополнительное расследование дела поручено опытному следователю прокуратуры Ярославской области».

Будем надеяться, что опытный следователь справится наконец с этим чрезмерно затянувшимся делом.

ВСЕ ГИМНЫ МИРА

Музыканты Образцового военного оркестра Почетного караула — неизменные участники встреч высоких зарубежных гостей. Репертуар оркестрантов в военной форме универсален: государственные гимны.

Фото А. ГЕРМАНАСА

Микола БАЖАН

СЛУЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Сегодня Ярославу Ивашкевичу исполняется 80 лет

Высокий, сильный человек с могучим лбом, волевыми крутыми бровями, крупными широкими ладонями, крепкими и чуткими пальцами музыканта. В глубоко посаженных под нависшим лбом, внимательных глазах — неотступная тень задумчивости да складки какой-то скрытой горечи вокруг рта. Ярослав Ивашкевич, выдающийся и широко известный в мире, а тем более у себя на родине, и у нас, в Советском Союзе, писатель современной социалистической Польши, встречает свой славный юбилей в расцвете таланта и мастерства, многообразного и щедрого.

Думаю, что и в двадцать объемистых томов не уложить написанного Ивашкевичем за шесть десятков его творческих лет. Кажется, нет такого жанра литературы, в котором бы писатель не создал неповторимые ценности, обогатившие всю современную литературу. Сборники стихов, новелл, драмы, повести, исторический роман и большая эпопея XX века Польши, музыковедческие и театроведческие исследования, эссе и мемуары, книги самой актуальной и злободневной публицистики, насыщенные такой проницательностью, которая придала их злободневности непреходящее значение. Литературному творчеству Ярослав Ивашкевич посвятил свою жизнь, талант, энергию, но этой энергии хватает и на огромную политическую, общественную, редакторско-издательскую работу. Он депутат Сейма Польши, председатель главного правления Союза польских писателей, редактор ежемесячника «Таурчость», заместитель председателя Всепольского комитета мира. Его неустанная интернационалистская деятельность была в 1970 году заслуженно отмечена международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

Уроженец Украины, Я. Ивашкевич с ранних лет вобрал в свое сознание великий гуманистический дух польской и русской литератур. Он верно и незыблемо сквозь всю свою сложную и довольно часто полную глубоких внутренних конфликтов творческую жизнь пронес любовь и преданность как родной Польше, так и родной ему Украине, так и родной ему русской литературе — благотворному источнику высоких идей, глубокой человечности, поражающего и воспитывающего литературного мастерства. Наряду с именами его ближайших мудрых учителей польского слова — именами Л. Стеффа и Я. Каспровича, В. Реймонта и С. Жеромского, всегда любовно и благодарно называл и называет он имена Л. Толстого и А. Чехова, И. Бунина и А. Ахматовой. В самые темные времена националистической свистопляски в буржуазной Польше он гордо и вызывающе говорил о своей любви к России, к ее великой литературе, музыке, искусству.

Такой же любовью к его искусству и таланту отвечают Ивашкевичу народы Советского Союза. На русский, украинский и другие языки наших народов переведены почти все его книги, многочисленными изданиями расходящиеся по всем пространствам нашей социалистической Родины. Советский читатель знает и любит, читает и чтит творчество великолепного мастера польского художественного слова.

Да, его творчество многообразно и сложно. Не сразу пришел художник к той непростой простоте и строгой ясности, которыми исполнены его шедевры, особенно глубокие и человечные после трагических переживаний и потрясений великой войны советского, польского и других народов против человеконенавистнического фашизма. Многочисленные жертвы и героический опыт борьбы истинных польских патриотов против фашистских угнетателей углубили духовные связи писателя с народом, обогатили его знание и его преданность самым светлым в мире идеям действенного гуманизма. «Я всегда среди людей, — говорит о себе Ивашкевич, — я всегда среди людей, я не знаю их. Люди для меня не просто элемент композиции, не просто предлог для выявления литературной «живописи». В каждой личности вижу прежде всего ее дело. Утвержденный в жизни, внутри ее изменяющейся, разнообразной и горячей сути, я отвечаю своим писательским творчеством на ее побуждения, на ее неизменно новые вопросы».

Ивашкевич называет себя утвержденным в жизни, писателем совершенно современным. И я думаю, что он безусловно прав, несмотря на рассуждения некоторых критиков о пессимизме многих его произведений, о его увлечениях эстетизмом и классицизмом, хотя, конечно, не сложном пути его писательства были периоды, отмеченные и такими увлечениями.

Писатель неустанно, внимательно и пытливо всматривается в окружающую его действительность, в окружающих его людей, избрав действенным девизом своего писательского подвига слова «помнить, понять, выразить». Неустанно ищет он и более глубокого познания, и более точной выразительности. Уже с первых своих поэтических сборников Ивашкевич показал себя читателю как виртуоза классической формы, хотя иногда слишком отягощенной эрудицией и классицистическими экскурсами. Эрудиция, конечно, у писателя поразительная. Кажется, нет ни на Востоке, ни на Западе поэтической фигуры, которую он не стремился бы понять во всей ее душевной глубине и в том новом, что привносит она в познание мира и людей.

До самых глубин стремится Ивашкевич проникнуть не только в неизмеримую область литературы. Рядом с литературой, как верная сестра его поэтической жизни, идет музыка. Еще в киевские времена, учась в консерватории, юный Ярослав думал о пути музыканта-композитора, пока не почувствовал своего истинного писательского призвания. Помог ему, горячо поддержав первую писательскую пробу Ярослава — повесть 1916 года «Бегство в Багдад», — его неизменный ближайший друг великий польский композитор К. Шимановский. Но музыка не отошла в сторону. Она пронизала все писательское творчество Ивашкевича так же властно и многозвучно, как творчество Э. Т. А. Гофмана, Т. Манна, Р. Роллана. В структуре его не только поэтических, но и прозаических произведений, даже таких сугубо прозаических, как эпическая трилогия «Хвала и слава» (1956—1962), чувствуются уроки контрапункта, гармонии и полифонии.

Очень музыкальны его стихи, хотя в то же время и очень пластичны, очень «видимы». Поиски наиболее емкой и выразительной формы особенно ощущаются в развитии поэзии Я. Ивашкевича. От классицизма «Восьмистиший», от тревожных зовов его «Дионисий» (1922), от пафоса «Од» (1948) — до стихов последних лет, его элегий и ксений, — о, как много испробовано форм, как много виртуозности вложено в каждую строфу, пока не пришел поэт к своей сегодняшней строгой и даже слишком скупой форме стиха.

Ивашкевич верит в своего читателя, в его умение вызывать ассоциации, но он видит и опасности «переинтеллектуализации» поэзии. Это чуждо Ивашкевичу, пронесшему через все этапы своего творческого развития жажду эмоционального, лирического познания и проникновения в красоту мира людей, в благородство их творческих усилий, стремлений преодолеть индивидуалистическую ограниченность, одиночество, кому так способствовали эгоистичность, жадность победившего буржуазного общества капиталистической Польши. Я. Ивашкевич ярко выразил эти чувства в самом большом не только по объему, но и по значению своем произведении «Хвала и слава». И в судьбе погибшего от фашистской пули поэта Януша Мышинского, не раз в минуты отчаяния с надеждой обращавшегося мыслями к Советской Украине, откуда он уехал в дни Октябрьской революции, и в неприятии пошлым буржуазным обществом музыки Эдгара Шиллера, — в их судьбах есть много и автобиографического, и почерпнутого из горькой жизни Кароля Шимановского.

Но не в эти наиболее близкие и понятные ему фигуры своей эпопеи вкладывает Я. Ивашкевич надежды на человека, веру в возрождение, обновление и расцвет новой Польши. Образы коммунистов, рабочих, смело и проникновенно мыслящих интеллигентов, такие истинные, хотя и более бегло обрисованные герои его эпопеи, как Янек Вевюрский, Лиавек Сига, Володя Терло, молодые Голомбеки, — они знаменуют собою новый человеческий мир, который открылся Я. Ивашкевичу особенно ясно именно в пламени битв против фашизма. Разными путями к борьбе против гитлеровцев пришли и другие люди послевоенных рассказов Я. Ивашкевича — Францишек Дурчок (в новелле «Мельница на Лютыне»), Мельчарек (в новелле «На старом кирпичном заводе»). В борьбе «человечества против зверства», как говорил Иван Франко, видит Ярослав Ивашкевич и нравственную обязанность писателя, и его весьма непростое, выстраданное, выношенное, до самой глубины продуманное и прочувствованное торжество над духом уныния и одиночества, пессимизма и бегства от жизни.

Ненависть Я. Ивашкевича к фашизму, к его варварству и кровожадности зрела в поэте давно, с первых лет появления на исторической арене этого крайнего проявления человеконенавистничества империализма. Уже в 1931 году после пребывания в Германии он просто пророчески пишет в стихотворении «Другу-врагу» о том недалеком будущем, «когда он с ним станет лицом к лицу с оружием», ибо грозная сила таится в той ненависти, которая — поэт это почувствовал — воспитывалась уже тогда в предфашистской Германии.

Я не могу в краткой этой статье достойно оценить все замечательное, драгоценное, непреходящее, немеркнущее, созданное Ярославом Ивашкевичем, — такое, например, как его волнующие пьесы о Шопене («Лето в Ноане») и о Пушкине («Маскарад»), как потрясающий рассказ — крик о любви и одиночестве, о диком неверии религиозными психозами людских душ и судеб (новелла «Мать Иоанна от Ангелов»), как великолепный исторический роман о событиях в Европе XII века («Красные щиты»), как проникновенные исследования в Бахе и Шопене, книги о путешествиях. Досконально знает Ивашкевич Европу, многократно изъездив ее вдоль и поперек; зорко всматривался он и в новый, экзотический для него Мир Латинской Америки, дважды там побывав и написав об этом интереснейшие «Письма из Южной Америки» и стихи.

Я не могу не сказать о своей любви и уважении к этому большому человеку и писателю, к его творчеству, к его стихам. С любовью и старательностью я перевожу и буду переводить его стихи, как это делают и мои русские, белорусские, грузинские друзья. Вот передо мной лежит изданный большим тиражом том русских переводов сочинений Ярослава Ивашкевича. В книге много впервые переведенных новелл и стихов. Дух теплой и задумчивой лиричности, светлой искренности и жизнелюбия поэзии Ивашкевича живет в любовно сделанных переводах М. Светлова, В. Луговского, Д. Самойлова, Б. Слуцкого, А. Гелескула и других поэтов.

Пусть эта книга, как и переводы его произведений и статьи о нем, появляющиеся в эти дни почти во всех литературных журналах и газетах нашей страны, будут доказательством того, как любят и ценят не только писатели многонациональной советской литературы, но и многомиллионный советский читатель своего большого, верного, испытанного друга — проникновенного, мудрого, полного творческих сил, энергии, замыслов и планов, замечательного писателя братской социалистической Польши.

КИЕВ

«ТАМ, ГДЕ НАРОД»

ПОЛВЕКА ЖУРНАЛУ «ПЛАМЪК»

В январе 1974 года болгарскому литературному журналу «Пламък» исполнилось 50 лет. Он был основан революционным писателем Гео Милевым, одним из самых ярких и мятежных фигур новой литературы Болгарии. Поэт, потрясенный народным героизмом и народной трагедией сентябрьского восстания 1923 года, написал незабываемую поэму «Сентябрь».

Еще в самом начале своего существования, в 1924 году, журнал «Пламък» заявил: «Над нашей родиной пронесся ураган, какого не помним ни мы, ни наши отцы. Он потряс и самые глубокие недра Балкан, и самые глухие долины среди наших гор. Братская кровь обагрила травы и кустарники... Зимние поля почернели от траурных косынок женщин. Из-под обломков фантазии выходит поэт, пробудившийся от розовых снов и лазурных мечтаний, потрясенный, изумленный, прозревший, — и видит перед собою окровавленный лик народа, своего народа... Мы останемся там, где народ. Перед народом, с народом, среди народа...»

Здесь особенно важна последняя фраза — о новом открытии своего народа, о новой эстетической и общественной позиции. Тем самым журнал «Пламък» поднял знамя революционной поэзии и осуществил на деле призыв партии: «Никакого уныния, никакого отчаяния, никакого малодушия! Выше головы, славные борцы!» Именно этим нам дорога и сегодня эта прекрасная традиция журнала — одного из самых славных в болгарской литературе.

«Пламък» был запрещен фашистскими властями в 1925 году. И вновь вышел в 1957 году, после апрельского пленума ЦК БКП 1956 года, в ясной атмосфере новых художественных поисков. Именно тогда в нем напечатали первые стихи, потом занявшие видное место в болгарской поэзии такие талантливые поэты, как Владимир Башев и Любомир Левчев.

Сегодня на страницах журнала постоянно публикуются произведения о нашей современности, дискуссии о социалистическом реализме на новом этапе литературного процесса, воспоминания о революционном прошлом. Живая традиция, заложенная бессмертным Гео Милевым. Журнал «Пламък» должен поистине гореть пламенем идей революции, свободы, слиться с народным искусством! — был завет поэта. «Пламък» и сегодня свято верен словам: «Мы останемся там, где народ».

Иван ЦВЕТКОВ

СОФИЯ

II

К какому поколению отнести Айрис Мердок? Годами она младше Э. Уилсона, У. Голдинга или Ч. Сноу. Но ее популярность, я даже рискнула бы сказать — слава, в определенных кругах английской интеллектуальной элиты давно поставила ее в ряды тех писателей, которые, по меткому выражению англичан, «пришвартовались», «достигли цели» («have arrived»).

Айрис Мердок назначила мне свидание в одном из популярных у литературной элиты кабачков («пабов») Уэст Энда. Но от разговора о своих книгах Айрис Мердок ушла и, как мне показалось, не хотела говорить на эту тему. О ее много раз намечавшемся визите в нашу страну сказала уклончиво: «Быть может...» Ничего определенного. Все было как-то зыбко и чуточку двусмысленно.

Последний роман Мердок — «Черный принц» — в художественном отношении отнюдь не уступает тому, что было написано ранее. В чем-то главном и конструктивном он напоминает даже «Дикую розу» — одно из лучших произведений писательницы — и может быть кратко определен как роман о судьбе. Тема не новая, но в творчестве Мердок кардинальная и развитая на разные лады и с разными, подчас очень причудливыми вариациями.

Но как бы блестяще стилистически не был написан роман, дороги от него ведут в никуда... Было много философских исканий. Писательница увлекалась Сартром, Кьеркегором, потом... Платоном. Но эти философские метания не отражались, как ни странно, на ткани ее книг: все тот же поиск в темноте, все те же самые темные силы — демоны, владеющие или постепенно завладевающие героями. Силы зла, живущие в мире, как комментирует сама писательница. Есть те же демоны и в «Черном принце»...

Преодолевая «беспорядок на железных дорогах», еду к Р. Уильямсу в старинный и точно неподвижный Кембридж. Полтора часа в один конец, для того чтобы посидеть в колледже какой-нибудь час-другой в личном кабинете писателя. Не узнаю Уильямса. Этот крепкий, крепко сколоченный человек с твердой линией рта и выдающимися скулами даже внешне изменился. Жидкие волосы падают на плечи, как у сельского священника. (Что это — подражание студенческой моде или нарочитая стилизация под теологов пуритан XVII века? Или и то, и другое?) Изможденное и точно вытянувшееся лицо. Уильямс сверх своих физических сил отдается сейчас целиком академической работе. На днях его ожидает повышение через несколько недель он вступит в заведование отделением английской литературы своего колледжа и тем самым получит звание профессора. Он этого давно добивался. Но как отразится академическое продвижение на взглядах и поступках не молодого уже дона*? Не окажет ли оно действие реостата, введенного обстоятельствами и велениями карьеры?

Третья часть трилогии о рабочем классе и конфликте поколений («Пограничный край», «Второе поколение») все еще Уильямсом не окончена. Зато появились несколько академических монографий и очень спорная, но интересная книга «Город и деревня», основная мысль которой заинтересовала бы живо наших прозаиков-«деревенщиков». Уильямс увлеченно объясняет мне замысел этой книги, которая давно

В. ИВАШЕВА

КОГДА РУШАТСЯ МИФЫ...

АНГЛИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

стоит на моей полке, но, признаюсь, мною так и не была дочитана. «И англичане, и особенно американцы, — говорит он, — тянутся назад, к мнимой идиллии сельского прошлого, идеализируют деревню...» Допустим. Но куда же идет сам Уильямс или куда он уже пришел? Он на этот раз еще более лаконичен, чем обычно, хотя проявляет большее, чем всегда, дружелюбие. Хочется узнать, изменился ли план его книги о золотом городе, рассказанный мне еще свыше шести (!) лет назад. Думаю, что изменился, ибо изменилась окружающая действительность, которую писатель хотел аллегорически воспроизвести в дни пребывания у власти Вильсона и лейбористов. И молчание Уильямса заставляет меня задать себе вопрос: напишет ли он вообще третью часть своей истории Прайса и его сына, двух поколений потомственных рабочих Уэльса? Поймет в жарких буднях непрекращающихся забастовок, что третья часть его трилогии должна стать реалистическим воспроизведением жизни, а не аллегорической сказкой, наподобие «Золотого города» Уэскера (кстати, целиком построенной по плану, подсказанному Уэскеру его старым наставником Реймондом Уильямсом)? Но Реймонд предпочитает говорить о своей работе университетского наставника.

Из писателей младшего поколения мне удалось увидеться только с тремя: Пирсом Полем Ридом, Маргарет Дрэббл и Колином Уилсоном. Объективные обстоятельства помешали нашей встрече с Джулианом Митчеллом, а Сюзен Хилл, заслуживающая не меньшего внимания, находилась в больнице после недавно перенесенной тяжелой операции.

Маргарет Дрэббл — автор книг, повествующих о порой мучительном процессе отказа молодых девушек от предрассудков своих родителей («Жернов», «Иерусалим золотой», «Водопад»), книг, описывающих глубоко личные, интимные переживания одних из наших прозаиков-«деревенщиков». Понять популярность Дрэббл у английской молодежи (может быть, особенно 3—4 года назад) не трудно. Дрэббл работает в одном жанре. В одной теме. Манера ее (даже в более сложном, чем ранние книги, романе «Игольное ушко») всегда однозначна. Но все, что она уже написала, в высшей степени искренне и правдиво. Недаром при всех ее исканиях Дрэббл влекут к себе классики реализма прошлого века.

Дрэббл не сказала последнего слова. Она еще только набирает высоту. Проблемы, подобные тем, которые мучают «стариков», перед нею еще не вставали. Ей совершенно чужд скептицизм, и в ее размышлениях не звучат ни сомнения, ни усталость.

С автором «Юнкеров» и «Дочери профессора» Пирсом Полем Ридом мы встретились в нынешнем году впервые, хотя переписываться начали года два назад. Я вхожу в рабочую комнату Рида ровно в 10 часов утра. Эту комнату он снимает вдали от дома, ограждая себя от непрерывных звонков докучливого телефона. Комната еще анонимна: Рид не успел придать ей свою индивидуальность — почти нет книг, на стене ни одной картины или репродукции. Только большой стол, уже заваленный рукописями. Огромный станок, на котором молодой прозаик паписал свою документальную книгу «Живы» и правил корректуру последнего романа «Высокочка» (1973).

Хотя комната анонимна, личность Рида настолько ярка, что сразу входишь в ее «атмосферу», не нуждаясь ни в каких аксессуарах и дополнительных оттенках. Я видела Рида на фотографиях, воспроизведенных на суперобложках его романов.

Огромные серые глаза смотрят на собеседника прямо и как-то особенно честно. Отсюда простота в обращении с ним: уже через пять минут пребывания в рабочей комнате Рида близ Ноттингхилл гейт я почувствовала себя здесь как дома, а он разговаривал со мной, будто мы расстались накануне и продолжаем беседу. Мы говорили много, долго и увлеченно, и когда я испуганно спросила, не пора ли уходить, не посягнула ли я на его рабочий день, мой собеседник очень просто и искренне ответил: «Ну что вы! Нет никаких пределов. Пожалуйста, никуда не торопитесь! У меня ровно столько времени для беседы, сколько вам потребуется».

Он увлеченно рассказывает о своей недавно вышедшей книге, о людях, потерпевших аварию в горах Латинской Америки. Говорит о творческих планах, о желании увидеть нашу страну и познакомиться с нею. Он радуется, узнав, что, с моей точки зрения, его лучшая книга — «Юнкеры», повествование о трех немцах, выходцах из юнкерства, и их очень разных судьбах во время второй мировой войны. Меня восхищает в этой книге, местами спорной по манере и еще очень сырой, умение лепить характеры, умение схватить и передать глубокие противоречия психики, нюансы различных индивидуальностей. Рид горячо соглашается: для него, как и для меня, «Юнкеры» — самая любимая книга. О «Дочери профессора» мы говорим мало. Я рассказываю Риду о нашей литературной традиции, не позволяющей той откровенности в передаче эротического опыта, которая есть в большинстве западных книг, есть и в его романе.

«Приезжайте ко мне домой, — просит Рид, прощаясь и рассказав уже многое о себе, своей жизни, своих впечатлениях о ФРГ, где он несколько лет работал в издательской фирме. — Я хотел бы познакомить вас с женой, показать своих детей. Альберту три года, Марта совсем еще крошка».

Поездка на Рейвенскорд роуд оказалась интересной во многих отношениях. Рид показывает мне без тени хвастовства целую полку книг, заставленную его романами. Но их же всего шесть! А как уже много переводов и переизданий! Переводы на немецкий, шведский, датский, голландский, итальянский языки! Американские и английские издания! Как он скромен, этот человек в стареньком свитере! Прост в обращении, как, впрочем, и его жена Эмли, больше похожая на студентку первого курса, чем человека, окончившего Лондонский университет и готовящегося к педагогической работе в вузах.

Эстетическое кредо Рида укладывается в одно четкое понятие: он сторонник реализма, что не мешает ему вести тщательный поиск новых форм. Эксперимент ощутим в «Юнкерах», есть он, хоть в меньшей мере, и в последующих романах. В «Монахе Даусоне» Рид создал восторженный образ лидера забастовки в Оксфорде — коммуниста Маккона, тщательно и любовно вычертил путь офицера гитлеровского вермахта Эдварда фон Руммельсберга к социализму в «Юнкерах». Он же попытался показать рождение революционных идей в «Дочери профессора». Но все это еще не определяет идейный облик Рида, более чем сложный и, как мне кажется, неустоявшийся.

Рид — один из наиболее интересных прозаиков современной Англии, хотя иным снобам почерк его кажется порой слишком традиционным. Нельзя не заметить, что все его книги не похожи одна на другую. Он может еще многое сказать и, безусловно, сказ-

*Докими называют в Англии преподавателей колледжей.

Окончание. Начало см. «ЛГ», № 9, 1974.

КТО, ГДЕ, КОГДА

Маяковский в ГДР

Творчество Владимира Маяковского получило в Германской Демократической Республике широкое признание. Общий тираж его произведений, выпущенных одним только издательством «Фольк унд вельт», превышает 100 000 экземпляров. Выпуском последнего, пятого тома Собрания сочинений Маяковского здесь заканчивается наиболее полное издание его произведений на немецком языке. Первые четыре тома содержали «Стихотворения», «Поэмы», «Пьесы» (в том числе и киносценарии) и «Прозу» (автобиографию, путевые очерки, письма). Пятый том посвящен публицистике. Он включает статьи и выступления Маяковского за период 1913—1930 годов.

«Трехгрошовая опера» на итальянской сцене

В Италии с успехом идет «Трехгрошовая опера» Бертольта Брехта в постановке Штрелера. Как отмечает итальянская печать, этому успеху в большой степени способствовала прекрасная игра двух корифеев эстрады — Доменико Модуньо и Мильвы.

На снимке: Мильва и Модуньо в одной из сцен спектакля

УСТАМИ МЛАДЕНЦЕВ

Недавно в Париже на улице Казимир-Делавинь открылся новый книжный магазин с выразительным названием «Сатана и компания». 7000 произведений оккультного и иррационального толка с дьявольским нетерпением ожидают покупателей. Газета «Фигаро» пишет о новой волне повышенного интереса и «супернормальным силам».

Испанский карикатурист Нвино, автор завоевавшего себе популярность не только в Испании альбома карикатур «Мафальда», по-своему прокомментировал возможные последствия этой «эпидемии супернормального». Как всегда, на его рисунках слово принадлежит детям. Истина, глаголющая устами младенцев, хотя и вызывает улыбку, но наводит на грустные размышления.

ПРОДАВШИЙСЯ

О ПРЕДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

ПИСАТЬ на эти темы мне, профессиональному историку, крайне неприятно по многим причинам. Не последние из них — элементарное чувство брезгливости и прискорбная необходимость отрывать время от академических занятий. Но молчать больше нельзя. Приходится преодолеть как это чувство, так и смириться с необходимостью растачать драгоценное время. По роду своей работы — американистика, теория и история международных отношений — мы все чаще находим грязные следы, оставленные группкой лиц, именуемых на Западе диссидентами. Или, точнее, сталкиваемся с последствиями их деяний на поприще слова устного и печатного, тысячекратно увеличенных империалистической пропагандой, превращаемых по известным канонам психологической войны в стереотипы мышления на Западе.

Злобное шипение отщепенцев, неизмеримо усиленное техническими средствами — радио, телевидением, прямо-таки оглушает иных за нашими рубежами, приводит к неверным и опасным заключениям в отношении нашей страны. А в итоге осложняет международные отношения, ибо продолжает поступать топливо в затухающий костер «холодной войны».

При существующем соотношении сил в мире любые попытки вооруженных авантюр против социализма обречены на провал. Не абстрактная приверженность правителей стран капитала к миру, а понимание этого ввело отношения между США и СССР в рамки мира, больше того, на нынешнем этапе — в каналы делового сотрудничества. На протяжении многих лет в США подсчитывались наличные силы, которые можно обратить против социализма. Учитывались материальные и людские ресурсы, выскребались идеологические арсеналы. При обсуждении и выработке американской политики в отношении Советского Союза в высших кругах Вашингтона неизбежно оценивали роль диссидентов. Какие бы надежды на них ни возлагались ярыми антикоммунистами, политики-практики в конечном итоге обычно находили их цели опасными для государственных интересов Соединенных Штатов. Вероятно, никто в Америке в последнее время не сказал об этом яснее, чем Джордж Ф. Кеннан в своих мемуарах, вышедших с год тому назад.

Он авторитетно свидетельствует, что, когда бы в Вашингтоне ни заходила речь о развязывании войны против Советского Союза, в первых рядах подстрекателей к ней были отщепенцы, по тем или иным обстоятельствам оказавшиеся в США. «В нашей стране, — пишет Кеннан, — есть шумные и влиятельные элементы, которые не только хотят войны с Россией, но имеют ясное представление, ради чего ее нужно вести. Я имею в виду беглецов и иммигрантов, особенно недавних, из нерусских областей Советского Союза и некоторых восточноевропейских стран. Их идея, которой они страстно, а иногда беспощадно придерживаются, проста — Соединенные Штаты должны ради выгоды этих людей воевать с русским народом, дабы сокрушить традиционное российское государство, а они установят свои режимы на различных «освобожденных» территориях...

Невозможно представить худшее, чем хотели заставить нас сделать эти люди, — связать нас политически и в военном отношении не только против советского режима, но также против сильнейшего и самого многочисленного этнического элемента в традиционном российском государстве... Это было бы безумием таких неслыханных масштабов, что при одной мысли об этом бледнеет как незначительный эпизод даже наша авантюра во Вьетнаме».

Оценка Кеннаном националистов — лишь один из аргументов в его общей системе доказательств о пагубности учета мнения диссидентов в выработке американской политики в отношении Советского Союза. Обострение отношений с Советским Союзом и гипотетическое доведение их до войны, не уставал повторять Кеннан в свое время на служебных совещаниях, а теперь в мемуарах, — бессмыслица с точки зрения государственных интересов США. Это на руку только диссидентам, презрением к которым буквально дышат страницы книги:

«Мысль о войне с Россией отвратительна уже с учетом кровопролития и разрушений, которые она повлекла бы за собой, даже если бы, на что не приходится надеяться, не было бы применено ядерное оружие... Я хорошо знал и пытался внушить своим слушателям в Военной академии (на закрытых лекциях. — Авт.), что в войне между США и СССР не может быть полной военной победы...

Немало американцев полагают, что стоит нам оккупировать часть России, как мы установим там у власти, по примеру второй мировой войны, милое проамериканское правительство, состоящее из русских «демократических элементов», и этот режим будет популярен среди освобожденного народа, который примет американское «послание с небес»...

Все, что я знаю о России, научило меня: если и есть самая дурацкая мечта, то вот она! В России нет сколько-нибудь заметных «демократических элементов» (разумеется, в понимании Кеннана. — Авт.)... Наш опыт с диссидентами, бежавшими из Советского Союза, показывает: их идеи... часто сводятся только к ожиданию, что мы разрешим и поощрим их поставить к стенке недавних политических противников... А затем они усядутся править с нашей помощью, установив диктатуру собственного образца».

В Соединенных Штатах есть немало политиков, придерживающихся взглядов, аналогичных описанным, но далеко не всегда они делают погоду. Обстановка в этой стране очень взвешена, и амплитуда колебаний политического маятника велика. В Соединенных Штатах существуют и активно действуют могущественные силы, заинтересованные, иногда по прямым материальным соображениям, в увековечении «холодной войны». Основной предпосылкой ее ведения была и остается враждебность к Советскому Союзу, и любой, особенно в пределах СССР, выступающий против социализма, является естественным союзником этих кругов.

Ненавистники коммунизма в США в то же время ревностно исповедуют кредо «стопроцентного американизма» и являются наипервейшими противниками тоталитаризма. Их вполне устраивает буржуазно-демократический строй. По большому политическому счету им не по пути с диссидентами, в которых они прекрасно различают носителей тоталитарных доктрин. Но американские антикоммунисты находят полезным для своих целей на этом этапе поддерживать любых врагов советского строя. Дальше видно будет, во всяком случае никто из них категорически не утверждал, что Кеннан неправ.

Особенно важна в глазах американской реакции подрывная работа диссидентов в идейной области. Только этим обстоятельством можно объяснить широкую пропаганду на Западе взглядов Солженицына. Он с неослабевающим рвением поставляет пищу для клеветнической кампании за пределами наших границ, суть которой сводится к тому, что с Советским Союзом якобы нельзя иметь дело, а потому международная разрядка — несбыточная мечта.

Так раскручивается зловещая спираль антикоммунизма, что, помимо прочего, влечет за собой опаснейшую гонку вооружений. Все взаимосвязано, и если порой мы ворчим по поводу тех или иных нехваток, трудностей, то полезно вспомнить, что это прямой результат «холодной войны».

Вина за такое развитие событий лежит на инициаторах «холодной войны», всех тех, кто оправдывает гонку вооружений на Западе ссылками на мнимую агрессивность Советского Союза, кто пытается клеветнически наделить наше общество такими чертами, которые сделали бы его парией в международной семье народов. А вся деятельность Солженицына концентрируется именно в этом направлении. Поэтому в наши дни, когда на повестку дня практически встала разрядка международной напряженности, как нельзя своевременен разбор его взглядов.

ЛЖЕИСТОРИК И КЛЕВЕТНИК

Солженицына отличает поразительная интеллектуальная импотентность. На каждом шагу он берется открывать давно открытую Америку, по незнанию или умыслу не видя, что достоверно известно любому грамотному человеку, даже поверхностно знакомому с историей. В результате он пускает в ход битые аргументы, идет по дорогам, давно истоптанным врагами нашей страны.

Солженицынский пасквиль «Август Четырнадцатого» — это прежде всего тоскливый волчий вой по возможностям, легкомысленно упущенным российским крупным капиталом и военщиной. Книга неизбежно навеяла бы знакомые ассоциации на современников описываемых событий. «Август Четырнадцатого» — запоздалое обвинительное заключение в адрес самодержавия с позиций буржуазии, каковых в канун и во время первой мировой войны было куда как много. Горячие речи, которые ведет автор устами своих любимых героев, — в сущности, плоский перифраз гневных филиппик представителей хищного российского крупного капитала, рвавшегося в те годы к установлению своей диктатуры.

Позиция Солженицына в оценке первого месяца войны 1914 — 1918 гг. полностью совпадает с хорошо известной профессиональным историкам позицией вождя октябристов А. И. Гучкова и К°. Едва ли лидера кадетов П. Н. Милюкова можно заподозрить в сгущении красок, но и он просто оторопел от тогдашних заявлений Гучкова. «Когда началась война, — пишет Милюков, — он сразу заявил, что она «кончится неудачей», и в декабре 1914 г., собрав «представителей законодательных учреждений» (я не присутствовал), «рисовал им дело, как совершенно безнадежное». Но это мрачное настроение не разделялось тогда ни его фракцией, ни нами».

Нет необходимости вдаваться в дискуссию, кто оказался прав в этом деле, решенном историей, — кадеты или октябристы.

Великий Октябрь воздал сполна как деятелям Царского Села и Могилева, так и грязным интриганам Таврического дворца. Россию спасла партия большевиков, а метла Революции очистила страну от претендентов на господство над великим народом. Тогда выявилось подлинное лицо недавних радетелей «народного блага». Заглянем в резко антикоммунистическую книгу западного «советолога» Г. Каткова, где о дальнейшей судьбе Гучкова сказано: «Он эмигрировал, когда белые армии авакуировались с юга России, и немедленно открыл за рубежом личную антибольшевистскую кампанию. Постепенно Гучков проникся сильными прогерманскими настроениями и, живя в Париже, поддерживал тайные связи с германским генеральным штабом. Его поддерживала небольшая группа политиков... Он умер в 1936 г. разочарованным и несчастным, преданный многими, кому он доверял, и не пользовавшийся доверием тех, на чью политическую поддержку он рассчитывал». Круг замкнулся. Туда привела дорога, на которую встал Гучков в своей практической деятельности в 1914 году, — от проповеди квасного патриотизма до прислужничества гитлеровцам.

Его духовный двойник Солженицын в сфере литературы «Августом Четырнадцатого» завязал первый «узел» в том же направлении. Сходство между тогдашними речами Гучкова и аргументацией — даже прямой, авторской — Солженицына поразительно. Перед нами примитивный идейный плагиат. Как по войнее открытие в 1971 году Солженицын сообщает: «И все-таки можно заявить, что первое русское поражение определило, задало тон всему ходу войны для России... От первого раза был подавлен наш дух, уже не набравший прежней самоуверенности; от первого ж раза скислись и противники, и союзники — каковы мы вояки, и с печатью этого презрения провоевали мы до развала».

Это точка зрения тогдашней оппозиционной буржуазии, сделавшей поражение в Восточной Пруссии козырной картой в борьбе за власть. Белоэмигрант, генерал-лейтенант, профессор Н. Н. Головин в сводном труде о войне, вышедшем через много лет после описываемых событий, отмечал:

«На русском фронте стратегические последствия неудач армии ген. Ренненкампфа и ген. Жилинского сведены к нулю разгромом четырех Австро-Венгерских армий в Галиции. Сотни тысяч пленных взяты доблестными войсками Юго-Западного фронта: вся Галиция очищена противником, торопливо уводящим остатки своих разбитых армий к Кракову и за Карпаты. Хотя эта победа одерживается почти одновременно с нашим поражением в Восточной Пруссии. В тылу... оппозиционные элементы легко поддаются мрачному пессимизму. А. И. Гучков... утверждает, что уже в августе месяце 1914 года «он пришел к твердому убеждению, что война проиграна». Вот в какую панику впадали некоторые из наиболее энергичных общественных деятелей, какова же должна быть «отдача» в обывательской среде!.. Немцы с большим искусством ведут в этом направлении свою пропаганду. Раздувая размеры своих успехов в Восточной Пруссии, они подрывают доверие союзников к Русской армии; в последней они этим подрывают веру войск в свою силу».

Таков генезис центральной идеи «Августа Четырнадцатого», соответствующий, помимо прочего, военной пропаганде кайзеровской Германии. Раз ступив на эту стезю, Солженицын долбит свое, оплевывая все русское. Но сражение в августе 1914 года в Восточной Пруссии выглядело далеко не так, как оценивали его Гучков и Солженицын.

Наш «правдолюбец» пытается убедить, что монополия в этом отношении принадлежала, конечно, германцам. В «Августе Четырнадцатого» бушует огонь немецкой артиллерии, что до русской, то ее нет. Враги говорили о русской артиллерии по-иному. В капитальном исследовании вопроса советский специалист Е. Барсуков указывал: «В августе 1914 г. после разгрома 2-й русской армии Самсонова в Восточной Пруссии германские газеты и журналы были переполнены статьями, восхвалявшими своих генералов и победоносную армию. Неожиданно среди этих статей появилась заметка, дающая должную высокую оценку действий русской артиллерии и даже с сенсационным заголовком: «Долой шапки перед русской артиллерией».

Своей книгой Солженицын попытался вызвать к жизни события минувших дней, дабы опорочить наш народ. Они действительно вошли в историю и надолго запомнились, но совсем не так, как утверждает сочинитель. В годы первой мировой войны на Западе отлично понимали, что Россия в 1914 году спасла Францию. В выпущенной в 1969 году в Чикаго книге профессора С. Харпера, виднейшего американского эксперта по России того времени, специального советника посла США в Петрограде Фрэнсиса, напоминается: «Вступление русских армий в Восточную Пруссию подняло престиж России в Америке. Даже тогда признавалось, что это вторжение было главной причиной спасения Парижа от немецкого натиска».

В канун второй мировой войны, когда страшная угроза немецкого фашизма нависла над миром, ряд трезвых деятелей Запада обратился к истории 1914 года, чтобы показать — человечество выживет только в союзе с нашей страной. Выступая в палате общин в апреле 1939 года, Дэвид Ллойд Джордж, английский премьер времен первой мировой войны, сказал: «Если бы не было жертв со стороны России в 1914 году, то немецкие войска не только захватили бы Париж, но их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии и Франции». Людям обычно свойственно говорить правду перед лицом смертельной опасности, о чем свидетельствует не только официальное заявление Ллойд Джорджа с трибуны парламента, но и события, случившиеся через несколько лет.

В ноябре 1942 года гитлеровская группировка — 6-я армия Паулюса была окружена под Сталинградом. Первое, что пришло на ум седым офицерам вермахта, — 1914 год. Не воспоминания о катастрофе армии Самсонова, а о последовавших немедленно за этим тяжких поражениях кайзеровских войск. Генерал артиллерии Зейдлиц, командовавший 51-м корпусом в «котле», заговорил об уроках Лодзинской операции («Лодзинский слоеный пирог»), когда в ноябре 1914 года группировка генерала Шеффера, попытавшаяся было повторить охват, удавшийся в отношении армии Самсонова, сама попала в окружение и остатки ее едва унесли ноги, потеряв 40 тысяч человек, или 80 процентов первоначального состава.

Очевидец событий 1942 — 1943 годов под Сталинградом офицер-разведчик 6-й германской армии Видер писал: как только гитлеровские войска оказались в окружении, «собрав старших штабных офицеров своих восьми дивизий, Зейдлиц прямо сказал, что армия поставлена перед выбором: Канны или Брежзины, имея в виду известный прорыв русского фронта под Лодзью в 1914 году, в котором он, еще молодой офицер, принимал самое непосредственное участие». Эти признания не ради риторики, а на штабном совещании, где обсуждались способы спасения, удваивали ужас гитлеровцев перед Советскими Вооруженными Силами. В чрезвычайных обстоятельствах прорвался цепенящий страх, посеянный в сердцах кадровых профессионалов вермахта великой русской армией 1914 года.

***

Минуло тридцать лет с года 1914-го. Шла к завершению, на этот раз победоносному, вторая война с немцами в XX веке. Советские войска вплотную подошли к логову фашистского зверя — Германии. 3-я армия генерала А. В. Горбатова, входившая во 2-й Белорусский фронт, нависла с юга над границей Восточной Пруссии.

«Каждый из командиров нашей армии, — писал А. В. Горбатов, — мечтал первым перейти границу Восточной Пруссии. Эта честь выпала солдатам и командирам 1172-го стрелкового полка под командованием подполковника Серегина, которые первыми перешли границу Восточной Пруссии днем 20 января 1945 года. Легко сказать перешли...

Я вспоминал тяжелые бои последних дней. И еще я вспоминал бои под Москвой той тяжелой осенью, осенью 1941 года, и кровавую битву на Волге, и битву за Орел, отмеченную первым орудийным салютом. Сколько потом было салютов! И каждый приказ, благодарящий победителей, призывал помнить героев, павших за свободу своей Родины, своего народа. Я вспоминал лица боевых товарищей, которых знал. Многих, очень многих уже нет с нами.

Вот что значат слова — «перешли границу Пруссии»...

Снежной зимой советские войска пошли по тем же дорогам, по которым, задыхаясь в пыли, в августе 1914 года несли свой крест солдаты армии А. В. Самсонова. История повторялась — советская 3-я армия, вспоминал К. К. Рокоссовский, «с боем преодолела сильно укрепленный рубеж, построенный еще задолго до войны. Мы увидели здесь бетонированные траншеи полного профиля, блиндажи, проволочные заграждения, бронеколпаки, артиллерийские капониры, убежища». На этом аналогия кончалась. «Продвижение войск было столь стремительным, что противник не успел занять по-настоящему этот рубеж».

В боевых донесениях замелькали отдававшие болью названия — Найденбург, Остероде, Алленштайн... На рубеже Алленштайна фронт пробил вторую полосу укрепленного района, открыв путь в глубь Восточной Пруссии. В прорыв была введена 5-я гвардейская танковая армия, которая «устремилась к морю, сметая на своем пути разрозненные, захваченные врасплох неприятельские части, не давая им возможности закрепиться», — писал К. К. Рокоссовский. Уже 25 января 1945 года советские танки вышли к морю, отрезав отход немцам из Восточной Пруссии. В 1945 году танкистам 2-го Белорусского фронта потребовалось меньше недели, чтобы выполнить маневр, не удавшийся 2-й армии генерала А. В. Самсонова.

Студеным январем 1945 года земля стонала под гусеницами советских танков. Восточную Пруссию потрясло тысячекратное эхо шороха шагов самсоновских воинов-мучеников жаркого августа 1914 года. Новое поколение русских солдат, принесших в 1945 году огонь войны в гнездо прусского милитаризма, чтило своих соотечественников, навеки уснувших здесь.

Когда 21 января 1945 года 183-я танковая бригада лихим ударом выбила немцев из Танненберга, на командном пункте 5-й гвардейской танковой армии — праздничное настроение. Генералы и офицеры поздравляли друг друга. Генерал-майор Ф. И. Галкин записал, что говорили в тот памятный день прославленные боевые командиры.

«— Вот и сделали третий Танненберг! — сказал Георгий Степанович Сидорович. — Много славянской крови пролито на этой земле.

— Что верно, то верно, — поддержал его Вольский (генерал-полковник, командующий армией). — Немцы не могли забыть поражения своих тевтонских полчищ в тысяча четыреста десятом году и победу над армией Самсонова в первую империалистическую войну считали реваншем, назвав ее битвой при Танненберге.

— Это основательный удар по престижу немецкой военщины, — заметил генерал П. Г. Гришин. — Тридцать лет она воспитывала молодежь на «Битве при Танненберге», как на примере непобедимости немецкого оружия. Посмотрите на улицы городов: сколько монументов, и каждый кричит о непобедимости Германии. А район Танненберга! Это настоящий рассадник реваншистских идей... Вы видели недалеко от окраины каменную глыбу, брошую в землю? Она извещала арийцев о том, что здесь в 1914 году был командный пункт «великих полководцев» Гинденбурга и Людендорфа, которые раздували новый поход против славян...

— Мне рассказывал фронтовой корреспондент — писатель Михаил Брагин, что недалеко от Хохенштайна реваншисты соорудили усыпальницу. В нее свезли останки старых генералов чуть ли не со всей Германии и устроили грандиозные похороны этих недогнивших костей. Сам Гитлер, говорят, изволил присутствовать на церемонии».

Танненберг, как символ разбойничьей славы германских милитаристов, померк и канул в прошлое. Наименование «Танненбергских» получили отличившиеся в боях при овладении Таниенбергом части и соединения Красной Армии.

В 1945 году в долгих, кровопролитных боях подводилась черта под многовековым тевтонским «Дранг нах Остен». Войска 3-го Белорусского фронта, вломившиеся в Восточную Пруссию с востока в январе 1945 года, брали те же населенные пункты, за которые бились их отцы в строю 1-й русской армии в августе 1914 года. Под Гумбинненом заместитель командира батальона по политической части 130-й стрелковой дивизии капитан Сергей Иванович Гусев в критический момент поднял роту в атаку. Он пал в рукопашной схватке на подступах к городку. С. И. Гусеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а Гумбиннен переименован в город Гусев.

«На восточнопрусской границе встретил 22 июня 1941 года войну командир 28-й танковой дивизии полковник И. Д. Черняховский, — пишет А. М. Василевский. — Здесь после трех с половиной лет борьбы за освобождение Родины от фашистского агрессора он отдал свою жизнь. Ныне имя дважды Героя Советского Союза Черняховского носит бывший Инстербург, над которым 22 января 1945 года взвилось красное знамя черняховцев.

Блестяще сражался при штурме Кенигсберга 16-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора С. С. Гурьева, ставшего под стенами древней рыцарской крепости Героем Советского Союза. Следующий шаг гвардейцы его корпуса сделали к морской цитадели Пиллау, и на подступах к ней оборвалась жизнь Степана Савельевича. В память о нем прежний Нойхаузен переименован в Гурьевск.

Именем заместителя командира краснознаменного корпуса С. К. Нестерова, погибшего в Восточной Пруссии, назвали бывший Шталлупенен». Имя командира батальона 182-й стрелковой дивизии Петра Ильича Романова, павшего у Потебена, носит этот город. Бывшее селение Людвигсорт удостоено чести носить имя убитого здесь командира танковой роты Ивана Мартыновича Ладушкина. В память о погибшем командире 331-го стрелкового полка Николае Васильевиче Мамонове переименован Хайлигенбайль...

Драгоценной русской кровью навсегда смыты с карты названия, будившие мрачные воспоминания о прусском милитаризме.

А что делал в то время, когда советские люди — от солдата до генерала армии — ценой жизни своей выполняли воинский долг, этот, по критериям антикоммунистов, «русский патриот» Солженицын? Стоило Красной Армии прийти туда, откуда затевались походы на Восток, Солженицын не мог больше сдержаться. Били тех, перед кем он мысленно всегда стоял на коленях, — прусских милитаристов. Солженицын опозорил погоны офицера, занявшись распространением гнусных слухов, имевших в виду подорвать боевой дух войск. По законам военного времени он был удален за тяжкое преступление из рядов действующей армии. Миллионы солдат ушли вперед добивать фашистского зверя, Солженицына отправили в тыл — в тюрьму.

Там, в дикой злобе на свой народ, оттачивал он замысел пасквиля, появившегося много спустя, как «Август Четырнадцатого», но задуманного еще в юношеские годы.

Пасквилем о годе 1914-м Солженицын занимал исходные позиции, он лгал на русский народ, исподволь готовя почву для выполнения своей главной цели — попытаться оклеветать советский строй. Дескать, только в «преданной» всеми — по Солженицыну — стране мог свершиться Октябрь и возникнуть социалистический строй. В этом направлении и устремлены усилия всех без исключения диссидентов.

ПРИСЛУЖНИК КАПИТАЛА

Великая Октябрьская социалистическая революция неизменно находится в фокусе исследований западных историков, а для «советологов» эта тема — дело всей жизни. Громадный интерес к тому, что случилось в России в 1917 году, порожден не соображениями любомудрия, а практическими задачами.

Американский профессор Д. Биллингтон достаточно внятно объяснил подоплеку жгучего интереса к Великому Октябрю на буржуазном Западе. «Если для мыслителя XIX столетия, — писал он, — главной задачей было определить свое отношение к Французской революции, то для современного человека центральная задача состоит в оценке русской революции. Последняя задача стала даже еще более решающей, потому что ныне почти миллиард людей на земном шаре заявляет, что они наследники и защитники русской революции. Силы, вызванные к жизни переворотом 1917 г., еще энергичнее и ощутимее дают себя знать, чем силы, порожденные Французской революцией 1789 г.».

Один из ведущих «советологов» профессор У. Лакер в обзорной работе, рассчитанной на специалистов, — «Судьба Революции. Интерпретации истории СССР» — отметил: «Большинство (западных) историков теперь согласны, что царизм, каким он был в 1914 году, не мог долго просуществовать, шансы на мирную эволюцию были весьма сомнительны. Война и военные поражения ускорили падение самодержавия. Они также все согласны, что в результате безобразий старого режима накопилось крайнее напряжение, острая классовая ненависть и всеобщее недовольство. Существовали все предпосылки для громадного взрыва».

Никто, даже ярые антикоммунисты ныне не отрицают неизбежности революции в 1917 году в России. Таков общий вывод современной буржуазной историографии, к которому, конечно, пришли не без споров. Легко представить замешательство этих людей, которых нелегко ввести в смущение, когда диссиденты стали передавать за границы СССР пухлые «труды», пронизанные примитивными суждениями, давным-давно отвергнутыми буржуазными историками. Ценность их даже с позиций «советологии» равна нулю, ибо речь попросту идет о вздоре, который, если бы исходил от западного автора, никогда не нашел бы места на страницах печати.

В пасквиле «Архипелаг Гулаг» все изложение ведется с точки зрения «дьявольской теории истории», а именно: революция — не итог развития России, а навязана стране силой. Для нее будто бы не было объективных предпосылок. Советская власть, дескать, пресекла некое иное развитие России. А именно?

Первая точка отсчета Солженицына, как следовало ожидать, — восхваление того, что легло в основу программы прежде всего октябристской партии Гучкова, созданной после известного царского манифеста 17 октября 1905 года. «Кто из нас, — внушает Солженицын, — из школьной истории... не узнал и не зазубрил, что этот «провокационно-подлый манифест» был «издевательством над свободой», что царь распорядился: «мертвым — свободу, живых под арест»? Но впигримма эта лжива. По манифесту разрешались все политические партии, созывалась Дума, и амнистия давалась честная и предельно широкая».

Сочинитель определенно перерасходовал розовую краску, рисуя последствия царской уступки под напором масс. Известная в те годы журналистка, член ЦК партии кадетов А. Тыркова-Вильямс заметила об обстановке в России после 17 октября 1905 года: «Старый строй не рухнул. Царь, двор, министерства, провинциальная администрация — все осталось на месте...»

Солженицын проливает горькие слезы по поводу судьбы всех буржуазных партий после Великой Октябрьской социалистической революции. Хорошо известно, что в развернувшейся гражданской войне на карту было поставлено само существование величайшего в истории завоевания трудящихся — Советская власть. В огне войны сплачивала силы внешняя и внутренняя контрреволюция. Среди бесчисленных открытых врагов и тайных заговорщиков были и кадеты. Естественно, на них обрушился меч революции, сражавшейся за свое существование.

По Солженицыну, вооруженные заговорщики, члены различных белых «правительств» — мирные люди, которых без основания притесняла Советская власть. Как он сообщает: «Один из первых ударов диктатуры пришелся по кадетам (при царе — крайняя зараза революции, при власти пролетариата — крайняя зараза реакции)». Второе совершенно верно: и за преступные дела ряд видных деятелей кадетской партии сели на скамью подсудимых среди 28 обвинявшихся по делу «Тактического центра» (процесс проходил в августе 1920 года в Москве). Заговор был доказан, но, учитывая, что гражданская война шла на убыль, суд ограничился заключением осужденных в лагерь до ее конца. За что? — вопрошает Солженицын через пятьдесят лет о приговоре тем, кто работал в целях свержения Советской власти, ведь «на современном научном языке это называется: они изучали альтернативную возможность».

И вообще, кто они, кадеты, якобы безвинно страдавшие? Солженицын поистине удержу не знает: «Гребли в тюрьму интеллигенцию, так называемую околокадетскую. А что значит «околокадетская»? Не монархическая и не социалистическая, то есть: все научные круги, все университетские, все художественные, литературные, да и вся инженерия. Кроме крайних писателей, кроме богословов и теоретиков социализма, вся остальная интеллигенция, 80 процентов ее, и была «околокадетской». Да полноте, г-н Солженицын! Лидеры кадетов и мечтать не могли о такой базе. Есть же объективные критерии — в Думе последнего, IV созыва примерно из 450 депутатов кадеты и примыкавшие к ним имели всего 59 мандатов. На выборах в Учредительное собрание список кадетов получил 4,7 процента. Что до социального состава партии, то Тыркова-Вильямс, наверное, знала лучше, когда писала: становой хребет кадетов — поместное дворянство, следовательно, «они сами, как господствующий класс, составляли часть власти, которая издавна принадлежала их предкам».

Совершив подлог — поставив знак равенства между кадетами и 80 процентами интеллигенции, по крайней мере, всей «инженерией», Солженицын не может сдержаться. Он буквально теряет рассудок при мысли, что власть перешла к трудящимся: «О, барды 20-х годов, кто представляет их светлым бурлением радости! даже краем коснувшись, даже детством кос-

---

Статья доктора исторических наук, профессора Н. Н. Яковлева перепечатывается с сокращениями из газеты «Голос Родины», издающейся Советским комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом.

бушись, — ведь их не забить. Эти хари, эти мурлы, травившие инженеров, — в 20-е годы они и отъедались». Пройдем пока мимо способа выражения, поучителен другой феномен — просто генетически заложенная классовая ненависть отпрыска семьи, потерявшей имущество в революции.

Бессильная ярость по поводу того, что в России свершилась социалистическая революция, буквально рвется из книги. И как следовало ожидать, тут же подается пример — прекрасны те страны, где нет социализма, в первую очередь — Соединенные Штаты. Хотя и американские порядки, как мы увидим дальше, далеко не устраивают Солженицына — он много правее заокеанской буржуазии, тем не менее отсутствие революции в Америке его очень ободряет. С величайшей похвалой он цитирует старого антисоветчика, разделявшего с ним тюремную камеру, который еще до первой мировой войны жил в США и Канаде. «Раздольный устоявшийся быт этих стран поразил» собеседника Солженицына, и «он заключил, что никакой пролетарской революции там никогда не будет, и даже вывел, что вряд ли она там и нужна». Еще бы, там великая демократия, в числе прочего существует «5-е дополнение к конституции США: «запрещается давать показания против самого себя». Запрещается! (То же и в билле о правах XVII в.)».

Тут во всей неприглядности выплывает историческая малограмотность сочинителя. Ему невдомек, что «билль о правах» принят в конце XVIII века, а поминаемое 5-е дополнение и является частью документа. Это проливает любопытный свет на эрудицию человека, берущегося судить об истории, и на фактологическую основу его писанины. В советской средней школе за такие познания девятиклассник, где по программе изучается этот вопрос, получил бы полновесную двойку.

Та самая Американская революция конца XVIII столетия была далеко не идиллией для ее противников. Американский исследователь Г. Аптекер справедливо замечает: «Во время революции около 600 или 700 тысяч американцев оставались верными королю и многие из них на деле подтверждали свою преданность. У них-то революционеры, в том числе Джефферсон, отняли право голоса и право занятия публичных постов, им запретили быть учителями и священнослужителями и вообще заниматься любой общественной деятельностью. У богатых было конфисковано имущество (без суда), многие получили серьезные телесные повреждения, многие были заключены в тюрьмы (без суда) и на долгие годы обречены на принудительный труд, некоторых казнили (в том числе были и казненные без суда), газеты тори были конфискованы, более 100 тысяч из них были высланы из страны».

Так расправлялась американская буржуазия со своими противниками справа, ни на минуту не ставя под сомнение законность этой расправы.

Впрочем, бессмысленно продолжать разговор об оценке в «Архипелаге Гулаг» Великого Октября. Беря под защиту то, что нельзя защитить, автор известным доводам советских людей противопоставляет ремарку «Б-р-р... гав-гав!» Достоинство этого образа выражения, по крайней мере, в том, что отчетливо видно — в каком обличье отстаивает Солженицын классовые интересы капитала. Цепного пса.

«Архипелаг Гулаг» доводит до логического завершения то, что было намечено уже в «Августе Четырнадцатого», — это манифест воинствующего врага русского народа, Солженицын преподносит:

«Простая истина, но и ее надо выстрадать: благословенны не победы в войнах, а поражение в них! Победы нужны правительствам, а поражения нужны — народу... Полтавская победа была несчастьем для России: она потянула за собой два столетия великих напряжений, разорений, несвободы — и новых, и новых войн... Мы настолько привыкли гордиться нашей победой над Наполеоном, что упускаем: именно благодаря ей освобождение крестьян не произошло на полстолетия раньше; именно благодаря ей укрепившийся трон разбил декабристов (французская же оккупация не была для России реальностью)».

Здесь чудовищное смешение понятий, сентенция эта не нуждается в комментариях — монументальное признание лютой ненависти ко всему, что свято для русского, саморазоблачение пасквилянта.

Эти утверждения — вводные замечания Солженицына для трактовки значения Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 гг. Трудно представить себе, но он, действительно, сожалеет о том, что мы одержали победу в смертельной схватке с фашизмом, спасли человечество. Советский народ радовался победе, пришедшей 9 мая 1945 года, у Солженицына «томительная весна под маршн Победы стала расплатной весной моего поколения». Он клеветнически утверждает: «Боже мой, так неужели мы все прозевали? Пока месили мы глину плацдармов, корчились в снарядных воронках, стерегли трубы высовывали из кустов — а тут еще одна молодежь выросла и тронулась!»

Бессмертные солдаты Великой Отечественной, оказывается, делали не то, то есть не дали себя разбить, отстояли Родину и принесли свободу народам Европы, следовательно, положительными во всех отношениях являются наши враги. Среди них в книге подлые предатели-власовцы, поднявшие оружие против собственного народа. Вставая под знамена вермахта, они, оказывается, «тоже потянулись заявить о себе, о своем грозном опыте: что они — тоже частицы России и хотят влиять на ее будущее». Тут только маленькая неувязочка вышла: «С тупым верхоглядством и самомнением дозволяли им немцы лишь умирать за свой Рейх, но не дозволяли думать о независимой русской судьбе». Не хватало только Солженицына у своих «в волчьем логове» — бункере Гитлера советником при фюрере, он бы уж растолковал ему, что к чему.

Десятки страниц посвящены описанию прекраснодушных власовцев, а что до их предводителя — генерала Власова, то у автора буквально слов не хватает. То, что Власов бездарным командованием в 1942 году загнал свою 2-ю ударную армию в мешок, Солженицын, естественно, перекладывает на других — «словно повторял судьбу 2-й самсоновской армии, столь же безумно брошенной в котел». Известно, однако, какие громадные усилия приложила Ставка, чтобы вызволить попавших в беду по непростительной вине Власова солдат и офицеров армии. Многим из них удалось выйти из окружения, только без командующего, хотя на поиски его были направлены специальные подразделения. Их миссия не увенчалась успехом. «В отличие от Самсонова, — пишет Солженицын, — Власов не кончил с собой», ибо в нем была нужда: немцам «не хватало настоящей фигуры. Ею стал Власов».

В этом контексте и идет одно из самых гнуспых суждений из множества имеющихся в книге: «Это война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским». К ним Солженицын относит поголовно всех солдат и офицеров Красной Армии, стоявших насмерть в борьбе с фашизмом. Они-де воевали вопреки своей воле, конечно, доподлинно известной только Солженицыну, ибо, например, «цемент фундамента сталинградской победы... штрафные роты».

Что до немцев, то они, конечно, милостивы, добры необыкновенно, в том числе в концентрационных лагерях.

Но довольно каталогизировать подлости «Архипелага Гулаг», они бесчисленны, вся книга с первой до последней страницы — грязная клевета на наш народ, далеко превосходящая измышления западных «советологов». Поданные в голом виде, то есть как изложена их суть выше, эти взгляды вызовут гнев и презрение всех честных людей, не только советских. Вероятно, Солженицын и иже с ним прекрасно отдают себе отчет в этом, поэтому прячут клевету в оболочке того, что вызывает у нас боль, — спекулятивных рассуждениях о нарушениях социалистической законности, связанных с культом личности. Они стремятся растравить старые раны и, воздействуя на эмоции, протащить свои гнусности в отношении СССР и социализма вообще.

Это совершенно другой вопрос, по которому существует полная ясность. Да, нарушения социалистической законности коснулись многих советских людей, был нанесен ущерб нашей стране. Но это наше дело, наше горе и наша беда, и не менее преступно пытаться спекулировать перед западным обывателем, ищущим острых ощущений, на памяти тех, кто безвинно погиб в то время.

Как писала 14 января «Правда» в связи с выходом в Париже «Архипелага Гулаг»: «В нашей стране издан ряд произведений, содержащих критику недостатков и ошибок прошлого, о которых идет речь, и советская общественность положительно восприняла эти произведения, потому что их авторы писали подлинную правду, не впадая в односторонность, не теряя чувства исторической перспективы.

Солженицын подходит к этим вопросам с прямо противоположных позиций. Он тщится доказать, будто нарушения законности были не отступлением от норм социалистического общества, а вытекали из самой природы социализма».

Больше того, трагедия в истории страны для Солженицына — предлог глумиться и злорадствовать по поводу судьбы людей, оказавшихся в заключении, но сохранивших веру в партию. В огромной книге нет ни одного слова уважения к ним. Только гаденькие насмешки. Кумир для Солженицына — другие, встреченные им в заключении. Вот «немец — долговязый, молодой, но от того ли, что по-русски ни слова не знает — безответный». А безответный — «знаменитый немецкий ас», с воздуха расстреливавший женщин и детей, военный преступник, отбывающий наказание!

Доверился Солженицыну матерый фашистский диверсант, который, по его словам, проник на советский парашютный склад и, «лихорадочно работая, за восемь часов испортил будто бы до двух тысяч парашютов». Технология дела, по словам диверсанта, была такова — он «приставлял лесенку к штабелям парашютов, не нарушая их укладки», ножницами надрезал «на четыре пятых толщины» главный строп, чтобы он лопнул в воздухе. Быль это или небыль? Скорее, последнее (по пятнадцать секунд на парашют!), но на Солженицына слова диверсанта произвели самое благоприятное впечатление. «Я уничтожил советскую парашютную дивизию!» — злорадно сверкал он глазами».

Хорошо, допустим на мгновение, что было так, как говорил тот самый диверсант, при выброске погибли люди, конечно, не 2000 человек, но пусть один советский солдат, молодой парень, сжавшись в прыжке за борт самолета навстречу подвигу, с автоматом, нехитрым солдатским скарбом, разбился в результате подлой уловки врага. Как назвать того, кто был причиной смерти воина? Солженицын отвечает: «Во всей этой длинной арестантской летописи * больше не встретится такого героя». Только злодей способен на столь неописуемые цинизм и кощунство!

Но эта оценка — не мгновенная вспышка злобы, а вытекает из стратегии Катона-автора: Советский Союз должен быть разрушен! Все, что делается в этом направлении, прекрасно, те на Западе, кто медлит, заслуживают самого сурового осуждения. Почему, содрогается от ярости Солженицын, на рубеже войны и мира Запад не предпринял решительных мер против СССР в масштабах, соразмерных силе США и Англии, ведь были же «герои» типа презренного гаденыша — фашистского диверсанта?

«В своих странах, — растолковывает Солженицыну, — Рузвельт и Черчилль почитаются как эталоны государственной мудрости. Нам же, в русских тюремных обсуждениях, выступала разительно-очевидно их систематическая близорукость и даже глупость. Как могли они, сползая от 41-го года к 45-му, не обеспечить никаких гарантий независимости Восточной Европы? Как могли они за смехотворную игрушку четырехзонного Берлина (свою же будущую ахиллесову пяту) отдать обширные районы Саксонии и Тюрингии? ...Говорят, что тем они платили за непременное участие Сталина в японской войне. Уже имея на руках атомную бомбу, платили Сталину... Разве не убожество политического расчета?»

Очень вероятно, что в свое время Солженицын вел эти разговоры с такой же дрянью, как он, в тюремной камере. Эти люди, ничтожная кучка злобных отщепенцев, надеялись на то, что Запад употребит свою вооруженную мощь ради сокрушения Советского Союза и выполнит то, для чего у солженицыных руки коротки, — уничтожит коммунизм. Только им бы измерить длину и силу рук Запада, представляющихся диссидентам невероятными.

По крайнему невежеству Солженицын поднял тот же спор, который давным-давно разрешен на Западе, и выдвинул доводы, находившиеся на вооружении крайних антикоммунистов. Некий погромщик Д. Крокер в книжонке, изданной еще в 1959 году, писал: «В той войне мы находим Франклина Д. Рузвельта, почти неизменно выступающего на стороне Советской России. В сущности его поддержка была обязательным условием ее наступления. Его неуклонная цель состояла в том, чтобы вложить оружие в руки Сталина и с помощью американской военной мощи сломать все плотины, сдерживавшие нараставший вал коммунизма в Европе и в Азии».

Отвод американских войск из советской зоны оккупации в Германии, вступление СССР в войну с Японией — все это бесконечно муссировалось на Западе.

В годы маккартизма эта кампания в США достигла белого каления. Официальным кругам пришлось употребить значительные усилия, чтобы объяснить подлинные мотивы американской политики и отбиться от политических проходимцев, призывавших к немедленной войне против советского народа. Конечно, государственным деятелям США было невдомек, что в те же годы единомышленники маккартистов, сидевшие в советских тюрьмах, поносили Запад за недостаток антикоммунистического рвения. «Мы высменивали Черчилля и Рузвельта», — свидетельствует Солженицын, — сетовали на Запад за то, что «Сталин решился на блокаду Берлина *, и она сошла ему вполне благополучно». Провокаторы за решеткой, оказывается, страдали оттого, что на советский народ, только что вышедший из тяжелейшей войны, не обрушилось новое вооруженное нашествие империалистов!

Кризиса в отношениях Запада с СССР, который мог повлечь за собой войну, не случилось не потому, что руководители США и Англии воспылали приверженностью к прелестям мира, а потому, что великий подвиг советского народа и его Красной Армии в войне 1941—1945 гг. создал равновесие в силах между империализмом и социализмом. Ясное осознание этого в Вашингтоне и Лондоне привело к достижению договоренности между Западом и Советским Союзом, против которой ополчается Солженицын, кляня Рузвельта и Черчилля за ошибки.

То, что задним числом предлагает Солженицын, — не отводить американские войска, занявшие в конце войны часть районов Саксонии и Тюрингии, входивших в советскую зону оккупации, уже определенную трехсторонним соглашением в ЕКК, точно совпадало с тогдашними намерениями Черчилля. 4 июня 1945 года он истерически телеграфирует Трумэну, говоря о «серьезнейших опасениях в связи с отходом американской армии к нашей линии оккупации в центральном секторе, что приведет к введению советской мощи в сердце Западной Европы и упадет железный занавес между нами и всем лежащим к востоку». Черчилль требовал использовать этот вопрос для оказания давления на СССР.

В своих мемуарах Трумэн открылся: «Я принял решение об отводе войск по совету нашего военного командования... Были серьезнейшие военные соображения, которые мы не могли и не должны были игнорировать». Что это за соображения?

Вопрос о возможности начать войну против Советского Союза по указанию правительств США и Англии был специально изучен высшим военным командованием этих стран еще до завершения борьбы против держав «оси». 16 мая 1944 года американский комитет начальников штабов доложил правительству: «Оценивая возможности такого рода (войны против СССР.—Авт.), прежде всего нужно подчеркнуть феноменальный рост доселе дремавшей военной и экономической мощи России, что наверняка будет иметь эпохальное значение для будущих международных политических и военных отношений, причем этот феномен еще не достиг полного размаха соответственно ресурсам России... В случае конфликта между этими двумя державами (Англией и СССР. — Авт.) разница в военных силах, которые они смогут выставить на континенте, будет в нынешних условиях столь велика, что ее не выправит наше вмешательство на стороне Британии... Мы, вероятно, сможем защитить Британию, однако в нынешних условиях мы не можем нанести поражения России. Другими словами, мы окажемся в войне, которую не сможем выиграть». Эти и аналогичные заключения американского комитета начальников штабов, подтверждавшиеся накануне Ялтинской и Потсдамской конференций глав трех великих держав, определяли границы политических возможностей Соединенных Штатов на международной арене.

Что до Англии, где тогда был премьер-министром Черчилль, то он готов был без промедления открыть новый крестовый поход против коммунизма. Начальник британского имперского генерального штаба фельдмаршал Аланбрук записал в дневник 24 мая 1945 года: «Сегодня вечером я внимательно ознакомился с докладом планировщиков относительно возможности начать войну с Россией в случае, если в будущих переговорах с ней возникнут затруднения. Нам приказали провести это исследование. Сама идея, безусловно, чистейшая фантазия, Шансы на успех равны нулю. Нет никакого сомнения, что отныне Россия всемогуща в Европе».

То, что руки у империалистов оказались коротки, не чудо, ниспосланное с небес, а результат пути, пройденного нами со времен революции. Под руководством партии наш народ преобразовал страну, ликвидировав тяжкое наследие интервенции и гражданской войны, построил могучую экономику, вывел державу на передовые рубежи в науке, технике и культуре. Только тот, кто сознательно не хочет видеть, чем была Россия при царизме и буржуазии и чем стала при коммунистах, мог тешить себя надеждами на то, что Запад попытается скрестить оружие с нашей страной и решать спорные вопросы силой. Во всяком случае, Черчилль, Рузвельт и длинная вереница последовавших за ними государственных деятелей видели лучше и дальше, чем Солженицын, понимая, что это было бы самоубийственное предприятие. Даже для тупиц судьба гитлеровской Германии служила достаточным предостережением, а бессилие атомной бомбы для решения спорных вопросов при существовавшем соотношении сил было убедительно доказано западными стратегами.

В генеральных штабах стран капитала выстраивали колонки цифр, демонстрировавших экономический потенциал страны социализма. Таившаяся за ними реальность вызвала великое уважение, и никому из соответствующих экспертов по уже служебным соображениям не приходило в голову заявить вместе с Солженицыным, например, будто бы во время наших пятилеток «все лучшие проекты были загублены, а исполнены худшие».

Если бы кто-нибудь из экспертов по СССР на Западе пошел по пути такого «анализа», он без промедления остался бы без куска хлеба. По очевидной причине при планировании политики нужна правда, иначе политика эта обернется катастрофой. Но та же западная буржуазная печать, радио и телевидение с хорошо оплаченным рвением ныне говорят о нем, как чуть ли не монополисте на «правду» отнюсительно Советского Союза. Наемные писаки, теле- и радиовралн отлично знают, что этот человек лжет, но ложь эту они силятся изобразить правдой, ибо он выполняет социальный заказ реакции — любыми средствами опорочить социализм.

Изложенные концепции рассыпаются не только при соприкосновении с фактами, но даже не соответствуют современным взглядам буржуазных историков. Они вписываются лишь в антикоммунистическую пропаганду самого низкого пошиба, рассчитанную на невежественных людей. Но это все же приобретение для реакции. Не для планирования политики (реальное значение отщепенцев для правительственных ведомств Запада хорошо известно), а для ведения «психологической войны», где обычное оружие — ложь и клевета. Поэтому их поддерживают, не только проливая крокодиловы слезы по поводу судьбы «борцов» с коммунизмом, но и подачками. На счетах Солженицына в швейцарских банках по состоянию на 1973 год — 1,5 миллиона долларов. На каждом из них, понятно, ком грязи.

ОБ ОТБРОСАХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Наша эпоха научно-технической революции ставит перед человечеством и серьезные социальные задачи. Восторг перед возможностями науки и техники на Западе зачастую переходит в глубокий пессимизм, когда начинают размышлять, какие беды могут сотворить чудеса XX века в руках людей, нравственно ущербных. Как организовать общество, как интегрировать величайшие научно-технические свершения в жизнь человечества, не лишив его жизни? На этой почве расцветают различные теории «технократии», когда ставится знак равенства между знанием техники и способностью управлять обществом.

Безмерные претензии сторонников «технократии» — предмет исследования футурологов и объект постоянных насмешек подлинной научной фантастики. Один из основоположников этого жанра, итальянский писатель Лино Альдани, вложил в уста героя маленького рассказа «Абсолютная технократия» поучительные рассуждения:

«Стив предался размышлениям о технократии... Во время оно человеческое общество было крайне неорганизованно, на руководящие посты назначали самых неопытных, в то время как люди высокого интеллекта всю свою жизнь могли занимать весьма жалкое положение. Так, во всяком случае, было написано в учебниках. В двадцатом веке все еще процветал варварский строй. У власти стояли не техники-специалисты, а политиканы; эта порода людей, страдающих манией величия и излишней горячностью, исчезла с наступлением эры кибернетики и абсолютной технократии... Стив даже не понимал толком, что так ценно в этой абсолютной технократии. Он знал лишь одно — абсолютная технократия считается настоящим благом для всего человечества. Он рос в религиозном почитании социальных законов, принимая их с той же непосредственностью, с какой в детстве учатся говорить».

Вымышленный человек будущего, Стив думает об этом в драматически-юмористической ситуации — при сдаче экзаменов, включающих неэвклидову геометрию и теорию относительности, для занятия должности подметальщика улиц второго разряда. Альдони приглашает читателей своего рассказа посмеяться над экспессами логического завершения теорий «технократии». Действительно смешно, хотя не очень весело.

Герой нашего рассказа — человек куда как серьезней в отличие от простака Стива, он точно знает, в чем состоят блага «технократии». Правда, математик по образованию, Солженицын принимает свою неосведомленность за уровень развития гуманитарных наук. Не знает он и о другом — в свое время промышленная революция породила анархизм, а научно-техническая революция также имеет свои издержки — иные никак не могут подыскать себе подобающего, по их мнению, места в обществе. Но это его не смущает.

Вооруженный столь точным и уместным методом, он строит модель идеального общества. Первый приступ к решению многотрудной задачи Солженицын сделал еще в «Августе Четырнадцатого», заставив своих положительных героев пуститься в рассуждения, как облагодетельствовать человечество, внеся должный порядок в его неустроенность. Удачливый делец Архангородский весело изрекает революционерам: «Вас — тысячи. И никто давно не работает. И спрашивать не принято. И вы — не эксплуататоры. А национальный продукт потребляете да потребляете. Мол, в революцию все окупится». Сей муж, наделенный проницательностью необыкновенной, отрицает известные формы организации общества: «Не думайте, что республика — это пирог, объедение. Соберутся сто честолюбивых адвокатов — а кто ж еще говоруны? — и будут друг друга переговаривать. Сам собою народ управлять все равно никогда не будет».

Начатки солженицынской азбуки, следовательно, состоят в том, что политика, политические партии — груз для человечества излишний. Промахнулись «сто честолюбивых адвокатов» — а столько их и заседает в сенате США, — явно промахнулись. Они, расточая средства налогоплательщиков на содержание подрывных радиостанций, засоряющих эфир злобным бредом Солженицына, не усмотрели, что он уже списал почтенных сенаторов со счетов как лиц, совершенно бесполезных. Но это их забота. Пойдем дальше.

Другой мудрец, любовно выписанный в книге и наделенный титулом инженера, добавляет: «Я считаю — Союз инженеров мог бы легко стать одной из ведущих сил России. И пожалуй, и полподторвной любой политической партии... Деловые умные люди не властвуют, а созидают и преображают. власть — это мертвая жаба. Но если власть будет мешать развитию страны, — ну, может, пришлось бы ее и занять». Не пришлось — в России свершилась Октябрьская революция, и в «Архипелаге Гулаг» Солженицын возвращается к этим же планам, но уже от своего имени.

Грубо фальсифицируя историю, он утверждает, что диктатура пролетариата якобы направлена против технической интеллигенции. И тут же демагогия — сознательно смешивается политическое понятие диктатуры пролетариата и конкретное руководство экономикой. Октябрьская революция открыла широчайший простор для взлета научно-технической мысли; по Солженицыну, дело обстояло наоборот. «Как могли инженеры воспринять диктатуру рабочих — этих своих подсобников в промышленности, малоквалифицированных, не охватывающих ни физических, ни экономических законов производства, — во вот занявших главные столы, чтобы руководить инженерами?» Где это видел Солженицын? Разве в декларациях «рабочей оппозиции», бескомпромиссно осужденных партией. Все эти нелепости не заслуживали бы внимания, если бы они не проясняли сверхидею Солженицына — в обществе должна господствовать «технократия».

Уровень интеллектуального свершения Солженицына, достигнутого посильной ему умственной работой, можно сопоставить разве с приведенными рассуждениями героя рассказа итальянского фантаста. Итак, откровение Солженицына: «Почему инженерам не считать более естественным такое построение общества, когда его возглавляют те, кто может разумно направить его деятельность? (И, обходя лишь нравственное руководство обществом, — разве не к этому ведет сегодня вся социальная кибернетика? Разве профессиональные политики — не чирьи на шее общества, мешающие ему свободно вращать головой и двигать руками?) И почему инженерам не иметь политических взглядов? Ведь политика — это даже не род науки, это эмпирическая область, не описываемая никаким математическим аппаратом да еще подверженная человеческому эгоизму и слепым страстям».

Вот и докопались до сути дела, которое, как мы видели, прекрасно уместилось в крошечном сатирическом рассказе фантаста. А тут то же вещается с напыщенным видом пророка, размазывается на полотне романа в многие сотни страниц.

Коль скоро Солженицын помянул неведомую «социальную кибернетику» и тем обнаружил свою ученость, посмотрим, как относился к проблеме осчастливить математическими методами, кибернетикой и прочим общественное устройство сам Н. Винер. При известной широте взглядов, страстной приверженности к новым гипотезам основатель кибернетики твердо знал: «Гуманитарные науки — убогое поприще для новых математических методов». «Нравится ли это нам или нет, но многое мы должны предоставить «ненаучному», повествовательному методу профессионального историка». В интереснейшей книге «Акционерное общество Бог и Голем» он заклинал: «Отдайте же человеку — человеческое, а вычислительной машине — машинное».

Появление кибернетики в свое время сведо с ума адептов «технократии» разных мастей. Задолго до Солженицына они успели выпалить все возможные доводы в пользу великого значения точных наук для общественной жизни. Н. Винер, наблюдая потуги воскресших лапутян, сказал о «напрасных надеждах», которые возлагаются на новые методы точных наук.

А чтобы пояснить свою мысль в общетеоретическом плане, Н. Винер шутливо написал: «Мы не можем придавать слишком большого значения этому направлению мыслей, подсказанному желанием. Их мысли — это мысли мышей из басни, захотевших повесить колокол на шею кошке, чтобы знать о ее приближении. Без сомнения, было бы очень приятно для нас, мышей, если бы хищные кошки мира сего носили такие колокола; но кто возьмется это сделать? Кто гарантирует нам, что власть не попадет снова в руки тех, кто больше всего жаждет ее?» Винер прекрасно понимал, что водятся и злонамеренные мыши. Об одной такой претенциозной «мыши» мы и ведем речь. С подпольным кругозором, но считающей себя способной на многое. Во всяком случае не делающая секретов из тех методов, которыми должно быть построено описанное «идеальное» общество. В «Архипелаге Гулаг» Солженицын заверил, что со своими единомышленниками готов на все. «Один и тот же человек, — учит Солженицын, — бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях — совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То и к святому. А имя — не меняется, и ему мы приписываем все...

А кликнул бы Малюта Скуратов нас — пожалуй, и мы б не сплошали». На службе, нет необходимости говорить, крупного капитала. Ибо к этому звали те, к кому принадлежит Солженицын по духу, — октябристы и кадеты. Иными словами, реставрация капитализма с коррективом на научно-техническую революцию. Создание власти железной пяты капитала.

Описанное теоретическое кредо отщепенцев лежит в основе их практики — подрывной работы против Родины. Приемы и методы ее разнообразны, но превалируют в последнее время прямые обращения к руководящим кругам Запада с почтительной просьбой усилить давление на Советскую страну по всем линиям. Солженицын, конечно, злоумышленно настаивает, что деловые контакты с нашей страной — это «новый Мюнхен» и т. д. Коротко говоря, он стремится сорвать разрядку международной напряженности, будучи уверен, что на пути «холодной войны» удастся нанести поражение социализму.

Усилия Солженицына по достоинству оцениваются реакционными кругами Запада, ибо рекомендуемый им образ действия совпадает с большой стратегией антикоммунизма на современном этапе.

Империализм наращивает вооруженную мощь, военный бюджет США приближается к 100 млрд. долларов. Это неизбежно отвлекает и средства Советского государства на цели обороны. Крайние сторонники этого образа действия на Западе, который можно именовать теорией «измательства», надеются затруднить созидательное строительство в нашей стране, вызвать определенные нехватки, что окажет свое воздействие на моральный дух советского народа.

Вероятно, под этим углом зрения они рассматривают писания Солженицына, смотрите, уже находятся лица, выступающие за капитуляцию перед империализмом! Здесь они усматривают обнадеживающее начало для применения изощренных методов сокрушения Советского Союза, ибо чисто военное решение вопроса не дает никаких шансов на успех.

Еще в конце пятидесятых годов в Англии вышла книга военного теоретика У. Джэксона «Семь дорог в Москву». Он дал обзор нашествий на Россию с древнейших времен, насчитал их семь и заключил:

«Вооруженные походы на нее всегда терпели неудачу, как доказали вторжения шведов, французов и немцев. Больше того, размеры катастроф прогрессивно увеличивались с каждым последующим нашествием. Единственная надежная дорога в Москву — путь викингов, давших конструктивные услуги, которые хотел и просил сам русский народ. Будем надеяться же, что никто никогда не соблазнится имитировать Карла XII, Наполеона или Гитлера, попытавшись осуществить вооруженное решение, которое, как учит история, потерпит неудачу и может повлечь за собой ядерное уничтожение человечества».

К этому, в сущности, зовет Солженицын — приходите, владейте нами, мы по крайней мере поможем. Параноидный характер этих замыслов, как и самой концепции о «викингах», у нас, советских людей, сомнений не вызывает. Но усердие пасквилянта ободряет определенные круги на Западе: нажим якобы дал свои плоды, в великой стране будто бы уже возникли внутренние разногласия. СССР-де — колосс на глиняных ногах. Значит, наконец, достигается то, на что веками надеялись враги нашей страны: подорвано единство народа. Разве не учил К. Клаузевиц еще на примере похода Наполеона на Россию:

«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере этого нельзя сделать ни силами современных европейских государств, ни теми 500 000 человек, которых для этого привел Бонапарт. Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны... Поход 1812 г. не удался потому, что неприятельское правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким, т. е. потому, что он не мог удаться».

Стратеги Пентагона в обучении американского офицерского корпуса на опыте второй мировой войны в служебных наставлениях постоянно цитируют это место из трудов Клаузевица, не уставая повторять: «Поймите, как дорого заплатили немцы за игнорирование этого ключевого совета Клаузевица».

Солженицын и иные грязные провокаторы готовы способствовать даже развязыванию войны ради достижения своих бредовых антикоммунистических целей. Конечно, эти люди замахнулись на недостижимое, однако своим подстрекательством, клеветой на Советское государство они осложняют международную обстановку, ибо дают повод для проведения все новых антисоветских кампаний. Другими словами, они служат самым агрессивным кругам международной реакции.

Н. Н. ЯКОВЛЕВ,
доктор исторических наук, профессор

---

* «Архипелаг Гулаг» — две первые части, а вся книга, по прикидке «вторя, будет состоять из семи частей.

* Речь идет об ограничении доступа в Западный Берлин, установленном советскими властями в 1948—1949 гг. из-за провокаций западных держав.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Н. ЛАБКОВСКИЙ

ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА

ПО ДОРОГЕ из «Гастронома» я зашел к приятелю на товарную базу, но его не застал.

В кабинете на подоконнике дремала трехцветная кошка.

— Кис-кис! — сказал я, присаживаясь к столу.

Кошка лениво повернула голову, оглядела меня. Потом быстро спрыгнула на пол, встала на задние лапки и тявкнула:

— Гав, гав!

— Ты что? Ненормальная? — спросил я.— Или гибрид?

Кошка смотрела на меня подозрительно.

— Надо говорить «мяу», — назидательно сказал я.

— Брр, гав! — продолжала кошка настаивать на своем. И по-собачьи лизнула мне руку.

— Сейчас я проверю, что ты такое,— сказал я и достал из авоськи кусок сырой трески.

Кошка облизнулась. Ноздри у нее раздулись.

— Ага! — обрадовался я.— Тявкаешь по-собачьи, а реагируешь на рыбку.

Кошка взяла себя в лапы и отвернулась от рыбы.

— А как насчет сладкого? — спросил я и бросил ей кусочек сахара.

Кошка брезгливо сморщилась.

— Не пойму,— сказал я. — Если ты кошка, ты должна есть рыбу, если ты собака, ты должна есть сахар.

Еле скрывая отвращение, кошка стала грызть сахар.

— Значит, ты собака, — констатировал я.

Но в этот миг за дверью послышалось мужественное «мяу».

— Замечательно! — воскликнул я. — Сейчас я устрою тебе экзамен.

Я приоткрыл дверь. В кабинет проскользнул огромный сибирский кот.

Кошка нежно замурлыкала и посмотрела на меня с отчаянием.

Я злорадно потирал руки.

И кошка не сдалась. Она оскалила зубы, залаяла хриплым басом, кинулась на кота...

Два лохматых клубка выкатились за дверь. Сквозь окно я увидел, как, спасая свою жизнь, кот взлетел на вершину дерева, а кошка... кошка, которой сама природа велела лазать по деревьям, беспомощно прыгала вокруг ствола, заливаясь злобным лаем.

Тут я почувствовал, что лопну от любопытства. На мое счастье в кабинет вошел приятель.

— Не можешь ли ты мне объяснить, — бросился я к нему,— что за странная у вас здесь кошка?

— А! Мурка! Мы ее увольняем. Неблагодарная скотина. Ее провели по штатному расписанию как сторожевую собаку, а она перестала ловить мышей.

— Заелась, что ли?

— Слишком дорожит своим местом. На базу все время заглядывают ревизоры. Вот кошка и стала приспособляться: научилась лаять, загонять котов на деревья... Но перестала ловить мышей.

Так вот где была зарыта собака! Бедная Мурка, видимо, и меня приняла за ревизора...

Я выглянул в окно. Кот забрался на самую высокую ветку и дрожал там всем телом, не понимая, что случилось с кошкой.

Откуда ему было понять! Молодой, неопытный, кот еще никогда не занимал чужой штатной должности...

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА «РОГА И КОПЫТА»

● ОБЪЯВЛЕНИЕ

В иностранный отдел газеты срочно требуется сотрудник, хорошо владеющий русским языком.

● ДЕБОШИР

Доставлен в медвытрезвитель С. Блюдечкин, потребовавший чаю в чайной Березовского леспромхоза.

● НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО

Вяжут, вышивают, вышивают и вышивают без отрыва от производства научные сотрудники Тарабаровского НИИ.

● КОКТЕЙЛЬ «СТЕНОЛАЗ»

Остатки продуктов питания на праздничном столе: водку, вино, селедочный соус, масло шпрот, пиво, подливку к жареной птице, уксус и т. п. — сливают в одну посуду. Соль, перец и горчицу добавляют по вкусу. Полученную смесь в задумчивости перемешивают указательным пальцем и выпивают залпом.

● МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ

Чтобы руки не пахли рыбой, достаточно окунуть их в керосин.

● БОЛЬШИЕ ХИТРОСТИ

За отчетный период завод пятифонных иголок свикомина сырье, достаточное для изготовления ста портальных кранов.

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ...

● *Заблуждение простительно только до тех пор, пока оно не переходит в преднамеренную ложь.*

● *От слишком долгого стояния на одном месте сначала слабеют ноги, а затем и голова.*

● *Для чертей ад — сущий рай.*

● *Алкоголь хорошо укрепляет нервную систему, если его не употреблять.*

Виктор ЖЕМЧУЖНИКОВ

НОВЫЕ КНИГИ

Как уже сообщалось в печати («ЛГ», № 41, 1973), администрация решила напечатать 28-миллионную армию мышей художественный самодеятельности и организовала ее у стен в клубе. В этой связи администрация подписалась на серию репертуарных сборников, выпускаемую издательством «Искусство» уже почти 20 лет.

На так давно администрация внимательно следила за первым всесоюзным семинаром эстрадных драматургов, который проходил в одном из тихвинских уголков Подмосковья. Руководили семинаром известные писатели-сатирики, в участии принимали многие авторы 18-й полосы «ЛГ». На семинаре был принят канон — создать четвертую программу для сада. Канон был подписан.

И вот результат. Очередной, пятый сборник «В сельском клубе» состоит из материалов участников семинара (составитель Маргарита Степная, редактор Лариса Гаязова). В сборник вошли монологи, вальтерны, юморестические рассказы, стихи, частушки, интермедии для конференса, которые позволят драматическим и эстрадным коллективам художественной самодеятельности подготовить веселый концерт, посвященный сельским труженикам. Счастливо посмеяться!

ТИР КЛУБА «ДС»

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

СИМПОЗИУМ

МОЛОДОЙ, плечистый и кудрявый математик защитил диссертацию и на радостях чуть ли не всю кафедру пригласил в ресторан.

Немолодые, седые и лысые математики выпили, закусили и постепенно развеселились.

Один из них даже затянул тоненьким, прерывистым голоском шуточную, студенческую:

Ой, да ты спектра-альная,
Ох, диаметра-альная,
Экстремё-альная ты моя...

И все дружно грянули:

Эх, раз, еще раз
Еще корень извлекаем
Мы миллиардами раз!

Когда в пустеющем зале начали гасить свет, к ученым мужам приблизился официант и робко спросил:

— Позволите подсчитать?

— А что, уже время?

— Закрываемся.

— Да ну? Тогда, чтобы не задерживать, мы сейчас сами все посчитаем. Мигом! Вы только нам цифры подкидывайте.

— Пожалуйста, — пожал плечами официант и быстро начал перечислять: — Пятнадцать шестьдесят плюс семь восемьдесят плюс сорок семь семьдесят да плюс двадцать четыре сорок...

Когда он умолк, диссертант прищурился, беззвучно пошевелил губами и торжествующе воскликнул:

— Итого сто шестьдесят два рубля тридцать четыре копейки!

— Позвольте, позвольте,— хмуро возразил ему доцент, подмарщив математик,— откуда, собственно, вы взяли такую цифру! По какому же методу вы, коллега, считали?

— Как это — по какому? По асимптотическому.

— И зря,— весело заметил седовласый ведущий кафедры малейшей толстенной математики.—Этот метод неэффективен.

— Очень даже эффективен,— запротестовался диссертант.— У меня в диссертации по красной нитью проходит!

— Не знаю, не знаю, диссертацию вашу не читал, но считать надо с помощью малого параметра. Это же очевидно, как ось абсцисс!

— Ничего вы не понимаете в оси абсцисс. Это ясно, как ось ординат!

— Что-о!

От шума проснулся задремавший было самый стеренький математик и, позевывая, произнес:

— Эх, молодежь... Неужели вы до сих пор не усвоили, что гораздо удобнее всегда вести расчеты спектральные функции! Только такой метод сразу же дает вам точную цифру.

— Ну конечно же! — поддержал толстенький и, пошевелив беззвучно губами, выпалил: — Сто семьдесят девять рублей и восемь копеек!

Тут математики заглядели все разом, и тогда официант, почесав в затылке, вынул обтрепанные, видавшие виды счеты, постучал костяшками и сказал:

— С вас двести рублей. Ровно. Будете проверять? — обратился он к самому старому и почтенному математику.

— Нет, нет, что вы! Имейте-ка это число весьма близко к расчетному параметру, — ответил математик.

ХРОНИКА «КЛУБА ДС»

СМЕХ СВЕРХУ

Уже в течение десяти лет администрация «Клуба ДС» читает и слушает журнал «Прутаверк», издаваемый Госкомитетом Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию. Читает и слушает маргинально, поскольку, насмотрев на почти идеальный порядок в стране, курить-пить нашим только, где бы где-то, они бегут, в подпольные чаи на чаи на пятом этаже.

Администрация уже имела случай в удовлетворением отметить, что в одном из последних номеров прошлого года в журнале появилась новая рубрика «Смех сверху». Не дав, просмотрев второй, февральский номер «Прутаверка», администрация обнаружила в нем целые две страницы, как, или привычно говорить в народе, развернут, систематизированный из материалов «Клуба 12 стульев» «ЛГ». Администрация ознакомилась со своей продукцией, и на глаз определила традиционные рубрики — «Иронические проза», «Переводы», «Сто строк Евг. Сазонова», «Чудаки» и др. Не затем пришлось развести руками в где же любимые народом «Рога и копыта» и «Фразы»?

Недоумение разъяснили несколько строчек, предпосланных редакцией: «Мы не встретили на этой странице привычных рубрик «Клуба 12 стульев» «Рога и копыта» и «Фразы». Они представлены на пятой, звуковой странице журнала».

Администрация немедленно поставила пластинку на совершенно случайно оказавшийся рядом проигрыватель и услышала фрагмент встречи «Клуба ДС» с читателями, записанный в актовом зале Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени Губкина.

Прослушав пластинку, администрация со свойственной ей скромностью должна была констатировать, что рубрика, придуманная «Кругозором» («Смех в зале»), и в данном случае полностью соответствует жизненной жизни.

И в заключение просьба: нет ли у него лишнего экземпляра «Кругозора» за февраль? Оплата за наличный расчет.

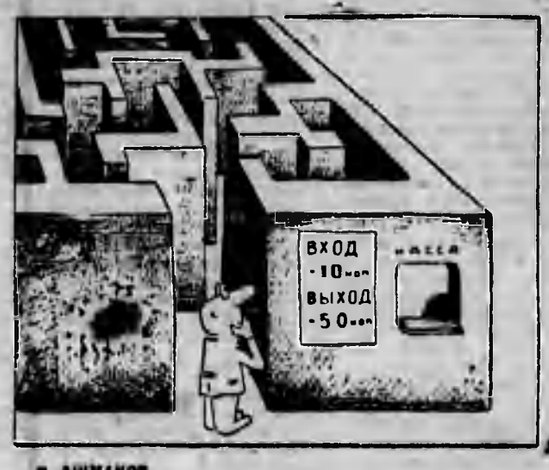

В. ПЕСНОВ

ЧУДАКИ

М. КАШИРИН

В. АШМАНОВ

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ «Клуба ДС»

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

ФАЛАЛЕЕВ провожал жену с утренним поездом и потому опоздал на службу.

— Ну что, Фалалеев,— спросили приятели,— проводил жену-то?

— Проводил,— сказал Фалалеев.

— Надолго? — спросили приятели. — На сколько дён?

— Да на трое суток,— сказал Фалалеев.— Трое суток у нее командировка.

— Трое суток — это срок, —сказали приятели.—За трое суток можно каких дров наломать.

Сам не зная отчего, Фалалеев потаенно улыбнулся в ответ, будто его поощряли, будто и точно получились у него трехдневные каникулы. Так он и просидел до конца дня, сберегая в области солнечного сплетения чувство неясной радости и предвкушение чего-то особенного.

Можно было многое. Можно было, к примеру, подсесть, будто ненароком, в один автобус с секретаршей Верочкой и завести с ней шутливый разговор о том, о сем. А потом, вроде шутя, пригласить ее к себе на чашку чая. И скорее всего, так чувствовалось по многим незначащим деталям, Верочка заскочила бы к нему на минуту-другую поглядеть телевизор. Правда, в фалалеевском телевизоре ничего такого особого не показывали, то же, что и у всех. Но телевизор, ясное дело, был только поводом. Тем более, что в серванте стояла бутылочка десертного вина, легко восприимчивая к приезду жены, так как в соседнем угловом магазине подобное вино не пользовалось успехом ввиду своей десертности.

Однако дальнейшего развития этой мысли Фалалеев не допустил, разумно предоставляя остальное случаю.

Автобус с Верочкой ушел, не дождавшись от Фалалеева решительных действий.

А дома было пусто, чисто, и не находилось самому себе никакого применения. Фалалеев бесцельно помотался по квартире, а потом вышел на угол скверика и, оттоптавшись минут пять в очереди на морозе, без большой убежденности хватанул кружку пива. От этого он почувствовал себя еще более одиноким и неустроенным, метнул несъеденной сушкой в воробья, не попал и, вернувшись домой, лег не софу, как был, в пальто. Чтобы отвлечься, он стал по-всякому складывать ладошку перед зажженной лампой, чтобы тень на стене походила на разных зверей и птиц. «Дотой, что ли, завести,— раздраженно подумал он,— или аквариум с гуппи. Все бы в квартире чего-нибудь гуркалов.

И выпитое пиво его толком не брело, и безвозвратно утекало каникулярное время.

Фалалеев поставил себе на грудь телефон и стал перелистывать записную книжку. Каких-то прежних телефонов в ней хватало. Но иных абонентов он позабыл, другие могли оказаться записанными по служебной надобности, третьи, должно быть, не помнили его. Правда, в пару-тройку мест можно было попробовать, но Фалалеев струсил, боясь нарваться на родителей или уже мужей. Полежав без действий, Фалалеев придумал себе теорию, что, пожалуй, неприглядно самому искать приключения, и если уж что случится, то пусть случится само собой, без его видимой активности. Скажем, возьмут сейчас и позвонят ему, и вроде деваться было некуда.

Однако телефон молчал.

«Вот ведь, никто не позвонит, — думал Фалалеев, — не спросит: как, мол, ты там, Фалалеев? Может, не знаешь, куда себя деть? Интересно, мол, посмотреть, какой ты теперь стал, как поживаешь и вообще... Может, повидаемся? Может, и сегодня? Да нет, время еще детское... Хочешь, я к тебе заеду или ты ко мне приезжай... До какого метро мне взять?.. А подъезд какой?..»

Фалалеев подозрительно взглянул на телефон. Может, отключили или трубка плохо лежит?

— Седьмая! — тут же откликнулось «09».

— Мне квартирный телефон не подскажете? Не фамилию Фалалеев, — сказал Фалалеев и назвал свой адрес.

«Вот и в справочном можно мой телефон узнать. — подосадовал Фалалеев, когда ему подсказали его номер. — Можно все узнать, если только захотеть!..»

Часам к двум его сморил сон. Он отставил телефон, кое-как разостлал на софе свои спальные принадлежности и погасил свет.

Звонок разделся в половине третьего.

— Не спите? — сказал вкрадчивый голос, явно привыкший говорить с Фалалеевым на «ты» и маскирующийся только ввиду необычности беседы.

— А что? — принимая игру, спросил Фалалеев. — Еще, как говорится, не вечер.

Он яростно отпихивал ногой одеяло.

— Вы меня, конечно, не узнаете? — сказали там.

— Допустим... — туманно ответил Фалалеев, разобрев, наконец, что голос мужской.

— А вот тут одна девушка утверждает, что вряд ли достанет до утра, если не увидит вас.

— Интересное сообщение... — сказал Фалалеев, с трудом возрождая в сонной памяти искусство телефонных пассажей. — И зовут эту девушку?..

— Она блондинка, — сказали там, помолчав. — Стройная, среднего роста... Это все, что мне поручено вам передать.

— Я вообще-то всегда симпатизировал рыженьким, — сказал Фалалеев, — я!..

Там помолчали.

Фалалееву было трудновато, держа трубку, одновременно натягивать носки, поэтому он сказал с некоторой натугой:

— Вы, кажется, там выпиваете?

— Это нельзя назвать именно так, — ответили, — но для желающих найдется бокал «текши».

— Я предпочел бы что-нибудь покрепче, — сказал Фалалеев.

— Будет, — сказали там, помолчав. — Будет покрепче.

— Кстати, что это у вас там звучит? — спросил Фалалеев, накидывая на шею галстучную петлю. — Магнитофон?

— А вам хочется?..

— Если говорить честно,— напрягся Фалалеев, выдумывая, — я люблю музыку живьем. Пусть будет даже только трио. Рояль, контрабас, ударник...

Там опять произошла заминка.

— Заметано, — сказал вкрадчивый голос.

— Ну, а теперь, — сказал Фалалеев, вставая одетым,— как мне до вас ехать с Таганки?

— С Таганки?..

На этот раз заминка была слишком уж продолжительной, и Фалалеев крикнул, забеспокоившись:

— Алло!

— Простите,— сказал вдруг голос, бывший ранее вкрадчивым. — У вас какой номер телефона?

Фалалеев назвал.

— Извините,— сказали там. — Мы не так набрали. Это ошибка... Простите, ради бога!..

Фалалеев сходил на кухню и жадно попил воды, присосавшись к носику чайника. Только потом ему хватило сил сказать:

— Стрелять надо таких гадов. Напьются так, что не могут номер верно набрать...

Через три дня Фалалеев встречал жену с утренним поездом и потому опять явился на службу с опозданием.

— Ну что, Фалалеев, — спросили приятели, — встретил жену-то?

— Встретил, — сказал Фалалеев.

— Надолго уезжала?—спросили приятели. — На сколько дён?

— На трое суток, — сказал Фалалеев.

— Трое суток — это срок! — сказали приятели. — Наломал дровишек!

— А вот, представьте себе, нет! — сказал Фалалеев. — И не думал даже!..

И он сидел до конца дня, сберегая в области солнечного сплетения чувство неясной гордости и даже некоторого превосходства над другими, что всегда бывает с человеком, одолевшим дурные желания.

ПОДРАЖАНИЯ

Борис БРАЙНИН

Игорю ЖДАНОВУ

НЕ ЛЕЗЬТЕ, ГРАЖДАНЕ, В ПОЭТЫ

Не рвитесь, мальчики, в поэты:
Удача эта тяжела...
...Мы, горемыки и артисты,
Вам наготовили красот:
Стихов хороших —
лет на триста
А прозы—даже на пятьсот
И. ЖДАНОВ

На днях письмо пришло в газету.
Мораль письма была строга!
«Не лезьте, граждане,
в поэты —
Ходите лучше на бега.
Мы, стихотворцы-романисты,
Вам наготовили красот:
Вполне приличных —
лет на триста,
А гениальных — на пятьсот.
Долой с Парнаса графоманов!»
А дальше подписи в столбец:
Катулл, Сервантес,
Данте, Жданов,
Шекспир, Мольер,
Дюма-отец,
Аббат Прево, Державин,
Шеллн,
Рабле, Грабежка,
А. Толстой,
О'Генри, Твен, Макиавелли,
Артюр Рембо,
А. К. Толстой,
Толстой, что написал
«Казаков»,
Камю (писатель), Теккерей,
Кнут Гамсун,
протопоп Аввакум,
Эзоп, Жуковский, Апулей,
Ушинский,
Всеволод Иванов,
Хеминцер, Дельвиг,
Мвекмо,
Сковорода и снова Жданов.
Изливший душу в резюме:
Хоть я не Пушкин —
рос боз каки, —
Но в строчно, правильной
вчера:
«Я — гений,
Игорь Северянин», —
Менять фамилию пера.

ПЕРЕВОДЫ ДЕБЕВОУРА

Януш ОСЕНКА

СЕРВИС

Действующие лица:

ПРИЕМЩИК
КЛИЕНТ

(Входит клиент, нагруженный свертками)

КЛИЕНТ. Извините, здесь находится бюро добрых услуг?

ПРИЕМЩИК. Чем могу служить?

КЛИЕНТ. Вы видите, у меня обе руки заняты свертками, а мне очень душно. Не могли бы вы отстегнуть пуговицу у плаща под шеей?

ПРИЕМЩИК. Мы не отстегиваем пуговицы клиентам.

КЛИЕНТ. В этом кармана у меня деньги. Может быть, вы будете настолько любезны, что вымете их и возьмете себе за услугу?

ПРИЕМЩИК. Мы не вынимаем у клиентов деньги из кармана.

КЛИЕНТ. Но может, в порядке исключения... Дам вам пять злотых за отстегивание пуговицы.

ПРИЕМЩИК. Я не смогу их взять.

КЛИЕНТ. Дам вам десять злотых.

ПРИЕМЩИК. Я не смогу взять никакой суммы. Отстегивание пуговицы не предусмотрено прейскурантом.

КЛИЕНТ. В таком случае, может быть, вы отстегнете ее бесплатно?

ПРИЕМЩИК. Увы. Наше бюро не производит бесплатных услуг.

КЛИЕНТ. А могли бы вы отстегнуть эту пуговицу просто так, частным образом?

ПРИЕМЩИК. Прошу простить, но во время работы я не имею права оказывать частные услуги.

КЛИЕНТ. Я в самом деле задыхаюсь!

ПРИЕМЩИК. Вам следовало бы дойти до «Скорой помощи».

КЛИЕНТ. А прейскурантом предусмотрено отпаривание и пришивание пуговиц?

ПРИЕМЩИК. Конечно.

КЛИЕНТ. В таком случае, может быть, вы мне отпорете пуговицу под шеей и пришьете ее с другой стороны?

ПРИЕМЩИК. Я не отпариваю и не шью. Я только принимаю работу, которую исполняют наши мастера.

КЛИЕНТ. Но мастера-то у вас есть?

ПРИЕМЩИК. Мастерская находится в другом месте.

КЛИЕНТ. Так что — вы не умеете пришивать пуговицы?

ПРИЕМЩИК. Умею. Но я не шью, а только правимаю работу.

КЛИЕНТ. Значит, вы не пришьете мне пуговицу с другой стороны?

ПРИЕМЩИК. Я тут поставлен не для шитья.

КЛИЕНТ. От этого разговора мне стало еще хуже. За это время вы смогли бы отстегнуть не одну, а все пуговицы.

ПРИЕМЩИК. Я же вам объяснил, что наше бюро пуговиц не отстегивает.

КЛИЕНТ. Черт побери!

ПРИЕМЩИК. Что с вами?

КЛИЕНТ. Наверное, зуб заболел *(широко открывает рот)*. Посмотрите там внизу... Этот, передний...

ПРИЕМЩИК *(заглядывает)*. Там дыра.

КЛИЕНТ. Спасибо. Вот видите, вы осмотрели дупло бесплатно и ничего не объясняя. А пуговицу расстегнуть не захотели.

ПРИЕМЩИК. Осмотр дупла... это нечто иное. Это не моя область.

КЛИЕНТ. А пуговица — это ваша область?

ПРИЕМЩИК. Ну... во всяком случае... очень близкая...

КЛИЕНТ. Уфф, как душно. Но счастье, что теперь я знаю, где мне расстегнут эту пуговицу под шеей.

ПРИЕМЩИК. Где?

КЛИЕНТ. У дантиста.

Перевел с польского
Лев ЛАННЕР

СО СТОЛА ЕВГ. САЗОНОВА

Песенка про творчество

Наблюдая в окно,
Я заметил одно
Там явленье.
Чтоб его донести,
Написать решил стих-
Хотворенье.
Только ручку нашел,
Как приятель зашел —
Поделиться.
Мне отлечься пришлось
И в творенни ос-
Тановиться.

Лишь приятель ушел,
Снова ручку обрел
Для писанья.
Тут мне на повезло —
Подкидало разо-
Чарованье.
Я в окно посмотрел
И уже не узрел
Там явленья.
Ни нет места грусти —
Ведь написано стих-
Хотворенье.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва, Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 295 00 00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).

Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01010 Типография «Литературной газеты» Москва К-61, Цветной бульвар, 30 Зак. 149 ИНДЕКС 60067